

Б. РАБИЧКИН, И. ТЕЛЬМАН

Белая бабочка

Б.РАБИЧКИН, И.ТЕЛЬМАН

Белая бабочка

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1957 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОТОРОЙ СЛЕДОВАЛО БЫТЬ ЭПИЛОГОМ

Он успеет.

До пресс-конференции осталось полтора часа.

Ровно в три Сергей Иванович вышел из отеля «Париж». Он отпустил машину, ожидавшую у подъезда, и пошел пешком.

Каштаны всюду цветут одинаково. В Париже. Киеве, Дрездене, Праге... Но каждому городу они придают свою неповторимую прелесть.

Сергей Иванович знал и любил этот город

еще с той поры, когда молодым приват-доцентом читал в здешнем университете лекции о русской археологии.

Легкий ветер осыпал с каштанов бледные лепестки. Они медленно кружились в воздухе, словно не решаясь опускаться на крыши лимузинов, на плечи прохожих, на асфальт улиц.

Сергей Иванович шел по бульвару, думая о весне. Это была его семидесятая весна.

В тот год весна наступила поздно. Над Европой долго стояла суровая зима. Дети Рима впервые увидели снег. Птицы замерзали на лету. Бушевали снежные метели. Они валили столбы, рвали телеграфные линии, останавливали поезда. С Альп и Пиренеев сползали снежные лавины, засыпая человеческое жилье.

В апреле еще было холодно. С моря дули злые ветры. Почки набухали с трудом. Но в сердца людей весна вошла уже давно.

В ту весну встреч было больше, чем разлук.

Под флагом советского премьера в Портсмут прибыл крейсер «Орджоникидзе».

В эфире еще раздавались воинственные голоса генералов НАТО, но их все больше заглушали песни Ива Монтана, музыка Шостаковича, стихи Неруды. И оказалось, что у кукол Сергея Образцова и Йозефа Скупы больше силы, чем у марионеток, выпущенных на сцену режиссерами «холодной войны».

В нью-йоркских залах гремела овация в честь советского пианиста, а толпа киевлян, остановившая все движение возле зала филармонии, рукоплескала американскому скрипачу.

Это была памятная весна 1956 года...

Сергей Иванович вздрогнул. Совсем рядом,

почти над ухом, раздались зычные голоса продавцов газет:

— Лед холодной войны должен растаять!

— События на Кипре!

— Мы увидим Галину Уланову!

— Успех московских переговоров!

Сергей Иванович уже собрался завернуть за угол, когда сквозь эту шумную многоголосицу прорвались хриплые выкрики:

— В Москве арестован академик Лаврентьев!

— Член Бюро Всемирного Совета Мира в подвалах МВД!

Остановившись, Сергей Иванович пошарил в кармане своего широкого темно-серого пиджака и подозвал орущего разносчика. Тот протянул ему газету. От Сергея Ивановича не ускользнул злой взгляд, которым его проводили два продавца газет, стоявших чуть поодаль. Он услышал фразу, брошенную ему вдогонку:

— Эта борода, видать, любит тухлятину...

Сергей Иванович прошел несколько шагов и, повесив свою палку на металлические поручни у окна витрины, развернул газету. С третьей страницы на него глядело спокойное, задумчивое лицо человека в очках и академической ермолке, из-под которой видны были седые волосы. Белая густая борода слегка выдавалась вперед, закрывая галстук.

Сергей Иванович посмотрел на собственный портрет и прочитал набранное жирным шрифтом сообщение о своем аресте. Ситуация была более чем комичной. На лице Лаврентьева появилась улыбка, даже морщины вокруг его глаз казались теперь веселыми, и,

вероятно, он расхохотался бы, но, складывая газету, Сергей Иванович повернул лицо к витрине. За толстым стеклом магазина дамских мод стояла гипсовая Афродита. Античный профиль прекрасной дочери Зевса был величав и равнодушен, волосы собраны в строгий греческий узел.

Лаврентьев не поверил своим глазам и, чтобы лучше рассмотреть, облокотился на металлические поручни. Обнаженное тело богини плотно облегал купальный костюм на «молниях» — последняя новинка знаменитого модельера.

Сергей Иванович хотел уже было войти в магазин, но, тотчас вспомнив, где он находится, махнул рукой и, выбрасывая далеко вперед палку, свернул с бульвара в боковую улицу.

Когда-то на этой тихой улице он снимал комнату, которую, к ужасу хозяйки, завалил книгами, рукописями, журналами, альбомами. Все три этажа старого дома рано засыпали, и только в угловой комнате с круглым балконом гости русского ученого до глубокой ночи вели жаркие споры, в которые нередко приходилось вмешиваться вежливой консьержке.

Лаврентьев постоял у дома, за четыре десятка лет обветшавшего еще больше. На знакомом балконе мальчуган пускал мыльные пузыри, и, явно завидуя ему, девчушка радостно хлопала в ладоши, когда на мгновение в воздух поднимался шар.

Лаврентьев помахал ребятам шляпой и не спеша пошел дальше. Лишь теперь он заметил машину, уже давно следовавшую за ним.

Из двухместного автомобиля, проехавшего на полквартала вперед, вышли двое. Один — в синем берете и замшевой куртке — навел фотоаппарат на приближавшегося Лаврентьева, другой подошел к нему и, снимая шляпу, учтиво сказал:

— Господин Лаврентьев, честь имею...

— Вы обознались... Бедный русский академик сейчас томится в подвалах МВД. — И Сергей Иванович ткнул опешившему журналисту газету.

Едва взглянув на заголовок, оба корреспондента расхохотались:

— Эта утка прилетела из-за моря... Очередное изделие агентства мистера Перста... Мы надеемся, этот «арест» не помешает читателям встретиться сегодня с академиком Лаврентьевым на страницах нашей газеты.

— Прошу... Клуб журналистов. Сегодня в четыре.

— К сожалению, газета выходит в пять, — сказал человек с фотоаппаратом.

— Фото, которое вы только что сделали, убедительней любого интервью.

Журналисты переглянулись.

— Господин Лаврентьев, хотя бы три слова... О самом главном.

— Три слова? — переспросил Лаврентьев. — Извольте: весна... мир... дружба...

Сергей Иванович поклонился журналистам и, уже не надевая шляпы, быстрой походкой зашагал в сторону набережной.

От реки повеяло свежестью. По мосту с узорной оградой и чугунными столбами, с которых гроздьями свисали молочно-белые шары

фонарей, растянулась вереница машин. На гранитной набережной в эти часы всегда тихо.

И именно в это время любили приходить сюда истые книголюбы. Они подолгу рылись в книгах, разложенных на бесчисленных рундуках, которые, словно гнезда, прилепились к гранитному парапету. Это были простые деревянные лари с откидными крышками, похожие на огромные почтовые ящики. Хозяева, унося с собой лучшее из своих сокровищ, на ночь запирали рундуки тяжелыми ржавыми замками.

Здесь торговали знаменитые букинисты, поэты своего дела, у которых интересы коммерции зачастую отступали перед страстью книжника.

Завидев Лаврентьева, хозяин крайнего рундука — сухонький старичок в потертом пиджаке, с клетчатым шарфом вокруг шеи — быстро встал с небольшого раскладного стула, засуетился, замахал широкополой шляпой, от времени и погоды давно потерявшей цвет и форму.

— Мсье Лаврентьев!

По всему было видно, что Сергей Иванович здесь давний знакомый.

Старик с шарфом завладел Лаврентьевым. Он порылся в недрах своего рундука, достал небольшую книгу в старом кожаном переплете, вытер ее полый пиджака и с торжествующим видом протянул гостю.

— О! Старое издание Горация... Давно ищущу... Спасибо, дорогой Журден.

У другого рундука Лаврентьева встретил рослый человек с гривой седых волос. Он был

в бархатной куртке, между отворотами красовался пышный черный бант.

— Может быть, мэтру пригодится этот комплект? — И, развязав бечевку, он выложил перед Лаврентьевым номера журнала «Искусство».

Лаврентьев стал просматривать комплект за 1913 год. Он перевернул несколько страниц... Одну из них занимало цветное изображение тиары. По верхнему краю широкого золотого обруча в стремительном галопе неслись олени, их преследовали львы, стреляющие из луков.

Лаврентьев улыбнулся.

— Мэтр, конечно, знает эту корону, — сказал букинист.

Да, теперь Лаврентьев знал о ней абсолютно все...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДВЕ НАХОДКИ

Тридцать два буска мрамора

Вот уже три дня у Оксаны плохое настроение. Такой неудачи на раскопках у нее еще не было. Неделью копают — и безрезультатно.

Конечно, если смотреть философски, отрицательный ответ — тоже ответ. Но невесело стоять над пустым котлованом, утешая себя мыслью, что ты обогащаешь науку одними отрицательными ответами.

По узкой тропке Оксана поднялась на вершину кургана. Отсюда открывается вид на всю территорию Эоса...

Двадцать пять веков назад здесь вырос город над Понтом. Его улицы несколькими террасами спускались к морю. Минуя театр, гимнасий, стадион, житель Эоса выходил на главную городскую магистраль. Широкая, мощенная битой черепицей, керамикой, щебенкой, она параллельно морскому берегу прорезала верхнее плато и упиралась в беломраморный храм Аполлона, которого Эос считал своим богом-защитником.

Для пешеходов были тротуары, выложенные крупными камнями. Корабли, приходившие в Эос от берегов Эллады, везли эти камни, отшлифованные волнами Эгейского моря.

С палуб по шатким доскам сносили на берег остродонные амфоры, наполненные янтарным вином и густым оливковым маслом, аттическую посуду, расписную керамику из Ионии, яркие ткани, изделия греческих ваятелей и ювелиров. Разгрузившись, корабли брали на борт зерно и рыбу, мясо и рабов и уходили к берегам Афин и Милета, Самоса и Родоса, Ольвии и Боспора.

В гавани Эоса и на прибрежных улицах было всегда оживленно. Здесь с утра до вечера пылали двухъярусные печи. В них обжигали черепицу, простую посуду, снятую с гончарного круга, пирамидальные грузила для рыболовных сетей, круглые пряслица для ткацких станков. В толстостенных глиняных тиглях плавилась медь, из которой отливали украшения и трехгранные наконечники для стрел. Кузнецы ковали лемеха и короткие мечи. На широких открытых площадках сушили прямоугольные кирпичи из глины с примесью измельченной соломы.

Особенно многолюден был рынок. У портиков, крытых красной черепицей, толпились покупатели.

Город окружали высокие зубчатые стены из огромных каменных плит. Вдоль глубоких и крутых балок стены зигзагами спускались к берегу, где у самого моря стояла мощная фланговая башня.

Остатки этих стен сохранились до наших дней, как сохранились и занесенные многовековыми слоями песка и пыли остатки площадей, жилых кварталов, общественных зданий Эоса, которые уже много лет изучает экспедиция академика Лаврентьева.

С кургана Оксана видно, как люди спешат на свои рабочие места. Она посмотрела на часы. Пора. Оксана отвязала веревку, и по флагштоку медленно пополз вверх алый вымпел.

Начался новый июньский день раскопочно-го сезона 1955 года.

Участок, которым заведует Оксана Васильевна Сокол, находится неподалеку от кургана, опоясанного невысокой оградой из каменных плит, плотно пригнанных друг к другу.

Десять землекопов осторожно, не спеша, углубляют дно котлована с отвесными стенками. Перекопанную землю выбрасывают на борт раскопа, мимо которого протянулись рельсы узкоколейки. Над перекидным ковшом вагонетки двое молодых рабочих просят землю через прямоугольный металлический грохот.

Оксана стоит рядом. В синем комбинезоне она кажется еще стройнее и выше. На голове у нее косынка с козырьком, под которой едва поместились косы, собранные в узел. Красивое

лицо Оксаны сумрачно. За три последних дня ничего, кроме одиночных камней да комочков ссохшейся глины, не задержалось в решете.

Еще одна вагонетка с землей ушла на поворотный круг. Оксана проводила ее взглядом и направилась к брезентовому тенту, натянутому в виде гриба с подветренной стороны участка. Только теперь она заметила Сергея Ивановича.

Академик Лаврентьев в белом чесучовом костюме и светлой летней шляпе шел на участок необычным для человека его возраста быстрым и легким шагом.

Полушутя Оксана скомандовала: «Лопаты вверх!» Рабочие, улыбаясь, подняли лопаты — так здесь обычно приветствуют появление начальника экспедиции.

Сергей Иванович поздоровался.

— Ну, как дела, Оксана Васильевна?

— Сегодня, как вчера... Только не хватает, чтоб этот журналист приехал.

Лаврентьев насупился:

— Разве мы для рекламы работаем? Оксана Васильевна, никогда не думал, что вы тщеславны...

Сокол досадливо махнула рукой:

— Да я не о себе!.. Просто обидно. Так надеялись на этот участок! Шутка ли сказать — самый центр города...

— А может быть, мы узнаем, что в этой части города ничего не было?

— Сергей Иванович, по-моему, вы предпочитаете дружить со словом «было».

— Как каждый археолог... Но, право, для трагедий не вижу никаких оснований.

Лаврентьев, постукивая палкой, подошел ближе к борту раскопа и, слегка прищурив левый глаз, спросил:

— Глубина метр восемьдесят?

— Сто семьдесят три.

— Тем более. До материка еще копать и копать.

Услыхав эти слова, работавший поблизости немолодой землекоп предложил:

— Сергей Иванович, а может, новый раскоп заложим?

— И будем искать золото? — с усмешкой добавил Лаврентьев.

Наступило неловкое молчание.

— Кузьмич, какой сезон вы у нас работаете? — Чувствовалось, что Сергей Иванович сердится. — По-моему, десятый...

— Аккурат десятый.

— За десять лет можно убедиться, что мы экспедиция археологов, а не кладоискателей.

— Сергей Иванович, вы уж извините... может, я не так сказал, но просто больно смотреть, как Оксана Васильевна переживает.

Лаврентьев с укоризной посмотрел на начальника участка, хотел что-то сказать, но в это время донесся крик:

— Оксана!.. Оксана!..

Лаврентьев и Сокол оглянулись.

Над соседним раскопом, метрах в ста пятидесяти от участка Сокол, показалась молодая женщина. Она не заметила начальника экспедиции и, держа над головой амфору, продолжала звать Оксану. Снизу ей передали второй сосуд, третий. Она осторожно складывала их рядышком на борту раскопа.

— Два дня копают — и уже... — сказала Оксана Васильевна. — А у меня ничего — одни камни. — И она показала на грудку камней у раскопа.

— Ничего нет только там, где не ищут. — Лаврентьев отозвал Оксану в сторону: — Вы слышали, что Кузьмич предлагает?.. Людям передается ваше настроение.

Это прозвучало упреком.

Сергей Иванович перешел на соседний участок. Здесь его встретил хранитель заповедника Остап Петрович Шелех, который с началом раскопок становился одновременно начальником участка. Он выбрался из котлована, отряхнул густую пыль, осевшую на его синюю рубашку с закатанными рукавами, и затеребил седоватую бородку клинышком. Немногословный и скупой на жесты, хранитель заповедника был чем-то взволнован. Сегодня для этого имелись все основания.

Темное пятно на светлом глинистом дне раскопа, накануне замеченное Остапом Петровичем, действительно оказалось горловиной ямы.

Расчистив ее, отряд Шелеха утром нашел склад амфор. Фотограф экспедиции Коля Малыгин, паренек лет двадцати, в майке и спортивных брюках, уже был на месте и успел сфотографировать находку.

— Сорок пять амфор, все с клеймами, и ни одной трещины, — говорил Шелех, помогая Лаврентьеву спуститься по деревянной лесенке к яме-хранилищу...

Оксана по-прежнему стояла у раскопа, наблюдая за работой. Сегодня она была очень

недовольна собой. Какое малодушие! Совсем как практикантка. Будто не она седьмой сезон в экспедиции и второй год начальник участка!

Из котлована подали камень. Сокол недовольно поморщилась.

— Опять камень! — Хотела сдержать себя, но слова уже сами вырвались.

Медленно, без всякого интереса, берет она щетку, счищает налипшую глину — и вдруг вскрикивает. У нее в руках кусок мраморной плиты с высеченными греческими буквами. Оксана еще не пришла в себя от первого впечатления, а ей подают второй кусок, третий. Неочищенными она прикладывает их к первому. Куски сходятся.

Рабочий из раскопа спрашивает:

— Оксана Васильевна, мрамор?

Она кивает головой и что есть силы кричит:

— Сергей Иванович!.. Сергей Иванович!..

Позвали Лаврентьева. Он поднялся на лесенку в соседнем раскопе и вопросительно развел руками.

— Декрет!.. Декрет!.. — кричит Оксана.

Лаврентьев, забыв свою палку, проворно выбрался наверх. За ним спешили Шелех и Коля Малыгин. Коля бросился к вагонетке, разогнал ее и, вскочив, покатил на участок Оксаны.

Через несколько минут все столпились вокруг Оксаны. Она сидела на земле и складывала куски мраморной плиты. Их было тридцать два.

Лаврентьеву принесли табуретку. Но он присел на корточки и, сдвинув очки на лоб, помолодевшими вдруг глазами пытался про-

честь надпись, хотя еще не хватало многих кусков.

— Второй век до нашей эры? — спросил Шелех.

— Да, тридцатые годы.

Лаврентьев поднялся:

— Ну, друзья мои, если найдем еще несколько кусков, — это большое открытие. Нес

*plus ultra*¹. Поздравляю вас, Оксана Васильевна. Декрет Пилура... Величайшая находка!..

В этот день была сделана еще одна находка.

---

¹ Самый лучший, непревзойденный (лат.).

В заброшенном склепе

Тридцать лет Остап Петрович хранитель заповедника Эос, и тридцать лет ведет он упорную борьбу с теми из жителей Терновки, кто не считает зазорным набрать ведерко глины в каком-нибудь из давно раскопанных склепов урочища Ста могил.

В последние годы никто из взрослых — даже самые несознательные — за глиной в склепы не ходит. Этот грех еще водится иногда за терновскими ребятами. Хотя они дружат с археологами и целые дни пропадают на раскопках, но как заманчиво самим, без взрослых, поручивших тебе принести ведро глины, отправиться не на береговые откосы, а в давно заброшенный склеп!

Однако не терновские мальчишки, а время угрожает старым склепам: то завалит свод, то обрушит стену. Эти раскопанные гробницы причиняют много хлопот Остапу Петровичу. Ревностный хранитель эосской старины, он систематически производит расчистку заброшенных склепов.

И сегодня, получив очередное задание от Шелеха, трое землекопов с ведрами и лопатами вышли из ворот заповедника, направляясь в урочище Ста могил.

Некрополь древнего Эоса не похож на кладбище. В степи стоят курганы. Их много. Кажется, что это море набежало на степь, и волны не откатились, а застыли, поросли зеленоватой травой и вот стоят теперь тихими могильными холмами.

Рабочие остановились у невысокого курга-

на, раскопанного много лет назад. Шагах в двадцати от него на поверхность земли выходит дромос — узкий земляной коридор, наклонно прорытый ко входу в глубокий склеп, над которым насыпан этот курган. Двое быстро сбежали по дромосу и юркнули в дыру склепа, лежащего глубоко под землей. Они зажгли фонарь, осмотрелись и тотчас вышли.

— Этот в порядке... Только трещина на потолке. Надо Остапу Петровичу сказать.

Осмотрев еще несколько усыпальниц, землекопы подошли к склепу под большим расплывшимся курганом, стоящим в стороне от дороги.

Через вход в склеп было видно, что там много обвалившейся глины.

Рабочие стали копать недалеко от входа. После нескольких ведер засохшей глины пошла чистая влажная светло-палевая глина, в которой часто попадались комочки извести. Это знаменитая эосская белоглазка. Вынесли одно ведро, второе... И вдруг один из рабочих почувствовал, как его лопата на что-то наткнулась. Когда он отбросил землю, показался носок туфля. Товарищи, которых он кликнул, быстро разгребли глину и увидели ноги, обутые в желтые парусиновые туфли с кожаными носками...

Через полчаса председатель сельсовета Костюк, хранитель заповедника Шелех и Оксана Васильевна уже были на месте происшествия.

Дальше труп не откапывали — ждали милицескую машину из Южноморска.

...Солнце давно уже село, когда над дорогой показалось и стало быстро увеличиваться

облачко пыли. По тому, как, перепрыгивая с кочки на кочку, неся «пикап», было видно, что шофер не беспокоится о пассажирах.

Машина остановилась у склепа. Из кузова выпрыгнули двое в милицейской форме и человек в штатском. Он помог выйти из кабины немолодой женщине с чемоданчиком в руке.

Пока приехавшие совещались с Костюком, Шелехом и Сокол, шофер поставил машину так, чтобы фарами светить в склеп.

Женщина достала из чемоданчика фотоаппарат, рулетку, большую лупу в медном ободке с черной костяной ручкой и спустилась ко входу в склеп. Сверкнули магниевые вспышки... Прошло еще немного времени, и человек в штатском — это был следователь — сказал: — Будем откапывать.

Работа подвигалась медленно, и Шелех с Оксаной принялись помогать. Ведрами носили наверх глину. Постепенно у входа в дромос вырос небольшой холмик. Наконец вынесли последнее ведро.

Теперь при сильном свете двух фонарей стала видна вся камера склепа. На полу лежал труп человека в неестественной позе. Глиняная пыль таким густым слоем покрывала его костюм, что нельзя было разобрать, какого он цвета. Возле трупа блестел большой раскрытый нож с деревянным черенком, каким обычно пользуются охотники. Правая рука мертвеца судорожно сжимала продолговатую консервную коробку.

Председатель сельсовета наклонился к трупу, приблизил фонарь и внимательно посмотрел:

— Кто-то чужой... Не из нашего села.

В склепе стало тяжело дышать. Трупный запах смешался с затхлым запахом глины, сгоревшего магния. Следователь и судебный эксперт, занятые осмотром, обмером, фото-съемкой, время от времени выходили подышать свежим воздухом.

...Поздно вечером труп неизвестного положили в машину.

Глядя на красный огонек, убегавший в сторону Южноморска, Шелех задумчиво произнес:

— Странная история...

Донесение майора Анохина

— Да, странная история, — сказал майор госбезопасности Анохин, рассматривая фотокопию чертежа величиной с почтовую открытку, на котором в правом углу строгим прямым шрифтом было написано: «План урочища Стамогил».

На стекле письменного стола перед майором лежали паспорт, спички, коробка папирос и раскрытый большой нож с деревянным черенком.

На краю стола лейтенант осторожно вскрывал ключом продолговатую консервную коробку. Отогнув жестяную крышку, он даже присвистнул от неожиданности. Анохин удивленно взглянул на него.

В коробке оказались листки плотной бумаги, обернутые в прозрачную влагонепроницаемую ткань. Майор быстро просмотрел их. На

одной карточке задержал взгляд, прочитал вслух:

— «Вайс шметерлинг».

— «Белая бабочка», — невольно перевел лейтенант.

— Вот именно... Анатолий, вы не помните, как фамилия старика-кладоискателя из Терновки?

— Кажется, Куцый.

— Пожалуй, он. Но при чем тут «белая бабочка»? — Майор помолчал и, словно разговаривая с самим собой, произнес: — Пароль?.. Кличка?..

Стук в дверь прервал его размышления.

Вошедший передал майору выцветшую желтоватую бумажку:

— Было зашито в подкладке пиджака.

Майор отложил погасшую папиросу, развернул бумагу и увидел несколько строк, написанных мелкими готическими буквами. В конце стояла размашистая подпись по-русски: «Сергей Лаврентьев». И рядом дата: «23. VI. 1913 г.».

Анохин встал, снова закурил, прошелся по комнате. Дело начинало осложняться.

— Анатолий, где бы нам сейчас достать образцы подписи академика Лаврентьева?

— В банке. Он ведь начальник экспедиции.

— Не подходит.

— Тогда на телеграфе. У академика большая переписка...

— Пожалуй, верно. Придется вам сейчас же съездить.

Лейтенант уже направился к двери, но вдруг, о чем-то вспомнив, обернулся:

— Можно и у нас найти.

— У нас? Где?

— Я сейчас принесу.

Анатолий вскоре вернулся, неся подшивку «Южноморской зари». Он раскрыл ее и показал майору газетную полосу. Через всю страницу жирными черными буквами был набран заголовок: «Южноморскому университету сто двадцать пять лет». В центре полосы выделялось приветствие академика Лаврентьева с четким факсимиле.

Майор взял луну, но тотчас отложил ее — настолько были похожи подписи.

— За сорок лет у академика не изменился почерк... А на телеграф езжайте... Я буду ждать.

Анохин подошел к окну.

Уже за полночь. Черные силуэты акаций и лип отчетливо выделяются на темно-синем небе. Оно низко нависло над городом. Большие крупные звезды сливаются с огнями на корабельных мачтах. Иногда звезда начинает двигаться — это из гавани уходит в море корабль. За раскрытым окном стоит тишина, и только из вечно бодрствующего порта доносятся гудки, шипенье пара, скрежет лебедок...

Под утро майор Анохин продиктовал донесение в Комитет государственной безопасности:

«Вчера в 20.40 на территории заповедника Эос, в тридцати километрах от Южноморска, в старом склепе урочища Ста могил, обнаружен труп неизвестного, погибшего, очевидно, в результате обвала свода. При нем найдена картотека агентуры гестапо Юга, фотокопия

плана урочища Ста могил, а также датированная 23. VI. 1913 г. расписка на немецком языке академика Лаврентьева Сергея Ивановича в получении пяти тысяч марок от Берлинского музея. Установлено, что паспорт убитого фальшивый...»

На „диком“ пляже

У археолога не бывает двух одинаковых дней. Каждый день открывает ему новое в старом. Раскопочный сезон этого года начался удачно и обещал быть богатым открытиями.

От грусти первых дней у Оксаны и следа не осталось. Причина тут не только в находке декрета Пилура, ставшей праздником для всех археологов. Сами будни экспедиции приносили ей радость. Сокол давно полюбила свою нелегкую работу, но, пожалуй, только в это лето по-настоящему почувствовала, что родилась археологом. Теперь Оксана была уверена: случись ей узнать все сто тысяч человеческих профессий и занятий, она бы все равно вернулась к археологии.

Обожженная солнцем и ветром, усталая, запыленная, в своем неизменном комбинезоне и косынке с козырьком, Оксана шла с участка на берег моря. По дороге ее нагнали подружки. Неизвестно откуда появился Коля, сразу забежал вперед, навел фотоаппарат и щелкнул затвором. Оксана, продолжая идти, шутливо считала:

— Сто двадцать первый... сто двадцать второй...

Кто-то сзади рассмеялся:

— Готовится персональная выставка портретов Оксаны Сокол...

Тропинка, по которой они шли, круто повернула к морскому берегу. Показался пляж, устроенный самой природой из больших красноватых камней. Границы пляжа отмечены двумя каменными, поросшими морской травой глыбами. Даже волнам не удалось как следует отшлифовать их.

— Смотрите, сколько новых дачников приехало. — Оксана показала на пляж, обычно немногочисленный.

— Но почему сюда едут только мужчины? — сокрушению спросил Коля.

— Я бы не сказала, — возразила Оксана. Она уже заметила девушку в резиновой шапочке, плывущую к берегу. — Коля, ты, кажется, сможешь пополнить свой фотоархив...

— Не мешало б...

Молодые люди расположились на камнях. Оксана с подругами ушла за скалу. Коля быстро сбросил майку, торопясь в воду. Но, увидев, что незнакомка в резиновой шапочке вышла на берег, приготовился фотографировать ее.

— Готовый кадр на обложку «Огонька», — произнес он негромко, но так, чтобы девушка услышала.

— Огоньки разные бывают... Можно и обжечься, — ответила она не без кокетства.

— Археологи народ не трусливый, — нашелся Коля.

— Вы археолог? — с интересом спросила девушка.

— Будем знакомы. Николай Малыгин.

— Ляля Тургина.

— Как это я вас раньше не раскопал?

— А мы недавно приехали.

— Мы? — настояжился Коля.

— Ну да, мы с папой.

Коля облегченно вздохнул.

Подошла Оксана, уже успевшая переодеться. Тонкая, гибкая, небольшого роста, с задорным лицом, на котором блестели капли воды, Ляля казалась совсем юной рядом со спокойной, даже строгой Оксаной.

— Знакомьтесь, — сказал Коля. — Ляля Тургина.

— Сокол.

— Вы тоже археолог?

Оксана уничтожающе посмотрела на Колю.

— Тоже. А вы?

— Студентка.
— Инфизкульт? — живо спросил Коля.
— Совсем наоборот.
— Это, значит, философский факультет, — иронически уточнила Оксана.
— Нет, что вы, я учусь в театральном.
— Вы надолго сюда? — полюбопытствовал Коля.

— Это от папы зависит. Он собирает материал для книги.

— А! — воскликнул Малыгин. — Так это ваш отец журналист? Его тут давно ждут. У нас ведь столько нового...

Коля уже собрался продемонстрировать девушке свою осведомленность в делах экспедиции, как вдруг Ляля сложила ладони рупором:

— Папа! Папа!

На берегу показался невысокий худощавый человек, который, заметив Лялю, быстро пошел ей навстречу.

Интервью академика Лаврентьева

Бывает так: еще не зная человека, с которым предстоит познакомиться, пытаешься представить себе его облик.

Тургин не был знаком с академиком Лаврентьевым. Он, конечно, часто встречал это имя: выдающийся советский историк и археолог известен как видный деятель движения в защиту мира.

Тургину не раз приходилось читать речи Лаврентьева на конференциях и конгрессах

сторонников мира. Но научных трудов академика он не знал. И вот, собираясь в Эос, Павел Александрович отобрал те из работ Лаврентьева, которые связаны с древним городом вблизи Южноморска. Отчеты Лаврентьева о раскопках Эоса, воскрешавшие страницы далекой истории, читались как страницы жизни самого Сергея Ивановича.

...Почти полвека назад перед старой графиней Шереметьевской, владелицей земли, на которой некогда возник Эос, предстал студент Сергей Лаврентьев, добивавшийся разрешения осмотреть и описать остатки древнего города. Уже один вид студенческой тужурки — дело было в 1905 году — был неприятен Шереметьевской. Когда же графиня услышала о цели приезда юноши, она пришла в бешенство.

«Прочь! Прочь! Никаких студентов и никаких розысков! Видеть его не хочу!» — затопала она ногами.

Когда через несколько лет Шереметьевская умерла, ее наследники не упорствовали. Начались раскопки, которых так терпеливо добивались археологи.

Первую эосскую экспедицию возглавил приват-доцент петербургского университета Сергей Иванович Лаврентьев. К тому времени у него уже был опыт раскопок, приобретенный в Греции, Италии, Египте. Многие зимние месяцы он провел в музеях Европы. В Лувре, в Британском музее и дрезденском Альбертиниуме он изучал античный мрамор и керамику, египетские и ассирийские древности. В Национальном неаполитанском музеезнакомился с материалами раскопок Помпей и Геркуланума. В Риме

часами простаивал у античных скульптур и произведений живописи, выставленных в Терме, Баракко и Ватиканском музее.

Молодой ученый приступал к раскопкам Эоса с твердым убеждением, что археология отнюдь не кладоискательство, не развлечение, а серьезное и ответственное дело. Он немало спорил с зарубежными археологами, превращавшими свою науку в вещеведение, в поиски редкостей и уникалов.

«Мы не старьевщики! — в пылу полемики возражал он своим оппонентам. — Археология не наука о битых и целых горшках. Мы — историки, вооруженные лопатой, стремящиеся познать жизнь человечества».

Многие русские ученые поддерживали молодого коллегу, который не искал в Эосе шедевров для украшения императорских коллекций, а занимался наукой, пытаясь приоткрыть дверь в далекое прошлое человеческой истории.

В министерстве двора сразу невзлюбили молодого профессора из Археологической комиссии, человека неуживчивого и резкого. Лаврентьеву не могли простить, что он, сын школьного учителя, в двадцать восемь лет ставший профессором и назначенный членом подчиненной министерству двора Археологической комиссии, так отвечал на поздравления:

«Велика честь состоять в одном ведомстве с царскими охотами и придворно-конюшенными службами».

Чиновники досаждали Лаврентьеву. Они недоумевали: было столько разговоров о богатствах Эоса, Лаврентьев копает третий год,

но почему поступает так мало музейных античных вещей? Если б хоть один из них заглянул в новые работы Лаврентьева, то, даже не будучи специалистом, понял бы, в чем дело.

Эос, подобно Ольвии и Херсонесу, был основан греками за тысячи верст от Эллады. Вокруг обитали скифские племена, и в самом Эосе вместе с греками жили скифы.

Многих ученых давно занимала история и жизнь таких городов-колоний, как Эос. Но Лаврентьев был первым, кто стал здесь искать следы жизни местных племен.

В Петербурге ждали, что раскопки Эоса дадут много античной керамики, акварельных ваз, мраморных статуй, а начальник экспедиции в это время был увлечен совсем другим. Он писал работу о восстании рабов, которое сделало скифа Пилура царем Эоса. Его меньше всего интересовали красивые вещи для музейных коллекций. Не редкие, а рядовые материалы, во множестве попадавшиеся при раскопках, представляли для него главную ценность.

Плох тот археолог, который старается материалы своих раскопок подчинить готовым научным теориям. Но, раскапывая лагуны эосской бедноты, ютившейся в нижней части города, у самых крепостных стен, собирая там обломки утвари, сделанной от руки и украшенной незатейливым орнаментом, нанесенным на грубую глину щепкой или пальцем, Лаврентьев надеялся все-таки найти какие-нибудь следы царствования Пилура...

Приехав в Эос, Тургин узнал о находке, которая хоть и опоздала лет на сорок, но подтвердила давнюю гипотезу Лаврентьева.

Тургин рисовал себе традиционный образ археолога — человека замкнутого, может быть даже чудаковатого, колдующего над черепком с каким-то загадочным клеймом, целиком ушедшего в события тысячелетней давности. Но, едва раскрыв двухтомную монографию Лаврентьева «Эос, каким он был», Павел Александрович увидел страстного ученого, которому чужд дух холодного академизма, умного исследователя, увлекающегося романтика и блестящего полемиста.

Когда Тургинзнакомился с Сергеем Ивановичем, он внутренне улыбнулся. Как не похож был Лаврентьев на тот образ, который он поначалу нарисовал себе!

Есть люди, обаяние которых так же естественно, как и их дыхание, голос, цвет их глаз. После двух первых встреч Тургин понял, что таков и Сергей Иванович.

Однажды вечером Павел Александрович Тургин разыскивал Лаврентьева, обещавшего побеседовать с ним. Он застал академика в камеральной лаборатории. По окончании рабочего дня со всех участков экспедиции сюда сносили наиболее важные находки. К стенам были приставлены большие некрашенные стеллажи. На полках аккуратными кучками лежали разноцветные черепки, и на каждом тушью обозначены дата, номер; тут же находились архитектурные детали, куски мрамора. Были здесь и хорошо сохранившиеся вещи — пухлогорлые, остродонные амфоры, кувшины с тремя ручками — плоскодонные гидрии, в которых эосцы носили воду, изогнутые наподобие рога ритоны для вина, мегарские чашки, с виду

похожие на опрокинутые тибетейки, сосуды для ароматических масел — шаровидные арибаллы и грушевидные бомбилии. Рядом с керамикой на полках помещались свинцовые грузила, медные иглы, залитые парафином железные мечи и ножи, лезвия которых истлели и могли рассыпаться от малейшего прикосновения, а костяные ручки с тонкой резьбой казались недавно сделанными.

С потолка свисали на блоках электрические лампы под белыми абажурами, и их свет дробился на блестящем красном и черном лаке древних сосудов.

Лаврентьев, сдвинув очки на лоб, работал у большого стола посредине камеральной.

Перед ним лежала взятая в деревянную рамку, сложенная из десятков кусков мраморная плита с текстом декрета Пилура. Несколько частей не хватало; пустоты залили гипсом.

Лаврентьев диктовал Оксане, сидевшей у края стола с тетрадью. Читая по-гречески, он тут же переводил на русский. Говорил громко, даже торжественно:

— Клянусь Зевсом, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, что я буду служить народу и никогда не утаю ничего, что может угрожать его благоденствию и укрепленным стенам его города Эоса...

— Сергей Иванович, я не помешал? — выждав паузу, спросил вошедший Тургин.

— Нет, пожалуйста.. Да и нам пора сегодня кончать. — Только теперь Лаврентьев заметил, что уже вечерет. — Мой давний друг Пилур замучил нас с Оксаной... Как ваши успехи?

— Хожу да все удивляюсь... Столько потрясающе интересного! И почему это книг не пишут об археологах?

— Я этот вопрос задаю пятьдесят лет. Ну, а вы-то что-нибудь напишете?

— Дорогой профессор, тут скорее широкая кисть нужна, а мне под силу лишь журнальный очерк о здешних местах.

— Но хоть глава об археологах у вас будет?

— Постараюсь... Сергей Иванович, вы обещали рассказать мне о находке.

— Извольте. — Академик заговорил, пародируя стиль интервью: — Как сообщил нашему корреспонденту доживающий свой век старый ворчун академик Лаврентьев, на днях на участке, где начальником молодой, растущий научный работник Оксана Сокол, найден высеченный на паросском мраморе декрет царя Тимура и его команды...

— Сергей Иванович, будет вам издеваться, — вмешалась в разговор все время молчавшая Оксана. — Ну и злопамятны вы...

Лаврентьев иронически хмыкнул, пряча улыбку в густую бороду. Потом, серьезно посмотрев на ничего не понимающего Тургина, уже другим тоном продолжал:

— Вы читали, как вчера в «Южноморской заре» ваш собрат перекрестил царя Пилура в Тимура?.. Если говорить серьезно, царь Пилур мой старый знакомый. Из-за него довелось не с одним коллегой поругаться. Я доказывал, что он из рабов, царем его сделало восстание. У древних авторов есть намеки, я собрал их, прочитал по-своему, но спорить было трудно: вещественных-то доказательств нет. Правда, еще в тринадцатом году нашли тиару Пилура. Но как ты докажешь, что она венчала голову раба? А теперь, — Лаврентьев показал на мраморную плиту, — на камне высечено: «Пилур, сын раба». В общем, *quod erat demonstrandum*¹.

— Декрет, конечно, выставят в Эрмитаже, рядом с короной? — полюбопытствовал Тургин.

— К сожалению, друг мой, это невозможно. Корона далеко...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОРОНА, ПРОДАННАЯ С МОЛОТКА

Огоньки на курганах

Отправляясь на юг, Павел Александрович Тургин не мог даже предположить, что ему там придется заняться скифским царем Пилуром и его короной.

Между тем в Эосе, который так заинтересовал Тургина, многое оказалось связанным с этими давними событиями. И Павел Александрович немало часов просиживал в южноморских библиотеках и архивах, листая археологи-

---

¹ Что и требовалось доказать (лат.).

ческие отчеты Общества любителей древностей, роаясь в дореволюционных комплектах местных газет, где часто мелькало набранное крупным шрифтом объявление:

Торговый дом
Ганс Нигофф
в Южноморске
Морская улица, № 26
телефон 20—28
Оптовая торговля зерном

...Ганс Карлович Нигофф поселился в Южноморске в конце прошлого столетия.

Единственный отпрыск богатого бременского мукомола и акционер фирмы Ханке и К°, он давно смекнул, какие выгоды сулит ему торговля на юге России.

Хитрый, энергичный, отнюдь не щепетильный в выборе средств для достижения цели, Нигофф за одно десятилетие стал крупнейшим экспортером пшеницы и ежегодно отправлял в Бремен, Гамбург и другие порты сотни тысяч пудов зерна.

Он вел большие дела с первыми помещиками Таврии — Фальцфейном, графом Мордвиновым, но не гнушался скупать зерно и у крестьян Терновки, Голой Балки и других окрестных сел.

С тех пор как Нигофф стал владельцем двух южноморских мельниц и построил крупорушку, эти села почувствовали, как их все

больше сжимает его обросшая рыжеватым волосом короткопалая рука со старинным перстнем.

Приехав в Южноморск с капиталом в пятьдесят тысяч рублей, Нигофф уже в 1911 году был миллионером. Ему принадлежал один из красивейших особняков, вход в который охраняли два мраморных льва, присевших на задние лапы, словно перед прыжком.

По городу ходили разные слухи о том, в какую баснословную сумму обошелся Нигоффу его новый особняк на Морской улице. И только очень немногие знали, что содержимое огромного кабинета Ганса Карловича стоит не меньше этой белой виллы.

Еще в те годы, когда Нигофф не был главой торгового дома, в котором служили управляющие, приказчики, агенты, а сам, в грубом сюртуке с пятнами мучной пыли, ходил по подворью своей первой мельницы, произошел такой случай. К нему подошел щупленький терновский мужичок, привезший зерно, отозвал в сторону и попросил принять в уплату за помол дорогую старобытную вещь. Нигофф недоверчиво посмотрел на просителя, одетого в заплатанную свитку. Но тот из грязного латаного мешка вынул небольшую вазу. Луч солнца тотчас заиграл на ее блестящей чернолаковой поверхности, и немец увидел изображение обнаженной женщины, держащей лошадь под уздцы.

Ваза понравилась Гансу Карловичу. Правда, у него шевельнулась мысль, как бы не продешевить. Каково же было удивление зерноторговца, когда спустя несколько дней заезжий

коммерсант из Генуи предложил ему за эту вазу весьма солидную сумму.

Так состоялось первое знакомство Ганса Карловича Нигоффа с сокровищами древнего греческого города Эоса, остатки которого вот уже пятнадцать веков лежали под землей в тридцати километрах от Южноморска.

Эта земля вместе с соседним селом Терновкой, как нам известно, принадлежала графине Шереметьевской.

Взбалмошная, алчная старуха и слушать не хотела, когда ее просили разрешить раскопки древнего Эоса.

На стороне графини был закон. И всякий раз, когда к южноморскому губернатору являлись с просьбами ученые, старый вельможа из рода Нарышкиных, слывший покровителем наук и искусств, театрально разводил руками. Затем, взяв пухлый десятый том «Свода законов Российской империи», он раскрывал его на знакомой четырехста тридцатой странице и, поправляя пенсне в золотой оправе, провозглашал:

«Клад принадлежит владельцу земли и без позволения его не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может...».

Между Петербургом и Южноморском шла бесконечная и бесплодная переписка.

А тем временем по приказу графини, одержимой жаждой обратить в звонкую монету подземные сокровища, дворовые люди, забросив хозяйство, вооружившись лопатой да заступом, изрыли всю землю шурфами, траншеями. День и ночь искали золотую Ольгу. Верили

старой легенде, будто здесь, под землей, где-то спрятана вся из червонного золота колесница с четверкой лошадей, на которой восседает царица Ольга.

Графиню по ночам мучили кошмары. Был слух, что терновские мужики ищут колесницу под водой, затопившей прибрежные кварталы древнего Эоса. И Шереметьевской часто снилось, как, покраснев от натуги, бородачи в постолах волокут мимо ее окон золотую квадригу.

Искали Ольгу. Искали золото. Но лишь изредка попадались золотые узорчатые бляшки, браслеты, кольца и еще реже — миниатюрные монеты с гербом города Эоса в виде бегущего оленя.

Под торопливыми ударами лопат и заступов золотоискателей гибли, разлетались в куски сотни ценных античных вещей.

Из мрамора разбитых древних колонн, капителей, карнизов в огромных ямах выжигали известь. А неподалеку, на главной усадьбе, из мраморного саркофага поили выездных лошадей графини. Кони ударяли копытами о крышку саркофага. Она лежала на земле, и сквозь поросли мха еще можно было различить изображение сцены прощания с умершим.

Старухе Шереметьевской не давало покоя, что некрополь — кладбище Эоса — расположен за границами ее владений. Это была уже земля терновских крестьян, испокон веков называвшаяся урочищем Ста могил, хотя курганов здесь во много раз больше. Под древними насыпями лежали наибольшие ценности, прельщавшие охотников за кладами.

Потеряв надежду увеличить жалкий надел, купить тягло, свести в хозяйстве концы с концами, иные терновские мужики стали искать свое счастье под курганами некрополя. До боли в глазах вглядывались они в ночную степь — не видно ли на курганах бродячих огоньков. Старики говорили: это клад дает о себе знать, огоньком выходя наружу.

Выбирая ночи потемнее, прячась друг от друга, искатели кладов прорывали сквозь насыпь слежалой земли почти вертикальный ход. Лишь немногим удавалось ползком по узкой норе пробраться в земляной склеп или пробить вход в каменную усыпальницу. Бывало и так: забравшись в гробницу, дрожа от страха, курганщик обнаруживал, что он уже здесь не первый. Тогда он судорожно раскидывал кости скелета, при тусклом свете огарка казавшиеся совсем желтыми, и шарил в надежде — не осталось ли чего-нибудь и на его долю.

На всю Терновку едва набралось бы с десяток удачливых кладоискателей, «счастливчиков», как их звали в народе. Но зато среди этих десяти были знаменитости — Захар Хомяк, дед Михайло и Трофим Кушый, которые только и занимались грабежом древних могил, сколотив на этом немалую денегу. Тонким трехаршинным щупом достав землю из могилы и растерев ее между пальцев, они безошибочно определяли, стоит ли копать погребенье.

Не было более заклятых врагов и соперников, чем эти трое.

Дед Михайло лет тридцать рыскал по могилам. В последние годы старик стал сдавать.

Физически он был еще крепок, но его все больше преследовала боязнь обвала и гибели в норе. И вот однажды дед Михайло пропал. О его исчезновении разное толковали: кто предполагал смерть в склепе, кто, вспомнив старую поговорку «клад найдешь, да домой не придешь», говорил, что деда ограбили и убили по дороге из Южноморска, где он обычно сбывал свои находки.

Потом до Терновки докатился слух: старик жив, здоров и купил каменный дом под Херсоном. В окрестных селах уже были случаи, когда неожиданно разбогатевший курганщик покидал родные места, чтобы поселиться там, где его не знали.

Захар Хомяк скрежетал зубами от зависти. Он давно вынашивал мечту уйти из Терновки — и не мог. Почти вся его выручка от продажи древностей оставалась в южноморских трактирах да кабаках.

В свои сорок лет Захар Корнеевич выглядел старым, хотя по-прежнему крепка была рука и зорек глаз.

Трофим Куцый был намного моложе. Недостаток опыта он с лихвой возмещал волчьей хваткой, упорством и железным здоровьем. О нем рассказывали такую историю.

Однажды ливень застиг Трофима в камере склепа. В гробницу хлынул поток воды и размыл прорытый ход. Единственный путь на поверхность был заказан. Куцый двое суток просидел по горло в воде. Вокруг плавали кости размытого скелета — позвонки, ребра, фаланги пальцев. Окажись в его положении какой-нибудь другой терновский искатель кладов, он бы

трижды умер от страха, ежесекундно ожидая обвала сотен пудов подмытой глины.

Не таков был молодой Куцый. На третьи сутки он выбрался из склепа да еще вынес бронзовое зеркало с рукояткой, украшенной фигурой барса, и ожерелье редкой работы, которые неплохо сбыл Гансу Карловичу Нигоффу.

Заезжий генуэзский хлеботорговец, купивший у Нигоффа вазу с амазонкой, даже не мог предположить, какую он сыграл роль в жизни Ганса Карловича. До его приезда все познания мукомола в области древней истории и археологии не простирались дальше учебника для гимназий.

Но уже на третий день после отъезда генуэзца Нигоффа можно было увидеть в доме человека, который собрал богатую библиотеку по истории Южноморского края начиная с тех лет, когда здесь побывал «отец истории» Геродот, и редкую коллекцию античных монет.

Тарас Иванович, бывший учитель истории местной гимназии, бобыль и неудачник, нашел единственную радость жизни в занятиях краеведением.

Дождь был первым союзником Тараса Ивановича. Как только клубящиеся тучи закрывали небо, он собирался в дорогу. На попутной подводе, а то и пешком старый учитель отправлялся в Терновку.

По балкам и оврагам еще бежали к морю мутные илистые потоки, а Тарас Иванович, вооруженный палкой, в сопровождении оравы босоногих мальчишек уже искал в песке и вязкой глине вымытые дождем древние монеты. Он редко возвращался с пустыми руками.

Самое интересное происходило дома. Нумизмат священнодействовал. На столе, подоконнике, на стульях — всюду стояли блюдца со слабым раствором серной кислоты. В каждом лежало по монете. Из-под зеленой пленки все больше проступала древняя бронза. Нужно было огромное терпение, чтобы заостренной спичкой соскоблить сотни зеленых точек, которые не взяла кислота. Только тогда открывалась чеканка монеты...

Главное богатство коллекции Тараса Ивановича, содержавшей афинские оболы, римские динарии, персидские дарики, серебряные драхмы, медные ассы, составляли монеты Эоса за тысячу лет его существования.

Варварское истребление памятников древнего Эоса было личной трагедией Тараса Ивановича. Наивный и доверчивый, он поначалу пробовал воздействовать на Шереметьевскую убеждениями. Старик не был сразу изгнан только потому, что графиня рассчитывала выудить у него какие-нибудь сведения о золотой Ольге. Наконец, поняв, с кем он имеет дело, тихий и застенчивый учитель гимназии бросил дерзкий вызов всемогущей графине. Теперь он метал в ее адрес громы и молнии. Не только на заседаниях местного Общества любителей старины, но даже на своих уроках, обличая дикость и невежество Шереметьевской, он называл ее «Геростратом в юбке».

Губернатор уже отказывался его принимать. Тарас Иванович дважды побывал в Петербурге. И здесь, как и в Южноморске, на столе высоких сановников появлялся все тот же том «Свода законов Российской империи».

Упорство и ожесточение, с которыми учитель истории защищал древние камни Эоса, ускорили его отставку. Выйдя в отставку, он перебивался с хлеба на воду, а всю свою пенсию тратил на приобретение новых книг и коллекцию.

По ночам Тарас Иванович писал книгу, которую назвал «Друзья и враги Эоса». Не надеясь при жизни быть свидетелем научных раскопок Эоса, старик на пороге нового века завещал потомкам беречь свидетельство того, как человек из тьмы веков стал подниматься по лестнице прогресса и цивилизации.

Знакомство Нигоффа с Тарасом Ивановичем произошло в самые трудные дни одинокой жизни бывшего учителя истории. Хитрый коммерсант, то выражая деланное возмущение кощунством Шереметьевской, то восхищаясь упорством Тараса Ивановича, то обещая любой ценой издать его книгу, сумел расположить к себе старика.

Тарас Иванович принял за чистую монету интерес Нигоффа к древностям Эоса. Уставший, больной, он часами рассказывал любознательному зерноторговцу историю Эоса, давал ему книги, альбомы древностей, учил определять античные вещи по качеству лака, рисунку и форме сосудов.

Старый учитель, которому было все труднее двигаться, долго не знал, как его последний ученик пользуется приобретенными знаниями.

С некоторых пор бричку южноморского зерноторговца и мукомола нередко можно было видеть в имении Шереметьевской и еще чаще — по соседству, в Терновке.

Теперь многое из того, что добывали терновские «счастливики», попадало в цепкие руки Ганса Карловича. Хомяк и Куцый имели дело только с ним. Человек с размахом, Нигофф уже на второй год своего увлечения древностями связался с Берлинским королевским музеем, императорским Эр-

митажем, Лувром, и вскоре глава торгового дома Ганс Нигофф прослыл знатоком и поставщиком античных вещей.

Подсчитав свои барыши за 1907 год, Ганс Карлович увидел, что пятую часть всех прибылей принесли эосские древности. С этим балансом прямо связано то, что произошло дальше.

Выдался неурожайный год. Разыгрывая благодетеля, Нигофф продал терновским мужикам зерно под будущий урожай. Но, как всегда, большая беда не ходит одна. В новом году поля почернели, будто после пожара. И тут появился в Терновке Ганс Карлович. Он не требовал уплаты долгов, не кричал, не грозил. Нет! Он входил в бедственное положение людей, которых ждет голод. Сочувствуя, он предложил такой выход: пусть должники уплатят за зерно древними вещами.

Половина села вышла копать могилы.

Над степью повис раскаленный, будто спрессованный воздух. Земля превратилась в камень, до боли обжигавший босые ступни. Пересохшая желтая трава была ломкой. Люди смотрели себе под ноги, чтобы не попасть в широкие трещины, разбежавшиеся по грунту.

Лопаты не брали землю. Первые штыки делали заступом, киркой. Солнце стояло мутно-багровым шаром. Казалось, пахнет гарью. Дул жаркий ветер, и маленькие смерчи клубились над каждой отверстой ямой.

Непрерывно хотелось пить, но вода в глиняных крынках, казалось, вот-вот закипит. На спинах землекопов, разъедая кожу, выступала соль. И люди, углубившись в землю, ложились на нее, чтобы хоть немного охладить тело.

На ночь никто не уходил в село. Живые охраняли могилы мертвых, на дне которых люди надеялись найти спасение.

Так продолжалось несколько дней.

Бог весть откуда полуживой, давно не выходивший из дому Тарас Иванович прослышал о происходящем в урочище Ста могил. Нанятый извозчик привез его вовремя.

Ганс Карлович тут же, в степи, принимал находки и диктовал приказнику, державшему список должников, во что он ценит каждую вещь.

Никем не замеченный, с трудом передвигая ноги, Тарас Иванович появился у палатки Нигоффа. Еще минута, и впервые в жизни старый учитель ударил бы человека. Но у него не стало сил занести суковатую палку.

Задышавшись, хрипя, он едва добрался до пролетки...

Свою библиотеку и коллекцию Тарас Иванович завещал местному музею. Однако и после его смерти античный отдел Южноморского музея уступал собранию древностей, которым обладал Нигофф. Теперь он заключал сделки не только на хлебных ярмарках и биржах, но и на международных аукционах в Берлине, Париже, Касселе, где с молотка продавались памятники культуры древних эллинов и римлян.

Лучшие вещи Ганс Карлович не выпускал из рук, особенно с той поры, как построил виллу на Морской.

Вдоль стен его огромного кабинета на втором этаже стояли стеклянные шкафы, где хранились расписные сосуды с изображениями богов и смертных, статуэтки из обожженной глины, мрамора, изделия из бронзы и даже золота. Между шкафами и стеклянными горками висели окантованные фотографии проданных вещей.

Добротная старинная мебель и бюро с перламутровой инкрустацией работы знаменитого дворцового мастера времен Людовика XVI делали кабинет еще более похожим на зал солидного музея.

Это впечатление нарушали толстый ковер во весь пол, стоявшая в углу у окна купеческая конторка со счетами, грессбухом и портрет хозяина, человека с пухлым лицом, полного, тяжеловесного, в сюртуке и жилете, из карманчика которого свешивалась цепочка часов с брелоком в виде желудка.

Майским утром 1913 года хозяин этого кабинета стоял у конторки и, выписывая на лист-

ке бумаги столбик цифр, думал, насколько выгодна ему сделка, предложенная гамбургской мукомольной фирмой. Изредка, отвлекаясь от своих подсчетов, Нигофф взглядывал на огромного пса, спокойно лежавшего у кресла. Рекс круглые сутки стерег кабинет, и в отсутствие Ганса Карловича никто, даже домашние, не мог сюда войти.

Нигофф заметил, как собака насторожилась и повела ушами. По лестнице кто-то поднимался.

— Ганс Карлович, вас там Хомяк дожидается, — сказал лакей. — Видать, что-то принес...

— Зови.

На пороге комнаты появился небольшого роста рыжеватый человек с испитым, помятым лицом. Еще от двери он стал угодливо кланяться:

— Гансу Карлычу наше нижайшее... Как здоровьице?

— Ничего, в могилу еще не собираюсь, — ответил Нигофф, не поднимая головы от бумаг.

Хомяк подобострастно захихикал, и при этом его хитрые, вороватые, бегающие глазки сделались еще меньше.

— Ну, давай что принес, — стараясь казаться безразличным, проговорил Нигофф. — Опять какую-нибудь терракоту?

— Э-э!.. Ганс Карлыч, разве вам на меня обижаться?

Хомяк приблизился к стене и показал пальцем на фотографию килика на высокой ножке с изображением олени, двадцать пять веков назад сделанного афинским мастером.

— Кто принес? Хомяк... Шесть аршин копал.

Боязливо взглянув на собаку, Захар прошел вдоль длинного стеклянного шкафа и, тыча пальцем в толстое стекло, повторял:

— А это?.. А это?..

— Хватит тебе старое вспоминать. Вон, гляди, что мне Куцый позавчера доставил.

Нигофф взял с полки кратер для смешивания вина с водой. Сосуд походил на перевернутый колокол. Тысячелетия будто не коснулись его блестящей поверхности, на которой неизвестный художник изобразил Геракла, отрывающего Антея от земли.

Глаза Хомяка загорелись и тотчас погасли. Он осторожно щелкнул по вазе желтым выпуклым ногтем. Раздался чистый звон.

— Хорош... Видать, богатая была могила... Но противу того, что я принес, и гроша не стоит. Далеко Куцему до зайца...

— Цену набиваешь? Показывай!.. Что там? Ваза?

— Не-е-ет... — протянул Хомяк.

— Браслет? — спросил Нигофф все тем же равнодушным тоном.

— Федот, да не тот..

Хомяк достал из котомки какой-то сверток, стал его разворачивать. Нигофф брезгливо следил за тем, как он бросил на ковер сначала домотканую рубаху, потом рушник с красным петухом. В руках у Хомяка теперь была плотная картонная коробка из-под шляпы. Он понес ее к конторке, за которой стоял Нигофф, открыл и вынул широкий, темновато-красного оттенка золотой обруч. По верхнему его краю мчались олени, их преследовали львы, стреляющие из луков.

Нигофф, при всем умении владеть собой, не смог сдержать волнения.

— Корона?! — с изумлением воскликнул он.

— Тут надпись есть, — торжествующе сказал Хомяк.

Нигофф, схватив тиару, метнулся к окну и, повернув ее, прочитал:

— Пилур...

Петербург, 1913 год

Рекс больше не лежал у конторки. Его коврик перенесли к сейфу. Толстая дверца стального шкафа в стене кабинета была надежно заперта, но Нигофф спал плохо.

Южноморский зерноторговец и мукомол, став владельцем золотой тиары Пилура, потерял покой. Суеверного коммерсанта преследовали рассказы Тараса Ивановича. Покойный учитель истории поведал ему народное поверье о том, что всех обладателей крупнейших сокровищ ждет несчастье. По его словам, восемнадцать государей Индостана, владевших величайшим алмазом «Қоинур», погибли не своей смертью.

Нигофф просыпался в холодном поту. Шаркая ночными туфлями, воровато оглядываясь в собственном доме, он подходил к дверям кабинета, и только прерывистое дыхание Рекса успокаивало его.

Так продолжалось несколько дней. В начале июня Ганс Карлович выехал в Петербург...

В то лето в русской столице гостил один из крупнейших американских финансистов мистер Пирпонт Дюран. С берегов Гудзона на берега Невы его привели биржевые операции и сделки с банками Российской империи.

Но, по горло занятый официальными приемами, деловыми встречами и конфиденциальными разговорами в тиши роскошного номера «Европейской гостиницы», мистер Дюран находил время и для поисков редчайших произведений искусств, предметов старины, которыми так сказочно богата Северная Пальмира. Как-то утром, просматривая корреспонденцию, он увидел конверт с фирменной маркой известного парижского антикара.

...В полдень, сев в щегольский экипаж на дутых шинах, секретарь Дюрана велел отвезти себя к магазину Фельже. Лихач даже не спросил адреса.

На многолюдной петербургской улице находился полумагазин-полуконтора с огромными зеркальными витринами по обе стороны двери, на которых было написано: «А. Ф. Фельже. Предметы искусства и художественной старины».

Стены длинного зала магазина были сплошь увешаны картинами, французскими гобеленами, персидскими коврами. На подставках стоя-

ли скульптуры, и несколько мраморных Вольтеров с язвительной улыбкой глядели друг на друга. В шкафах за стеклом лежали изделия из слоновой кости, фарфор, античная керамика, эмали, старинный итальянский фаянс и даже древняя мозаика.

По магазину прохаживались франтоватые приказчики с лихо закрученными кверху усиками, всем своим видом показывая, что они не торговые люди, а близки служению музам.

Как только молодой иностранец переступил порог магазина, рядом с ним вырос старший приказчик. Он тотчас проводил американца в конец длинного зала, где за стеклянной перегородкой в старинном кресле восседал сам Альфонс Францевич Фельже.

Это был сухонький, маленький, профессорского вида старичок, аккуратно и скромно одетый. Он вежливо поклонился вошедшему.

Молодой иностранец, держа в руках словарь, сказал:

— Меня посылал ваш коллега... Шеф антиквариат... отель Друо. Пари...

Фельже, предложив гостю сесть, взял протянутое им письмо и быстро пробежал его. Письмо было короткое. Улыбнувшись, однако без всякого заискивания, Альфонс Францевич с достоинством произнес:

— Рад считать своим новым клиентом знаменитого финансиста Нового света мистера Пирпонта Дюрана. Насколько я понял, речь идет о золотой тиаре скифского царя. Да, это редкая вещь! После южноафриканского алмаза «Эксельснор» в 971 карат это самая интересная находка за двадцать последних лет.

Секретарь Дюрана, вытянув шею, напряженно слушал, чтобы ничего не упустить из рассказа Фельже. Уловив, в чем дело, он нетерпеливо спросил:

— Купил Эрмитаж?

— Нет, дорого.

— Вопрос деньги для шеф не играют роль. Где вещь?

— К сожалению, вы опоздали на неделю. Корону увезли в Берлин.

Профессор Регль спорит с гостем

Неудача в Петербурге даже обрадовала Нигоффа. После того как министерство двора не дало императорскому Эрмитажу денег для покупки тиары Пилура, Ганс Карлович считал, что у него развязаны руки.

Ему, торговавшему русским хлебом, не хотелось попасть в немилость. Теперь без всякой боязни быть обвиненным в том, что он вывез из России сокровище, Ганс Карлович открывал массивную дубовую дверь с тяжелым резным орнаментом в готическом стиле.

Кабинет директора королевских берлинских музеев был уставлен громоздкой, давящей мебелью. То тут, то там висели тевтонские доспехи, шлемы и панцири, скрещенные мечи. Из тусклой золоченой рамы над письменным столом глядел Вильгельм II, в каске, опирающийся на эфес сабли. В одном углу громоздился большой бюст рыжебородого Фридриха Барбароссы, в другом скелет человека стоял на подставке с табличкой: «Я был таким, как ты, ты будешь таким, как я».

Директор музеев вел разговор с Нигоффом выйдя из-за стола:

— Могу вас обрадовать, герр Нигофф, император высочайше разрешил купить тиару. Сегодня будет назначена экспертиза ученых. Профессор археологии Якоб Регль и его коллеги должны подтвердить подлинность тиары. Простите, одну минуточку...

Он подошел к телефону и снял трубку:

— Сорок восемь двадцать два.

...В то же мгновение в небольшом особняке на Фридрихштрассе раздался телефонный звонок. Никто не подходил к аппарату. В доме не было никого, кроме хозяина — профессора Регля, а он, раскуривая сигару, покачивался в кресле-качалке, увлеченный спором со своим гостем, шагавшим по кабинету из угла в угол.

С молодым русским археологом Лаврентьевым профессор Регль познакомился несколько лет назад, на раскопках афинского акрополя. Когда начались работы в Эосе, которые вел Лаврентьев, профессор искренне сожалел, что из-за болезни не может отправиться в район Южноморска. Но он пристально следил за археологическими розысками в Эосе.

Немец очень обрадовался визиту Лаврентьева, заехавшего по дороге из Парижа в Берлин, чтобы несколько дней поработать в этнографическом музее.

Однако, если бы сейчас в кабинете Регля присутствовал кто-нибудь третий, он бы решил, что, начавшись с радостных приветствий, встреча хозяина с гостем кончится полным разрывом.

Явно волнуясь, не замечая, что погасла сигара, профессор Регль говорил:

— Вы мой желанный гость, но интересы науки превыше законов гостеприимства. Я должен заявить вам, дорогой коллега, вы копаете Эос с закрытыми глазами. Вы находите там чудеса эллинского гения и не хотите снять перед ними шляпу.

— Нет, герр профессор, это совсем не так. — Лаврентьев стал прямо против кресла-качалки. — Вместе с вашим великим Винкельманом я готов плакать от восторга при виде творений эллинского искусства...

Регль саркастически улыбнулся:

— Плакать — и отрицать, что греки принесли культуру в Эос и другие колонии.

— Разве я отрицаю! — уже едва сдерживая себя, воскликнул Сергей Иванович. — Но, копая Эос, я хочу установить, что заставляло древних эллинов покидать родные места, рискуя жизнью плыть за море и поселяться на чужих берегах. Что вы на это ответите, дорогой профессор? Как говорил Шиллер, *der langen Rede kurzer Sinn*¹.

— Извольте. — Регль наконец раскурил сигару. — Национальное честолюбие эллинов.

— Общие слова, — буркнул Лаврентьев.

— Могу расшифровать... Священная миссия верных слугителей культа Аполлона. Новизна мест... Радость удач... Неистощимое стремление проникать вдаль, втягивать в орбиту эллинского мира далекие берега с неведомым населением...

---

¹ Краткий смысл длинной речи.

Лаврентьев досадливо поморщился:

— Я был бы смешон, отрицая духовные факторы. Но не это причины. Эллины шли за зерном и мясом, за рыбой и рабами. И они получали их в Эосе в обмен на свои товары. Значит, скифское общество уже было зрелым. Волеис-нолеис, перед судом истории действительны только факты. И то, что я нахожу в Эосе, меня еще раз убеждает — вы заблуждаетесь, мой уважаемый оппонент.

— К счастью, я в хорошей компании: Рашетт... Мейер... Курциус... Светила науки.

— К сожалению, — уже совершенно спокойно отвечал Сергей Иванович, — эти светила писали о давней греческой колонизации, а имели в виду оправдание современной.

— Нет, дорогой мой гость, — замахал рукой Регль, — это уже не наука, а политика. Увольте! Никогда ею не занимался.

Лаврентьев собрался возразить, но ему помешал настойчивый звонок телефона. На этот раз он был услышан. Профессор извинился и вышел в соседнюю комнату.

Вскоре он появился на пороге кабинета, держа трубку на длинном шнуре и продолжая разговор.

— Более удобный случай трудно найти. У меня теперь в гостях наш русский коллега Лаврентьев, большой знаток античных и скифских памятников. Надеюсь, он не откажется от участия в экспертизе. Герр директор, завтра мы у вас будем.

Повесив трубку, Регль немного помолчал и, предвкушая эффект от сообщения, которое он сейчас сделает, обратился к Лаврентьеву:

— Дорогой друг, я узнал сейчас необычайную новость. Наш королевский музей приобретает тиару Пилура.

Лаврентьев вскочил:

— Как Пилура? Откуда?

— Представьте себе, она найдена на юге России.

— А попала в Берлин?

— Герр Лаврентьев, не все ли равно, где хранится находка?

— Не все равно, — резко ответил Лаврентьев. — Как ученый я, конечно, очень рад находке, но как русский человек — глубоко огорчен.

Заметка в старой газете

В петербургских парках смолкали соловьи. Наступало летнее затишье птиц. На жасминовых кустах набухали почки. Воздух, казалось, был настоен на душистой ночной фиалке. Но вечера еще были прохладные. С залива на город наползал июньский туман.

Мистер Пирпонт Дюран страдал от насморка. На прием к германскому послу графу Пурталесу он взял с собой пузырек с нюхательной солью.

Над зданием посольства по случаю двадцатипятилетия восшествия на престол Вильгельма II, короля прусского и императора германского, были подняты флаги.

Пурталес, только что принявший поздравления послов и дипломатов, улучил время для разговора с нью-йоркским банкиром, собира-

шимся в Берлин. Они уединились в углу гостиной.

Посол, рассыпаясь в любезностях, осторожно пытался выведать, доволен ли мистер Дюран поездкой в русскую столицу, каковы ее результаты. Банкир был не менее любезен, но все больше жаловался на июньские туманы, холод, на свой насморк и, словно в подтверждение, то и дело доставал из жилета пузырек с солью.

Граф, досадую, подумал, что для депеши в Берлин из этого разговора вряд ли что-нибудь пригодится. Не станет же он сообщать, что американец как бы между прочим, но дважды спросил его — не знает ли посол, за сколько куплена в Берлине тиара царя Пилура.

На банкет Дюран не остался. нужно было собираться в дорогу.

Из Петербурга банкир увозил несколько редких вещей. Но он надеялся, что главное приобретение впереди. Американец ехал по горячим следам, которые, начинаясь от магазина петербургского антиквара Альфонса Францевича Фельже, вели в германскую столицу.

В Берлине уже отшумели вильгельмовские дни. Кое-где еще виднелись флаги. Правда, и в дни торжеств их висело немного. Принарядился центр, а трудовой Берлин имел свой обычный вид. Праздник был явно не на его улице.

Официальный Берлин еще вспоминал, как пятьсот автомобилистов из имперского клуба продефилировали перед монаршей четой, как семь тысяч бюргерских детей пропели серенаду Вильгельму, а шесть тысяч буршей с горя-

щими факелами прошли мимо окон королевского замка, как рейхстаг стоя слушал юбилейную речь своего президента Кемпфа. Но другие заботы уже занимали и рейхстаг, и министров, и самого Вильгельма.

В сейфах немецкого генерального штаба хранились готовые планы военных операций, а в ящике вильгельмовского стола уже лежал законопроект об образовании золотого и серебряного запаса в двести сорок миллионов марок для усиления германского имперского военного фонда.

Дюран сам не знал, как вовремя приехал он в германскую столицу. Для него не были новостью планы Тройственного союза, но в Европе он воочию убедился, что пружина германской военной машины заведена до предела. В Берлине американского финансиста осаждали репортеры. Их интересовало все — с кем из деловых людей, банкиров, промышленников он встретится и что думает о балканской войне, какие сигары он курит и какая погода в Петербурге, его мнение о недавнем перелете Бренде Жона из Парижа в Петербург и цвет любимого галстука банкира.

Мистер Дюран разочаровал репортеров. Он заявил, что приехал в Берлин как турист, коллекционер и любитель предметов старины.

С приездом нью-йоркского финансиста в конторах берлинских антикваров и в квартирах владельцев частных собраний и коллекций замелькала высокая фигура изящного секретаря мистера Дюрана. Уже на второе утро он смог доложить шефу обстоятельства недавней покупки короны Пилура.

...В тот день американский посол устраивал прощальный прием в честь депутации своих соотечественников, приехавших на вильгельмовские торжества.

Едва Дюран появился в зале, его увел человек с посольской лентой.

Секретаря Дюрана подхватил знакомый журналист, представлявший в Берлине одну из самых влиятельных нью-йоркских газет. Проходя мимо огромного, во всю стену, зеркала, молодые люди задержали шаг.

— Кто этот старец? — Секретарь Дюрана вытянул шею в сторону проходившего мимо человека лет шестидесяти, с лицом спокойным, надменным и застывшим, точно маска.

— Смею уверить, каждый ваш шаг в Берлине, и не только в Берлине, известен этому старику. Это граф Иоахим фон Бедель. — Журналист наклонился почти к самому уху гостя: — Германская секретная служба...

Они ходили по залам, разглядывая танцующих, беседующих.

— Интересно, чем это ваш шеф так увлек личного секретаря императора, — сказал журналист, показывая глазами на двух собеседников, сидящих друг против друга в креслах.

Было очень жарко, и гости все охотнее выходили на открытую галерею, уставленную пальмами, спускались в сад...

По аллее сада, взяв спутника под руку, граф Иоахим фон Бедель прогуливался с секретарем императора. Только старые липы слышали их тихий разговор. Речь шла о военных законопроектах, которые рейхстаг должен принять в ближайшие дни.

— Двести сорок миллионов марок — это минимум, — сказал фон Бедель.

— Кстати, граф, только что мистер Дюран изъявил желание перекупить у нас тиару Пилура. Он сказал, что не остановится перед любой суммой.

— Над этим стоит подумать, особенно в связи с предстоящим голосованием. Если тиара может нам окупить оружие хотя бы еще одного полка... — Граф фон Бедель не договаривал. В аллее показались люди...

...В свое время много шума наделала продажа бриллиантов французской короны. На аукцион 1892 года в Париж съехались сотни коллекционеров и ювелиров со всех концов света. Министры, депутаты и журналисты теснились на эстраде переполненного аукционного зала.

После парижского аукцион, с которого продавалась корона Пилура, был одним из самых больших за последние двадцать лет. Однако он прошел очень тихо, без всякой рекламы.

В третий раз опустилась рука, зажавшая в толстых пальцах деревянный молоток, и раздался бесстрастный, глухой голос:

— Тиара Пилура приобретена мистером Дюраном...

...Павел Александрович Тургин задумывался, не слишком ли он увлекся давней историей о короне Пилура. Но чем больше у него было материалов, тем меньше оставалось места для сомнений. И он предпринимал все новые и новые поиски.

Так однажды, развернув комплект «Южно-морской копейки» за 1913 год, Тургин среди отчетов о военных действиях, вспышках холеры, заседаниях Думы, сообщениях о выходе в свет книги «Сто советов, как разбогатеть» и новинки синематографа «Поимка фальшивомонетчиков» увидел заметку на второй полосе. Она называлась «Загадочная корона»...

Ровно за сорок два года до этого июльского дня, когда старый номер «Южно-морской копейки» попал на глаза Тургину, в Берлине, на Вильгельмштрассе, чиновник германской секретной службы положил перед графом Иоахимом фон Беделем тот же номер южно-морской газеты. На второй полосе толстым синим карандашом была аккуратно очерчена заметка на две колонки.

— Донесение нашего консула из Южно-морска, — сказал чиновник. — Сомнения в подлинности тиары Пилура.

— Что такое? — гневно поднял брови фон Бедель.

— Вот перевод.

Чиновник положил рядом с газетой два скрепленных листка машинописи. Бедель читал, подчеркивая карандашом отдельные строки:

«...Некоторые южноморские знатоки и любители древности высказывают сомнение в

подлинности нашумевшей в последнее время короны Пилура, которая продана за баснословные деньги. Поражает, что, кроме короны, до сих пор не обнаружены другие вещественные следы пребывания Пилура на нашем юге, где эта корона была найдена.

И вдруг да окажется, подумали мы, что эту корону сделали не древние мастера, а какой-нибудь наш южноморский ювелир...»

— Этого еще не хватало! — зло бросил Бедель. — Нигофф у нас на учете?

— Да, ваше сиятельство, еще со времени переезда в Россию. Вот его карточка. Он в резерве.

— Как с ним связаться?

— Через торговый дом «Ханке и К°».

— Надо его срочно вызвать...

И вот Нигофф, перепуганный и жалкий, стоит перед графом Беделем, который толстым цветным карандашом постукивает по газетному листу.

— Может, воды вам предложить? — язвительно говорит Бедель совершенно растерявшемуся Нигоффу. — Ну, продолжайте, я слушаю. Садитесь.

Нигофф опустил на край стула и, не в силах овладеть собой, залепетал:

— Ваше сиятельство, этот человек раскопал сотни древних могил. Его вещи у нас в Берлине, в Лувре, в Эрмитаже... Я уверен... корону он выкопал. Потом экспертиза ученых... Сам Регль...

— Хватит! — оборвал его граф. — Подлинная это тира или фальшивая, меня не инте-

ресует. Запомните только: малейший скандал с короной будет стоить вам головы. Делайте сами все, что нужно.

Ганс Карлович хорошо знал, что граф Бедель человек слова, и по дороге из Берлина в Южноморск одна неотступная мысль буравила его мозг.

За четверо суток пути он так ничего и не придумал. Совершенно разбитый, подавленный, сел он в экипаж, который должен был везти его с вокзала на Морскую. И вдруг вывеска трактира «Счастливый якорь» натолкнула Нигоффа на простую мысль.

...Уже на следующий день он сидел с Хомяком в отдельном кабинете «Якоря».

Официант не раз стремительно сбегал по лестнице.

— Еще полдюжины Гансу Карловичу! Сегодня немец всю гуляет... Магарыч поставил...

Стол, за которым сидели изрядно охмелевший Хомяк и Нигофф, делавший вид, что он тоже пьян, был уставлен бутылками, закусками. А официант то и дело бегал вверх и вниз, неся всё новые блюда.

— Пей, Хомяк, пей! — хлопая его по плечу, кричал Нигофф. — Я плачú... Все плачú.

— Ганс Карлыч, после короны и я запла-
тить могу. — Маленькие посоловевшие глаза
Хомяка превратились в узенькие щелочки.

— За новую корону, — предлагал немец,
подливая ему водки в стакан.

— Э... э... Такое счастье раз в жизни бы-
вает.

— Я бы вдвое дал! — разошелся Нигофф,
салфеткой вытирая мокрое, покрасневшееся
лицо.

— Где же ее... взять? — заплетающимся
языком, делая большие паузы, спрашивал все
более пьянеющий Хомяк.

— Искать и выкопать.

— Да разве такое выкопаешь?..

Нигофф насторожился и, чувствуя, что нуж-
ные ему слова уже висят у Захара на кончике
языка, заговорил почти над самым ухом собу-
тыльника:

— Втрое дам, вчетверо! — И он хлопнул
тяжелой волосатой ладонью по краешку стола,
который только и был свободен.

— Умер человек... А какой золотой мас-
тер!.. — плачущим голосом вдруг проговорил
совершенно пьяный Хомяк.

Нигофф вскочил, схватил Хомяка за плечи,
начал трясти:

— Кто умер, кто?

На круглом животе Ганса Карловича, рас-
пиравшем черный жилет, золотой желудь за-
прыгал так, будто брелок вот-вот оторвется от
цепочки.

— Я ничего не сказал... — еле ворочая язы-
ком, прошептал Хомяк.

Ганс Карлович отпустил его, валился на стол. Сшибая стаканы, ла бутылка, и со стола полилось

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КЛАДОИСКАТЕЛЬ ИЗ ТЕРНО

Подземный музей гражданина

В то время как журналист Турги нят делами полувековой давности, Троян шел по следам недавних событий.

Поздним летним вечером 1955 года сидел за рулем машины, которая медленно рачивала с центральной улицы Южноморс

Вдоль ограды городского сквера, откуда доносились приглушенные голоса, тихий смех и мягкий плеск фонтанных струй, дымя папирсой, прохаживался коренастый, лет тридцати пяти человек в штатском. Это был майор Анохин.

Из рупора на столбе звучала музыка. Когда она стихла, над сквером раздался голос диктора:

— Двадцать два часа. Передаем южноморские известия.

Майор посмотрел на часы, затем вдоль улицы и прислушался.

— У нашего микрофона, — объявил диктор, — хранитель государственного заповедника Эос Остап Петрович Шелех...

В это время возле Анохина остановилась машина, открылась дверца. Пока Анохин са-

чина тронулась, в рупоре зазвучал
з:

известно, археологическая экспеди-
и возглавляет выдающийся ученый,
Всемирного Совета Мира академик

..
ах Южноморска в этот час всегда
ижение. Когда Троян вывел маши-
е, он переключил скорость и сказал:
дису проверили. Она подлинная.
ду академик Лаврентьев действи-
ыл в Берлине. — Троян повернулся к
ему рядом Анохину: — Вы закончили
ботку картотеки?

Да, товарищ полковник. Там для нас
ых только три фамилии. Остальных людей
Регля мы давно обезвредили, а некоторые са-
ми явились с повинной.

— Велыка хмара и малый дощ, — заметил
Троян.

— Ваше задание выполнили. Карточки
лаборатория исследовала.

— Результат?

— Написаны давно. Лет пятнадцать назад.

— Вопрос ясен, — сказал полковник, —
картотека, очевидно, составлена в период ок-
купации.

— Но как она оказалась в склепе? — спро-
сил майор.

— И еще одна загадка: зачем она понадо-
билась теперь и при чем здесь расписка Лав-
рентьева? — добавил Троян.

— Тут, должно быть, какая-то давняя исто-
рия, которая висит над Лаврентьевым.

— Этим я займусь сам, — решительно про-

изнес полковник. — А с картотекой будем кончать. И начнем с Куцего.

— У меня, товарищ Троян, мало надежд. Старик, конечно, нечист на руку, и где-то его зацепили, но вряд ли здесь начало клубка.

— Получите ордер и послезавтра произведите обыск у Куцего, — предложил полковник. — Учтите, это старый хищник. Он здесь разграбил больше двухсот курганов. Старик умеет находить, но умеет и прятать.

— Ищите, — равнодушно сказал Трофим Куцый, словно ордер был предъявлен не ему, а малознакомому соседу.

Он сел на лавку в углу комнаты, уперся взглядом в одну точку, и все его крупное, мясистое лицо выражало равнодушие, будто его, старика, уже ничто в этой жизни не волнует и не интересует.

Майор Анохин явился к Куцему с двумя помощниками и председателем сельсовета. Пока лейтенанты тщательно осматривали каждый угол, Анохин расхаживал по хате, изредка поглядывая на Куцего.

Старик сидел по-прежнему безучастно. Лишь в какое-то мгновение Анохин уловил блеснувший взгляд выцветших, но еще зорких глаз, который говорил, что Куцый отнюдь не безразличен к происходящему. В тот момент лейтенант открывал посудный шкафчик. Но в нем не оказалось ничего, кроме нескольких тарелок, чашек и алюминиевых ложек, которыми уже давно не торгует сельская кооперация.

Вещей в комнате было немного, и обыск

шел довольно быстро. Лейтенанты уже собирались переходить в другую половину основательно запущенной хаты, но Анохин остановил их.

С тех пор как майор перехватил беспокойный взгляд Куцего, абсолютная безрезультатность обыска все больше казалась ему подозрительной.

— Сдвиньте мебель, — приказал Анохин.

На середину комнаты оттащили металлическую кровать с когда-то никелированными продолговатыми шишками, которые стали теперь цвета латуни, шкафчик, так изъеденный шашелем, что он едва не рассыпался при перетаскивании. С трудом поддался, будто прирос к полу, огромный, окованный железом сундук; сдвинули с места шкаф, некогда бывший зеркальным. Под ним, как и под сундуком, оказался плотный слой слежавшейся пыли. Ее смели. Открылись истертые половицы со следами краски.

Куций не следил за обыском, а, свесив голову, казалось, дремал. Но когда Анохин, взяв его суковатую палку, принялся методично выстукивать деревянный настил, он заерзал и засопел.

В комнате раздавался однообразный глухой стук. И только при ударах палки о половицы на том месте, где стоял шкаф, звук изменился. Анохин, прислушиваясь, застучал сильнее. Под полом гулко отозвалась пустота.

Майор велел поднять половицы. Под досками оказалась грубо сколоченная деревянная крышка, прикрывавшая вход в подполье.

Принесли лестницу, фонари, и Анохин с

лейтенантом и председателем сельсовета полезли вниз. Они очутились в небольшом погребе. Его земляные стены сверху донизу были покрыты плесенью, похожей на застывшую мыльную пену. С потолка, будто грязная ветошь, свисала паутина. Видно, что сюда давно не спускались.

Подполье оказалось пустым. Лишь у одной стены на неровном глиняном полу был навален ворох пустых мешков, распространявших острый, кислый запах. Они прикрывали два продолговатых зеленых ящика из-под снарядов и круглую плетеную корзину без крышки, казалось доверху наполненную стружками.

Анохин опустил руку в плетенку и под слоем влажной стружки сразу нащупал какой-то холодный бугристый предмет. Он вытащил его, и все увидели фигурный сосуд в виде курчавой головы негра.

— Понятно, — процедил майор.

Председатель сельсовета посмотрел, покачал головой.

— Не зря люди говорили — у Трофима руки с ящичком. Этого Куцего и могила не исправит.

Анохин, поднимаясь вверх, сказал председателю сельсовета:

— Надо вызвать хранителя заповедника.

Из люка подавали вещи. На столе, рядом с курчавым негром, появилась фигурка женщины на троне со львенком на коленях, статуэтка богини плодородия Деметры в высоком головном уборе, украшенном колосьями пшеницы. Вскоре весь стол заняли терракоты, рельефные металлические сосуды. Из древних ваз высыпа-

лись на грязную, с присохшими хлебными крошками клеенку бусы, подвески, браслеты в виде свернувшихся змей.

— Осторожно, тяжелая, — предупредил лейтенант, подавая из люка лекану — круглую глиняную шкатулку.

Анохин поднял раскрашенную крышку и вынул из леканы кисет. Он был туго набит золотыми монетами.

— Я думал, вы собираете только древние вещи, — обратился майор к Куцему. — А вы, оказывается, не брезгуете и николаевскими пятерками да десятками.

Куций не произнес ни слова, ответив лишь злым, ненавидящим взглядом.

— Товарищ майор, всё! — крикнул лейтенант из люка.

Анохин снова спустился в подполье. Присвечивая себе электрическим фонарем, похожим на круглый пенал, он ходил по погребу, каблуком пробуя твердость земляного пола. В одном месте грунт слегка поддался.

— Здесь как будто перекопано. Анатолий, проверьте, — сказал майор.

Наверху послышались голоса Костюка и Шелеха. Анохин поднялся в комнату и, отправив лейтенанта с лопатой на помощь Анатолию, обратился к вошедшим:

— Прошу вас, полюбуйтесь: подземный музей гражданина Куцего.

У Шелеха разбежались глаза. Словно не веря увиденному, Остап Петрович обошел вокруг стола. Он бережно взял стоявшую на краю терракоту. Это была вооруженная мечом всадница на морском коне с рыбьим хвостом.

— Дочь водяного старца Нероя везет меч Ахиллу, — объяснил Шелех. — Да. — Его рука описала круг над столом. — Эрмитаж не отказался бы...

Только теперь Шелех заметил груды золотых монет, прикрытую пустым кожаным кисетом.

— Подземный музей и валютная касса.

Анохин пропустил мимо ушей эту шутку, так как из люка показался Анатолий:

— Товарищ майор, там скелет...

И тогда впервые заговорил Куций.

— Остап Петрович, — обратился он к Шелеху, — вы, как человек ученый, объясните людям: тут ведь под каждой хатой древняя могила.

Анохин попросил хранителя заповедника спуститься с ним в подполье.

Шелех подошел к выкопанной в погребке неглубокой яме, присел на корточки и, указывая на остатки вконец истлевшей ткани, кое-где заметные на костях скелета, тоном, исключавшим какое-либо сомнение, сказал:

— Эта могила не древняя.

Точка зрения

Говорят, понедельник — тяжелый день.

В понедельник у Остапа Петровича произошел неприятный разговор с Лаврентьевым.

С утра начальник экспедиции обходил участки. Он начал с дальних. В Нижнем городе, у самого моря, расширяли раскоп, заложенный в 1911 году. Еще тогда Сергей Иванович нашел здесь следы древнего водопровода.

Много веков назад у скалы был сооружен каменный бассейн. От него по гончарным трубам текла вода в дворовые колодцы. Трубы были так сращены свинцовыми скрепами, что ни одна капля не уходила в землю. Только в последние годы удалось полностью раскрыть эосский водопровод. Теперь, после расчистки, из трещины в скале снова забила чистая струя ключевой воды.

Лаврентьеву дали вчерне законченную схему водопровода. С миллиметровкой в руке он прошел вдоль линии водостоков и, показывая на трещины в трубах, велел вызвать реставратора, чтобы срочно их зацементировать.

Затем он поднялся на верхнее плато и пошел на участок Шелеха. Оттуда доносились голоса, и было видно, как над раскопом взлетают и падают черные облачка земли.

Никого, кроме художницы экспедиции, на поверхности не оказалось. Сидя под зонтом на самом борту раскопа, молодая женщина зарисовывала кладку, открытую в последние дни. Сохранившаяся стена была сложена из прямоугольных плит со стесанными краями, а все зеркало камня оставалось нетронутым, рельефно выступающим.

Лаврентьев незамеченным подошел сзади, наклонился над мольбертом.

— Мне никак не удастся убедить вас! Художник экспедиции не может быть импрессионистом...

Женщина повернула голову и, увидев нахмуренное лицо академика, спросила:

— Сергей Иванович, простите, чем я не угодила?

— Пожалуйста, сосчитайте, сколько здесь рядов? — Лаврентьев палкой показал на кладку.

— Раз... два... три... четыре... пять... шесть, — считали они вслух.

— А у вас?.. Все наши расхождения — на почве документальности.

Помощница Шелеха снизу, из раскопа, заметила Лаврентьева, тотчас поднялась и принесла ему раскладной стул.

Сергей Иванович устроился неподалеку от художницы, около груды черепков. Он снял очки, протер их и стал рассматривать находки.

— Добрый день, Сергей Иванович, — сказал Шелех, появившийся из раскопа.

Лаврентьев что-то буркнул в ответ. Шелех сразу почувствовал настроение начальника экспедиции. Остап Петрович всегда считал, что с Лаврентьевым работать легко и в то же время очень трудно. Никогда не знаешь, как попасть ему в тон.

— Меня радует, что идет так много скифской керамики, — осторожно повел разговор Шелех, показывая на груды черепков.

Лаврентьев быстрым движением сдвинул очки на лоб, посмотрел на Шелеха в упор.

— Мы копаем не для того, чтобы собрать побольше черепков и побольше горшков склеить! — резко сказал академик. — Механическое умножение древностей не решает научной задачи. Что нового об Эосе расскажут эти черепки?

— Мы, кажется, сели на какое-то общественное здание, — спокойно, словно не замечая тона Лаврентьева, сказал Остап Петрович.

— «Кажется»... «Сели»... А вам не кажется, что я из-за вас тоже сел... в лужу?

— Сергей Иванович, я вас не понимаю, вы чем-то недовольны?

— Не то слово.

— А в чем дело? — искренне удивился Шелех.

— В вашем радиопанегирике.

— Позвольте, ведь вы сами поручили мне выступить по радио.

— Но я не поручал петь мне дифирамбы! — сказал Лаврентьев, поднимаясь со стульчика. — «Выдающийся ученый»... «корифей»... «деятель». И потом, в какой это связи находятся скифский царь Пилур и Всемирный Совет Мира, членом которого я имею честь состоять? Вас послушаешь — выходит так, что это открытие сделано мною одним...

— Сергей Иванович, но ведь вы начальник экспедиции.

— Мне теперь стыдно Оксане Васильевне в глаза посмотреть!.. Нет, знаете, не удосужиться хотя бы упомянуть автора находки декрета!.. Это...

Шелех хотел что-то объяснить, но вконец рассерженный Лаврентьев, не желая больше слушать, повернулся и пошел в степь.

Сергей Иванович и Остап Петрович никогда не были друзьями, хотя уже много лет работали вместе.

Академик ценил Шелеха. Никто лучше Остапа Петровича не чувствовал грунта, не улавливал малейших изменений его цвета, плотности. Едва под лопатой обнажалось несколько камней, он уже мог безошибочно определить —

случайные это камни или начало кладки, вымостки. Говорили, что у Шелеха легкая рука, и он в самом деле обладал необыкновенной интуицией, этим шестым чувством археолога. Раскопщик он был виртуозный. Но хороший раскопщик — это еще не археолог.

Сергей Иванович никогда не показывал виду, но, отдавая должное Шелеху, в глубине души жалел его, считая, что ученым он так и не станет. И сам Шелех, оставаясь наедине с собой, с болью признавал, что он только ремесленник. Пусть отличный, но ремесленник, и что Лаврентьев это знает, пожалуй, даже лучше, чем он сам.

Однажды на раскопанной эосской улице сделали вертикальный разрез, обнаживший весь пятиметровый культурный слой, в котором один на другой напластовались следы всех эпох жизни города — от его рождения и до гибели.

К отвесной земляной стенке подошли Лаврентьев и Шелех. Сергей Иванович был взволнован. Обрывки кладок и кости животных, камни и пепел, черепки и куски угля из давно потухших очагов, словно строчки в распахнутой книге времен, отмечали век за веком. Перед глазами будто оживал Эос.

Лаврентьев рассматривал самый нижний и тонкий слой. Город зарождался, еще был совсем малолюдным, и здесь почти нет остатков каменных строений. Один саман да глина... Но вскоре Эос разрастается, богатеет, появляются здания, дворцы. И вот их следы — куски камня, мрамора, обломки колонн... Эос переживает набег кочевых племен, он горит со всех сторон, и в новом слое — следы пожаров: пепел, обго-

ревшая черепица, красноватые камни, которые, кажется, еще и не остыли... И снова куски кирпичей, мрамора, остатки колонн. Второе рождение города...

Сергей Иванович молчал, подавленный величием картины, которую только что нарисовало его воображение, связавшее воедино времена, эпохи и поколения.

Лаврентьев взглянул на Шелеха. Тот с рулеткой в руках стоял, погруженный в какие-то мысли.

— Да... — многозначительно промолвил Лаврентьев. — Остап Петрович, о чем это вы так задумались?

— Всего пять метров до материка...

— Что, маловато? Но разве в этом суть? — поморщился Лаврентьев. — Сколько же здесь исторических потрясений и катастроф, человеческих судеб, радостей и трагедий... — увлеченно заговорил Сергей Иванович — и тотчас замолчал, зная, что Шелех все равно не поймет его.

За полвека археологической работы через руки Сергея Ивановича прошло несметное количество памятников. И каждый раз, когда Лаврентьев брал в руки новую находку, ученого не оставляла мысль, что он прикасается к вещи, сработанной человеком двадцать или двадцать пять веков назад.

Если от мраморной колонны, сложенной из барабанов, которые тесал древний зодчий, осталась хотя бы одна деталь, — нетрудно восстановить облик всего здания. Тут на помощь приходят математика, архитектурные пропорции. Но для того чтобы по остаткам жилья,

утвари воссоздать картину жизни и человеческих отношений, мало одной науки, книжных знаний. Здесь на помощь археологу должна прийти его верная подруга — научная фантазия. Подобно ветру, надувающему парус, она делает мысль исследователя крылатой.

Такой подруги у Шелеха не было.

Как-то на защите диссертации Сергей Иванович сказал фразу, которую многие его коллеги отнесли за счет полемического задора и неугомонного темперамента академика:

«Без живого дара поэзии трудно быть настоящим археологом».

Такого дара у Шелеха не было.

Человек совершенно незлопамятный, Лаврентьев не мог простить Шелеху одну недавнюю историю.

Не то в сорок девятом, не то в пятидесятом году, перед предстоявшей сессией Отделения исторических наук, в Эос приехали начальник республиканского Управления заповедников Гонимов и молодой историк, исполнявший обязанности секретаря Отделения. Они походили по раскопкам, посмотрели музей заповедника, потом встретились с Лаврентьевым.

Если бы не громкое имя академика, гости, судя по всему, высказали бы свои соображения более решительно. Но в присутствии Сергея Ивановича они были сдержанны.

— Многоуважаемый Сергей Иванович, — учтиво начал Гонимов, — я хотел бы узнать, не кажется ли вам, что в условиях сегодняшнего дня нет особой нужды копать древнегреческий город, когда вокруг лежит столько славянских поселений... И это на сегодняшний день...

— «На сегодняшний день» — не по-русски сказано, — зло бросил Лаврентьев.

— Прошу прощения, — продолжал Гонимов, — я говорю о том, что раскопки Эоса сто́ят немало. Мы вот советовались с хранителем заповедника, и он такого мнения, что на сегодняшний день... то есть, простите, сегодня... целесообразней использовать деньги на актуальные раскопки...

— «Актуальные раскопки»! — захохотал Лаврентьев. — Термин-то какой! Несусветная тарбарщина! Уж не ваше ли это открытие, Остап Петрович? — Прищутив глаз, Сергей Иванович презрительно посмотрел на Шелеха.

Сконфуженный Шелех после ухода гостей пытался оправдываться, ссылаясь на какую-то статью профессора Скоробогатова, и в кабинете хранителя долго еще гроыхал Лаврентьевский баритон.

Сергей Иванович вышел совершенно взбешенный и по дороге домой решил было, что никогда больше не подаст руки Шелеху. Но, начав успокаиваться, Лаврентьев подумал о слабостях натуры иного человека, который, подобно Шелеху, может быть храбрым на войне, но трусит перед начальником Музейного управления.

В самый канун академической сессии в Эосе вдруг появился профессор истории Скоробогатов.

Лаврентьев был с ним почти незнаком, но хорошо наслышан, что этот хваткий человек в ученом мире известен своим умением ладить со всеми. А таких людей Сергей Иванович недолюбливал.

В первый же вечер, усевшись напротив Лаврентьева и облокотившись о ручки плетеного кресла, Скоробогатов доверительно изложил академику цель своего приезда. Оказывается, у него уже давно созрела новая гипотеза. Раз в Эосе, кроме греков, жили скифы и царем Эоса, пусть недолго, но был Пилур, то почему бы, восстанавливая справедливость и исправляя ошибку, не интерпретировать его как скифский город? А скифы могут оказаться предками славян...

— Вы понимаете, дорогой Сергей Иванович, как это актуально?

— На сегодняшний день? — осведомился Лаврентьев. В нем уже закипало бешенство. Он встал.

— Вот именно! — обрадовался Скоробогатов. — Вы меня прекрасно поняли.

— Профессор, я вас прекрасно понял. Хотите превратить Савла в Павла? И давно вы занимаетесь спекуляцией? Если уж спекулировать, то лучше мануфактурой. Ну, допустим, дамским бельем... А?... Как вы думаете, профессор Скоробогатов? — И он отвесил чинный поклон. — Хотя, вероятно, наукой прибыльней, — продолжал академик. — Вместо знаний — звание и почет. А там, глядишь, лауреат, и в академики назначат... Из этой комнаты, — понизив голос, негодуя продолжал Сергей Иванович, — мне только однажды пришлось выгнать человека. То был «счастливчик», кладоискатель, предложивший нам копать некрополь с половины. Считайте, что сейчас второй случай...

Последний эпизод не помешал Скоробогату

тову, выступая на сессии Отделения, присоединиться к некоторым голосам, требовавшим консервации раскопок Эоса, «как не самых актуальных в плане научных работ».

Когда Сергей Иванович появился на кафедре, многие участники сессии ожидали бури.

— Мое слово будет кратким, — предупредил академик. — Есть поговорка: «Сорная трава растет быстро». Вот все, что я могу ответить на выступление профессора Скоробогатова и иже с ним.

Лаврентьев выждал, пока стихнет гул, в котором слились многочисленные возгласы одобрения зала и реплики возмущенных сторонников Скоробогатова.

— А теперь позвольте рассказать о самом волнующем часе моей жизни, — спокойно продолжал Лаврентьев. — Зимой двадцатого года, в мою бытность товарищем председателя Государственного комитета по охране памятников искусств и старины, вызывает меня Владимир Ильич. Спрашивает: какие памятники древности, по-моему, самые ценные. Говорим о Новгороде, Угличе, о Киевской Софии. «А памятники античные, в каком они состоянии?» — спрашивает Ленин. Отвечаю: охраняем по мере возможности. Ленин покачал головой: «По мере возможности?.. Так не убережем. Надо их объявить заповедниками. Ведь скоро начнем там раскопки». И, заметив мое удивление, Владимир Ильич стал мне говорить, почему это важно. «Кто, как не мы, — спрашивает, — освобожденные от пут рабства, должны написать настоящую историю человечества?» Вот и все мое заключительное слово...

...Сегодняшний разговор с Остапом Петровичем всколыхнул все эти воспоминания.

Еще не совсем остыв после спора с Шелехом, Лаврентьев шел по степи, думая о том, что многое, годами мешавшее и науке и жизни, слава богу, уже далеко позади.

Из-под ног Лаврентьева вспорхнула бабочка. Сергей Иванович проследил за ее полетом. Бабочка опустилась на цветок. Лаврентьев сделал несколько тихих шагов, наклонился и осторожно взял ее пальцами.

Рядом на траву легла тень человека.

— Сергей Иванович, вы собираете бабочек?

Тургин уже давно гулял в степи — так он часто начинал свой день в Терновке.

— Нет, предоставляю это занятие энтомологам, — отозвался академик. — Вы посмотрите, чего только не придумают в мастерской природы!

В руке Лаврентьева трепетала бабочка. Ее большие белые крылья были окаймлены яркими полосами таких цветов, каких не сыскать ни на одной палитре.

Сергей Иванович разжал пальцы. Падая, бабочка взмахнула крыльями и, словно опершись о воздух, закружила на одном месте.

Тургин и Лаврентьев шли рядом. Павел Александрович держал в руке букетик. Время от времени он наклонялся, чтобы сорвать цветок.

— А я вас, сударь, вчера допоздна ожидал.

— Сергей Иванович, виноват, но такому шахматисту, как я, с вами трудно играть.

— Полно, не скромничайте. С вашим приездом у нас ключом забила шахматная жизнь.

— Именно шахматная. А с материалами для очерка у меня туго подвигается, — пожаловался Тургин. — И, конечно, самая трудная глава — археологическая. Порылся в источниках — всё вещи мало знакомые. Кстати, Сергей Иванович, мне несколько раз встречалась фамилия Нигофф...

— Был в здешних местах такой негоциант из немцев. Зерном промышлял и древностями приторговывал. Богатейшую коллекцию собрал.

— О его судьбе что-нибудь известно? — спросил Тургин.

— Пропал еще в первую войну. А насчет коллекции Нигоффа посмотрите в южноморских археологических записках.

— В центре главы у меня, очевидно, будет находка декрета Пилура.

— Вы там, в записках, можете прочитать и мою статью о Пилуре, — посоветовал Лаврентьев. — Написана лет сорок назад, еще до того, как здесь нашли его тиару.

Солнце уже стояло над самой головой. Было жарко. Сергей Иванович снял и перебросил через руку свой белый чесучовый пиджак.

— Прошу прощения, мне пора — я все утро прогулял, — сказал он Тургину и ускорил шаг.

Вдали показался заповедник, и силуэт кургана с флагом на вершине будто плыл по синему морю.

Первый допрос

Полковник Троян и майор Анохин допрашивают Куцего.

Приступая к допросу, они знали многие

страницы жизни терновского кладоискателя не хуже, чем сам Куцый помнил их.

«Кто же этот Куцый?» — думает Троян. Он устроился в кресле у письменного стола, за которым сидит майор.

Полковнику Трояну не раз приходилось лицом к лицу сталкиваться с врагом.

Он видел разные обличья и разные маски.

Опасный международный шпион, орудовавший во всех пяти частях света под видом представителя торговой фирмы; махровый диверсант в роли скромного бухгалтера райпотребсоюза; ватиканский резидент в сутане униатского попа; элегантная и словоохотливая мастерица из косметического кабинета, оказавшаяся связной... Заклятые враги и люди, запутавшиеся в их сетях, опытные агенты и слабовольные соучастники, авантюристы и провокаторы, стяжатели и хищники...

Кто же этот, со старым, морщинистым лицом, большой, грузный, неловко сидящий за столиком, приставленным к столу майора?

Еще один, доселе неизвестный полковнику вариант хорошо знакомого типа хищника — человек, который почти всю жизнь промышлял грабежом древних могил?

Когда Эос стал заповедником, Куцый еще пытался продолжать свое. Но ему дали понять, что в следующий раз штрафом он не отделается.

Село сторонилось Куцего. В колхоз он так и не вступил. Ковырялся на огороде, ловил бычков, торговал на базаре.

Во время оккупации Трофим оживился, вытащил запрятанный шуп и потряхнул стариной.

В последние годы Куцый притих. Единственная дочь давно покинула его. Жена умерла года два назад. Старик жил один в хате, еще сохранившей следы охры и синьки, которыми были обведены окна и двери.

Его хата оказалась не только на краю села, но и на краю новой жизни.

«Но только ли стяжатель и хищник?» — размышляет Троян. Еще не пришло время задать вопрос о «белой бабочке». Прежде всего нужно знать, кто был зарыт под полом в хате Куцего.

...Уже давно продолжается допрос. Куцый не так молчалив, как во время обыска. Однако ничего нового он не сказал.

— Два часа вы повторяете одно и то же, — устало говорит майор Анохин.

— Гражданин начальник, в чем виноват — так виноват... Насчет древностей — признаю... А за костяк, хоть убейте, не знаю.

— Куцый, может быть, еще подумаете? — предлагает Троян.

Старик закрывает ухо ладонью, поудобнее опирается локтями о столик.

— Мне думать нечего, я все сказал.

— И о скелете? — спрашивает Троян.

— Гражданин начальник, Остап Петрович, конечно, человек ученый насчет древности, но тут дал ошибку. То кости древнего человека...

Пока идет этот допрос, череп, найденный в подполье, под хатой Трофима Куцего, глядит своими пустыми глазницами в объектив фотоаппарата.

Девушка в белом халате, сделав снимок, отодвигает штатив с аппаратом и, взяв крон-

циркуль, измеряет череп. Она работает за столом посередине лаборатории.

На стене — стенд с надписью: «Восстановление лица по черепу». Под ней попарно размещены фотографии черепов и рисунки человеческих лиц. Висят таблицы: «Стандарты толщины мягких тканей», «Соотношение мягких покровов и костей черепа». Несколько черепов лежат на полке, привешенной к стене. На другой полке — скульптурные портреты древнего человека — питекантропа, неандертальца, синантропа. В комнате пахнет пчелиным воском и канифолью.

Это лаборатория профессора Михайлова, который только что вошел в комнату. Он потянул носом и удивленно спросил:

— Вы варите воск?

— Да, Александр Иванович, полковник Троян прислал этот череп. Просит как можно быстрее сделать портрет.

Михайлов берет череп в руки.

— Опять какая-нибудь сложная история, — ни к кому не обращаясь, будто самому себе, говорит он.

Профессор садится в кресло и, медленно поворачивая в руке череп, тщательно рассматривает его. Ассистентка готова писать.

— Слева на лобной кости — промятина треугольной формы со сквозной трещиной. С правой стороны затылочной части черепа, параллельно шву височной кости, — несколько секущих ударов орудием с тонким острым лезвием... Картина убийства, — продолжает диктовать Михайлов, — рисуется в следующем виде. Человек, намного выше убитого, нанес ему

удар спереди в лоб. Пострадавший упал лицом вниз. Убийца, не сходя с места, стал наносить судорожные и быстрые удары в затылок. Сказалась неопытность преступника. Удары небольшой силы — углом, а не всем лезвием. По всей вероятности, у убийцы был в руках легкий плотничий топор с хорошо отточенным лезвием. Первый удар нанесен обухом...

Михайлов подходит к таблице на стене, находит какую-то графу и обращается к ассистентке:

— Катюша, вы сделали измерения?

Она кивает головой.

— Воск готов?

— Остывает.

— Добавьте краску.

Пока ассистентка разминает руками пластичную остывшую массу, он надевает халат, берет стеку и, укрепив череп на подставке, задумчиво произносит:

— Кто же ты, друг или враг?

Голова Захара Хомяка

Ни в Терновке, ни в заповеднике никто не связывал ареста Трофима Куцего с загадочным происшествием в склепе, которое все больше забывалось. Удивления этот арест не вызвал. Старые люди хорошо знали цену Трофиму, а сельская молодежь видела в нем живой осколок ушедшего мира.

Из археологов со стариком Куцым были знакомы лишь Лаврентьев и Шелех. Сергей Иванович еще в первый приезд в Эос посоветовал Куцему не попадаться ему на пути.

С Шелехом Трофим был в натянутых отношениях: хранитель заповедника, едва вступив в должность, оштрафовал Куцего за самовольные раскопки. После войны старик третьей дорогой обходил археологов.

В последнее время пересудов о Куце́м шло немало. Как-то вскоре после его ареста Тургин был в гостях у Сергея Ивановича. Теперь почти каждый свободный вечер Павел Александрович проводил в обществе академика Лаврентьева.

Рабочий день начальника экспедиции обычно заканчивался в шесть. Еще часа два академик занимался в камеральной. А в девять, как правило, Сергей Иванович усаживался в плете-

ное кресло на веранде читать или играть в шахматы. Его партнером стал Тургин. Шахматист он был не сильный, часто проигрывал Лаврентьеву, но Павла Александровича больше, чем само состязание на доске, увлекали беседы с Лаврентьевым во время партии.

О чем только не говорилось в эти вечера! Человек энциклопедического ума, объездивший почти весь мир, Сергей Иванович был отличным рассказчиком. Тургин обычно старался перевести разговор на археологические темы.

Как-то он спросил академика, справедливо ли мнение, будто все великие археологические открытия сделаны случайно. Лаврентьев улыбнулся: этот вопрос ему задавали не впервые.

— Да, статую Аполлона Бельведерского нашли случайно еще в XV веке. И Венеру Милосскую выкопал крестьянин, пахавший поле. А знаменитый розеттский камень с письменами, благодаря которому расшифровали египетские иероглифы, полтора века назад обнаружили наполеоновские солдаты в походе. Или вот спускаются водолазы возле острова Антикифера собирать губку и находят остатки корабля, а на нем склад античных статуй. Тоже случай. Но разве археология может положиться на волю случая? Мы б недалеко ушли, если бы сидели на берегу Понта и ожидали случая. Вы это можете видеть на примере с декретом Пилура, — продолжал Лаврентьев. — Будь случайно найден один декрет Пилура, многое бы наука узнала о взаимоотношениях греков и скифов, о рабском труде, о жизни Эоса? находка — слово, которое никогда не будет из-

гнано из языка археолога, — заключил Лаврентьев. — Но не случайные находки делают погоду в науке...

Обычно Тургин засиживался у Лаврентьева допоздна. Зажигали настольную лампу. Мошкара мельтешила вокруг белого абажура, путалась в бороде Лаврентьева, что немало его раздражало.

— Из-за одной мошкары я бы давно сбрил бороду. — На правах гостя Тургин позволял себе подшучивать над бородой хозяина.

Лаврентьев в ответ обрушил на собеседника огромный список своих бородатых коллег и предшественников, полусерьезно доказывая, будто борода стала традиционной для каждого немолодого человека, отдавшего себя науке.

— Менделеев носил бороду. Оба Ковалевских тоже, у Ключевского хоть небольшая, да борода, и мой друг Владимир Афанасьевич Обручев в девяносто лет тоже холит бородку.

Увлеченный этим перечнем, Сергей Иванович не заметил, какая ситуация возникла на шахматной доске.

— На этот раз, Сергей Иванович, вам не выиграть, — торжествующе объявил Тургин, грозно подняв над доской своего коня.

Лаврентьев задумался над ходом и как бы про себя произнес:

— Dim spigo, spego, — потом, взглянув из-под очков на противника, повторил по-русски: — Пока дышу, надеюсь.

Сергей Иванович сел поудобнее и, протянув руку, чтоб взять фигуру, не без ехидства спросил:

— А что вы, мил-человек, теперь скажете?

Тургин, пораженный неожиданным поворотом игры, негромко воскликнул:

— Невероятно! Вам явно везет... Счастливчик вы, Сергей Иванович.

— Счастливчик? — Тень прошла по лицу Лаврентьева. — Знаете, сударь, у нас, археологов, это самое бранное слово. «Счастливчик» — браконьер, разбойник, который грабит древние могилы.

— Вроде этого Куцего, — заметил Тургин.

— Вот-вот... Рассказать бы вам в книге об этом последнем из могижан-курганщиков. Да что там Куцый! Вот был здесь когда-то Захар Хомяк — король кладоискателей. Самый удачливый хищник. Я еще застал его в Терновке. Видно, он разбогател на древностях, да и удрал из села. Так его и след простыл...

Сорок два года о терновском «счастливчике» не было ни слуху ни духу. Хомяка считали пропавшим без вести.

И вдруг на сорок третьем году...

Шел третий допрос Куцего. Старик с укором переводил взгляд с полковника Трояна на майора Анохина, вздыхал, ерзал на стуле и все твердил свое.

Анохин посмотрел на часы и сказал:

— Так вот, Куцый. Сейчас без пяти три. Даем вам еще пять минут. И если вы не скажете, кто был зарыт у вас в погребе, — мы вам скажем.

— Гражданин начальник, что же я могу вам сказать, если не знаю? — в который уже раз повторил Куцый.

Полковник Троян махнул рукой:

— Хорошо... Товарищ майор, пожалуйста.

Анохин открыл правую тумбу стола и взял скульптурный портрет, доставленный из антропологической лаборатории профессора Михайлова. Он держал восковую скульптуру лицом к себе. Куцый напряженно всматривался. В его глазах удивление соединилось с испугом.

Майор поставил скульптуру на стол лицом к арестованному. Куцый посмотрел, и в глазах у него тотчас мелькнул уже не страх, а ужас. Он невольно чуть приподнялся и рухнул на стул, прошептав сдавленным голосом:

— Хомяк...

— Узнали? — тихо спросил Троян.

Куцый опустил голову.

— Рассказывайте.

И Куцый стал рассказывать...

Ранней осенью 1913 года в кабинет Нигоффа вошел рослый, с большим мясистым лицом, нагловатого вида человек лет тридцати, при жилетке и в смазных сапогах гармошкой. В ру-

ке он держал деревянный баульчик и шеголеватый картуз с лакированным светлым козырьком и шелковой ленточкой.

— Доброго здравия, Ганс Карлович.

— Чего явился? — В голосе хозяина чувствовалось недовольство.

— Да вот, кое-какие вещички. — Куцый достал из баульчика терракотовую статуэтку.

Едва взглянув, Нигофф зло бросил:

— Не возьму.

Куцый вытащил древнее ожерелье из больших белых бус с синими глазками. Вперемежку с бусами были нанизаны подвески — костяные и несколько золотых. Желая произвести впечатление, он картинно перебрасывал ожерелье с руки на руку. Но эффекта не добился.

— И это не возьму, — не меняя тона, сказал Нигофф.

— Ганс Карлович!.. — взмолился Куцый.

— Не идут твои вещи, плохи, — объявил немец.

— Может, эта ваза тоже плохая? — Куцый показал на вазу с изображением поединка Геракла с Антеем, стоявшую в кабинете на видном месте. — Сами ж благодарили, пятьдесят целковых дали.

— Дал, да за подделку.

— Крест святой, сам выкопал!

— Говорят, у тебя все подделки.

— Кто говорит? — в сердцах вскричал Куцый.

— Кто понимает... Хомяк говорит.

— Спуста молву пускает... Убей его бог!.. Уж ему-то грех говорить... Вы лучше самого

Хомяка распытайте, какие у него дела со стариком Радецким...

При упоминании имени Радецкого лицо негоцианта будто свело судорогой, но, моментально овладев собой, он — уже спокойно — спросил:

— С покойником-то?..

— Покойник до последнего часа работал, а уж он-то на подделках собаку съел.

— Болтай, болтай... Не буду у тебя покупать. А Хомяку верю.

В кармане у Куцего лежал редкий перстень, который он не собирался в этот раз предлагать Нигоффу, надеясь при случае запросить за него изрядную сумму. Теперь он вытащил его и, почти уверенный в успехе, спросил:

— И это не возьмете?

Нигофф демонстративно отвернулся, пошел к конторке и, перекладывая какие-то счета, сказал:

— Не куплю... А если я не буду покупать, никто у тебя покупать не станет. С голоду сдохнешь...

— Это за что такое? Все Хомяк!.. — захлебываясь от ярости, прохрипел Куций.

— Вам вдвоем на тех могилах тесно... Ступай, — сказал Ганс Карлович и защелкал костяшками счетов...

— Значит, вы говорите, что на убийство Хомяка вас толкнул Нигофф? — спросил Троян, выслушав показания подследственного.

— Это я, гражданин начальник, потом по-

нял. А тогда будто затмение нашло. Сам не свой был.

— Чем же Хомяк мешал Нигофффу?

— Не моего ума то дело. Но, видать, что-то промеж них случилось. Чего-то Ганс стал бояться Хомяка.

— А у вас были дела с ювелиром Радецким?

Куцый отрицательно качнул головой:

— Окромя Хомяка, старик никого близко не подпускал.

— Ну хорошо. — Троян резко поднялся и, став рядом с Анохиным, в упор посмотрел на Куцего. — А теперь перейдем к «белой бабочке»...

...Когда Куцего увели, полковник сказал:

— Как видите, товарищ майор, история с короной, а следовательно и с распиской, подходит к концу. Теперь займемся семейной хроникой золотых дел мастера Радецкого. Он умер в том же 1913 году. Будем искать его наследников.

Дочь золотых дел мастера

По-прежнему красивы широкие улицы Южноморска. Едва отойдя от вокзала, с одного края прямого, как мост, проспекта можно видеть, что происходит на другом его конце, упирающемся в берег моря. По-прежнему южноморские каштаны и акации раскидывают над улицей свои широкие кроны.

И напрасно городская газета в юбилейные дни писала, будто город узнать нельзя. Даже человек, сорок лет не бывавший в Южномор-

ске, узнал бы его, как всегда узнаешь старого друга, сколько бы лет ты ни был с ним в разлуке. Правда, друг за это время постарел, поседел. А Южноморск с годами становился все краше, все моложе.

Исчезли его жалкие окраины, и у города теперь нет двух лиц — фасада и черного хода. Окраины с асфальтированными площадями, парками, красивыми многоэтажными домами, дворцами культуры мало чем отличаются от центральных городских магистралей.

Исчезли южноморские трактиры и харчевни с их пьяным гулом. А знаменитый городской рынок по-прежнему красочен, многоголос, но залит асфальтом, цементом и взят под стеклянный купол.

Желто-зеленая прибрежная полоса, где раньше терялись одинокие виллы и дачи, стала живописным районом здравниц в этом городе заводов, фабрик и вузов.

Однако есть в Южноморске немало старых улиц, о которых с первого взгляда можно сказать, что время едва-едва коснулось их.

Такой была и тихая зеленая Корабельная.

Вровень с деревьями стоят невысокие, двухэтажные, сложенные из желтоватого песчаника дома с застекленными верандами. То тут, то там видны заборы, и от этого улица кажется еще уже.

В прошлом, когда она называлась Купеческой, рядом с газовым фонарем на доме номер десять висела небольшая медная табличка: «Дом почетного гражданина г. Южноморска В. А. Радецкого». Теперь этот двухэтажный

особняк, как и многие соседние, принадлежит домоуправлению номер 2024.

Ранним июньским вечером 1955 года перед домом № 10 на Корабельной улице остановился небольшого роста, склонный к полноте человек лет шестидесяти в парусиновом костюме и соломенной шляпе. Достав платок и сняв шляпу, он вытер лысину. Затем вошел в подъезд и поднялся на второй этаж.

Человек очутился у двери большой коммунальной квартиры, на которой висело несколько почтовых ящиков. На них были наклеены вырезанные из газет названия — «Правда», «Известия», «Южноморская заря», «Литературная газета». По бокам на косяках торчали звонки разных систем, кнопки, вертушки.

Человек в соломенной шляпе нашел нужную ему фамилию на квадратном клочке картона:

З в о н и т ь:	
Перепелница	— 1
Смирнова	— 2
Шульман	— 3
Радецкая	— 4
длинных	

Еще долго после того, как раздались четыре длинных звонка, никто не открывал. Наконец в двери показалась маленькая, аккуратная, сухонькая старушка лет семидесяти, одетая в черное платье с белым кружевным воротничком. Через пенсне на длинной золотой цепочке она

внимательно посмотрела на звонившего. Видно было, что к ней не часто являются незнакомые люди и она удивлена появлению гостя.

— Пожалуйста, заходите. — И Радецкая по длинному коридору, уставленному домашней утварью, ввела гостя в небольшую комнату.

Со скромной обстановкой здесь контрастировали две вещи — часы причудливой формы и старинный граммофон с большим раструбом.

— Марья Викентьевна, не признаёте? — спросил вошедший.

Она посмотрела и развела руками:

— Извините, но...

Незнакомец улыбнулся:

— Помните, у вашего родителя подручный был — Петька Рубан. У левого окна сидел. Он сам, собственной персоной...

Старушка всплеснула руками:

— Боже мой, где ж тут, милый, узнать! Лет пятьдесят прошло.

— Ну, не пятьдесят, а добрых сорок будет.

— Как же вас нынче величать-то? Петр...

— Отца Михайлом звали.

— Петр Михайлович, садитесь, прошу вас.

Они сели у стола, накрытого бархатной скатертью с изрядно вытертым ворсом.

— Где же вы теперь?

— Как с гражданской попал в Питер, так и осел. Тридцать лет гравером на Монетном дворе. А в Южнморск приехал лечиться. Дали путевку в кардиологический. Мотор на старости лет отказывает... А вы с кем тут?

— Одна-одинешенька. Все Радецкие в могиле. — Старушка помолчала. — Людмилу помните?

— Вашу меньшую?

Мария Викентьевна кивнула:

— В двадцатом от тифа умерла.

— А где Николай? Я его еще студентом помню.

Радецкая сокрушенно вздохнула:

— Как был непутевый, так и остался. В революцию удрал в Париж, все отцовское, что полегче было, с собой прихватил, и как в воду...

— Я, Марья Викентьевна, вашего отца часто вспоминаю. Если что по граверной части умею, только благодаря ему. Золотые руки были.

Рубан внимательно посмотрел на медальон, который висел у Радецкой на шее:

— Отцовской работы?

— Единственная память осталась.

— Не скажите! Мне недавно в Эрмитаже довелось побывать, в Особой кладовой. Представьте себе, узнаю серьги, которые Викентий Адамович для двора делал. Какая работа! Оторваться нельзя. Может, теперь на всю Россию нет мастера, который сумел бы такую вещь сделать.

— На всю Россию? — не без гордости переспросила Радецкая. — Он перед самой смертью такую работу сделал, что весь мир удивил.

— Это вы о чем, Марья Викентьевна?

— Над всем ученым миром подшутил. Отчеканил корону древнего царя, да так ее сделал, что профессора ахнули. За настоящую приняли.

— Занятная история. Тогда в мастерской разговора об этом не было.

— В секрете держал, — понизив голос, сказала Радецкая. — Перед смертью мне признался, а я уж никому никогда не рассказывала. Вот только вам выболтала. Да ладно, чего там старое ворошить. Давайте лучше чайку напьемся.

— Не откажусь.

— Одну минуточку, чайник поставлю... — И Радецкая вышла из комнаты..

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Концерт Рахманинова

Дирижер Лясковский давал в Южноморске только один концерт. По воскресеньям экспедиция Лаврентьева не копала, и решено было всем вместе отправиться в город. Отъезд назначили на половину седьмого.

Ляля в ярком летнем платье с газовым шарфиком в нетерпеливом ожидании ходила по веранде, не зная, куда себя деть.

Из села донеслись приглушенные расстоянием шесть ударов о рельсы. Сторож Терновской МТС — бывший шкипер — отбивал склянки.

Наконец скрипнула калитка, и на веранду поднялся Тургин, в безрукавке и легких шерстяных брюках.

— Пора одеваться, — сказала Ляля.

— Лаврентьев еще тоже не собрался. Мы никак не могли доиграть партию.

— А нашу партию, вероятно, мы еще не скоро выиграем?

— Корону мы уже выиграли...

— По-моему, старик даже успел вас очаровать.

— Что ж, обаятельный старик, — улыбнулся Тургин.

— А они, — в это слово было вложено много смысла, — разве не бывают обаятельными?

— Бывают. — Улыбка еще не сошла с лица Тургина и явно злила Лялю.

— Вот и здесь... Ученый, академик, деятель, но факты...

— Ляля, сколько раз я тебе говорил: не спеши с выводами. Так легко впасть в дурную подозрительность. А она плохой советчик и еще худший помощник. Не будем торопиться...

— Нет, будем. — Ляля взглянула на часы. — Павел Александрович, одевайтесь.

— Может быть, ты еще закричишь «полковник Троян»?..

— Простите, но здесь никого нет, — виновато проговорила она.

— Все равно.

Тургин ушел в комнату. Спустя несколько минут он позвал к окну Лялю и уже совсем другим тоном спросил:

— Ляля, этот галстук журналисту Тургину к лицу?

— Для твоих лет, папочка, чуть пестроват, — с подчеркнутой дочерней заботливостью ответила Ляля...

На воротах заповедника висела печатная афиша:

Зеленый театр
Суббота, 23 июля 1955 года
РАХМАНИНОВ
ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СИМФОНИИ
Дирижер Кирилл Лясковский (Москва)
Начало в 9 часов

Ниже чернилами было приписано: «Машина отправляется в 6.30».

Небольшой старенький автобус экспедиции и легковая машина Лаврентьева стояли у ворот. Все уже собрались и о чем-то оживленно разговаривали, шутили, громко смеялись.

Тургин остановил свою «Победу». Ляля осторожно, стараясь не помять платье, вышла из машины. Рядом с ней тотчас очутился Коля Малыгин.

С того дня, как Ляля появилась в Эссе, фотограф экспедиции был сам не свой. Ему казалось, что девушка в резиновой шапочке, которую он впервые увидел на эсском пляже, надолго вошла в его жизнь. Впрочем, влюбчивому и увлекающемуся Коле так казалось уже не в первый раз.

Малыгин был студентом истфака. Фотографией он занимался с детских лет. В фотостудии Дома пионеров его называли «Лучший объектив города». Снимки Коли печатали сначала пионерские, а потом и другие газеты, журналы. Мастерство фотографа сослужило хорошую службу будущему историку Малыгину.

На истфаке многие мечтали попасть практикантами в экспедицию академика Лаврентьева, куда съезжались ученые и студенты из крупнейших университетских городов. Сергей Иванович сам отбирал участников экспедиции. Коля просился в практиканты, а неожиданно-негаданно попал в фотографы. Снимки фресок Софии, сделанные Колей, несмотря на изобретательность в поисках ракурса, были документально точны и осязательно передавали фактуру. Они очень понравились Сергею Ивановичу, и он предложил Коле место фотографа.

В экспедицию Малыгин приезжал уже второй раз. В прошлом году, едва появившись на участке Оксаны Васильевны, Коля влюбился в нее. Боясь вызвать насмешки, он долго не решался сказать об этом Сокол. Наконец написал ей письмо и, соблюдая тысячи предосторожностей, вложил его в рабочий дневник начальника участка.

Малыгину казалось, что никто не замечает его влюбленности, хотя он и выдавал себя на каждом шагу. Но не только Сокол, а все археологи не принимали ее всерьез.

Читая Колино послание, Оксана искренне смеялась, но, конечно, никому и словом об этом не обмолвилась. И в новый раскопочный сезон между начальником участка и фотографом экспедиции установились добрые дружеские отношения. Теперь Оксана иногда позволяла себе подшучивать над новым увлечением Коли...

Пока собирались на концерт, Малыгин не отходил от Ляли. Он уже успел сфотографировать ее с шарфиком, летящим по ветру.

— Ну что ж, поехали, — сказал Сергей Иванович, выходя из ворот.

Началась веселая суматоха посадки. Лаврентьев пригласил Шелеха к себе в машину. Сокол села в автобус.

— Вам, кажется, приготовлено место в «Победе», — сказала Оксана. Из открытого окна она видела, как Коля стал на подножку автобуса.

— Весьма возможно. — Малыгин оглянулся назад. В это время раздался голос Ляли:

— Коля, идите к нам!

Гордо взглянув на пассажиров автобуса, Малыгин направился к автомобилю Тургиных.

Павел Александрович, отдав Ляле свой пиджак, сел за руль.

Дорога была прямая, асфальтированная. Тургин спокойно вел свою «Победу», не прислушиваясь к голосам сидящих сзади и поглощенный своими мыслями.

Уже три недели Павел Александрович занимался событиями, связанными с загадочным происшествием в склепе эосского некрополя. Давняя история с короной пролила свет на происхождение расписки. Но поиски «белой бабочки» пока ни к чему не привели.

На последнем допросе Трофим Куцый дал важные показания: не то в сорок втором, не то в сорок третьем году его привезли к коменданту Южноморска Реглю. Комендант совершенно недвусмысленно намекнул ему, что знает историю исчезновения Хомяка, и велел подписать какую-то бумагу. Больше Регль его не трогал. Остальное уже произошло совсем недавно. Куцый так рассказал об этом:

«За все годы ничего не было. А в нынешнем мае прибыл один от бывшего коменданта Регля. Говорит, жди человека с белой бабочкой... А кто он? Чего не знаю, сказать не могу»...

Машина въехала в Южноморск. Необходимость следить за дорогой отвлекла Павла Александровича от его мыслей.

На площади перед Зеленым театром в три длинных ряда выстроились автобусы, легковые машины, грузовики. Археологи поставили свои машины с краю и шумной гурьбой пошли занимать места.

Южноморский летний театр лежал в глубокой чаше, окруженный зеленью парка. Сверху к эстраде ступеньками сходили тридцать пять рядов. Сегодня не было свободных мест.

Оркестранты уже сидели за пультами. Нестроено, будто прерванными на полуслове фразами, перекликались между собой скрипки, виолончели, контрабасы.

Снизу и сверху почти одновременно зааплодировали ряды. У сильно освещенного края рампы появился дирижер.

Павел Александрович поймал себя на том, что его взгляд прикован не к лицу музыканта, тонкому и вдохновенному, а к его костюму. На дирижере был обычный черный концертный фрак, который, казалось Трояну, еще больше подчеркивал белизну его галстука в виде бабочки.

При стихающих аплодисментах в ушах Трояна зазвучал глухой старческий голос:

«Говорит, жди человека с белой бабочкой... А кто он?»

Троян провел рукой по лицу, как бы

отгоняя навязчивую мысль. Голос Куцего исчез. Дирижер взмахнул палочкой, и, словно по волшебному маговению, черные крючки на нотных листах ожили, превратились в звуки и, окрепнув, взлетели к звездам...

Обычно между первым и вторым отделениями музыкальных концертов в Зеленом театре делали большой пере-

рыв, чтобы публика могла погулять по аллеям старого парка.

В антракте эссы разбрелись кто куда. Коля обещал показать Ляле платан, под которым, по преданию, сиживал еще Пушкин. Они подошли к дереву. Его зеленовато-серый ствол казался совсем черным, и лапчатые листья, точно тысячи маленьких флажков, свешивались вниз.

Все скамьи в тенистых аллеях оказались занятыми, и они с трудом отыскиали себе место неподалеку от главной аллеи.

Счастливый Коля тихо, с упоением читал Ляле стихи. Но она слушала плохо.

Ляля заметила, как немолодой толстый человечек в яркой тибетейке напряженно всматривался в приближавшегося Лаврентьева и потом пошел ему навстречу. Ей показалось, что Лаврентьев не узнаёт человека в тибетейке.

Когда они поравнялись со скамейкой, до Ляли долетели обрывки фраз:

— ...Английский клуб... перстень... номер двадцать три.

Больше Ляля ничего не расслышала.

Трое в одном купе

Троян недоумевал. Что могли означать эта встреча и разговор в аллее парка, невольным свидетелем которых стала Ляля?

Случайная встреча старых знакомых? Почему же Лаврентьев не узнал его? Они могли давно не видеться. А их странный разговор? Может быть, здесь и есть связь с предыдущими событиями?

Полковник был почти уверен: к случаю в склепе Лаврентьев не имеет никакого отношения. Но какие могли быть сомнения, что здесь действует вражеская рука!

Накануне Павел Александрович говорил с Лялей о дурной подозрительности. Она так же похожа на бдительность, как беспорядочная стрельба на прицельный огонь. Троян хорошо знал, что шпиономания и глупая подозрительность только мешают борьбе с истинным врагом. Но слепая беспечность еще более опасна. В данном случае она может повредить и делу и самому Лаврентьеву. А ведь государственная безопасность — это безопасность и каждого из миллионов честных граждан. Так может ли он, Троян, не придать значения эпизоду в парке, даже если интуиция подсказывает: вряд ли эта встреча связана с делом, которым он занимается.

Полковник поручил сотрудникам Анохина заняться человеком в тибетейке, и они быстро установили, что он — научный работник из Ленинграда, объезжающий пушкинские места на юге. Спустя несколько дней он появился в заповеднике. В этом не было ничего удивительного — каждый, кто приезжал в Южноморск, старался посетить и Эос. Но этот оказался необычным экскурсантом. Едва осмотрев раскопки, он стал обходить окрестные села, разыскивать старожилов. Гость из Ленинграда снял в Терновке комнату. Очевидно, он собирался пробыть здесь некоторое время.

Последние дни Павел Александрович почти не видел Лаврентьева. Вернувшись с концерта, Сергей Иванович застал телеграмму с вызовом на заседание президиума Академии наук. В горячее время раскопок Лаврентьев старался не отлучаться из экспедиции. Но теперь предстояло обсуждение перспективных планов научной работы. Нужно ехать. Все вечера были заняты подготовкой к выступлению.

Ленинградец собрался уезжать вместе с Лаврентьевым. Троян подумал, что здесь, вероятно, простое совпадение. А впрочем...

И третьим пассажиром в купе поехал молодой, лет тридцати, спортивного вида человек, отправлявшийся на Всесоюзные курсы тренеров по легкой атлетике.

Пушкинист, которому в Терновке так и не удалось вдоволь наговориться с занятым Лаврентьевым, усиленно наверстывал упущенное.

Позже Анатолий рассказывал Трояну и Анохину, что еще никогда в жизни ему не приходилось встречать таких интересных собесед-

ников. Они вспоминали свое знакомство, и Анатолий представил себе двадцатый год, голодную Москву, заиндевелые окна бывшего Английского клуба, где в нетопленных залах с греческими колоннами по пятницам собирались члены недавно созданного Общества друзей книги.

Это были первые и самые трудные шаги культурной революции, которая, преодолевая разруху, тиф, нищету, сопротивление врага, начинала свое великое шествие по стране.

Вызванные к жизни бесчисленные комиссии и комитеты, неперменным членом которых был ректор университета профессор Лаврентьев, забирали у него много времени и сил. Как ни был занят Сергей Иванович, он старался не пропустить ни одной пятницы в библиотечном зале дома на Тверской.

Историк и археолог, он еще в студенческие годы стал страстным книголюбом и завзятым пушкинистом. Лаврентьев собрал коллекцию изданий Пушкина и книг о нем, которую высоко ценили московские библиофилы. И на пушкинских чтениях в бывшем английском клубе, где выступали такие знатоки, как Щеголев и Цявловский, прислушивались к голосу Сергея Ивановича.

Начиная с октября 1920 года Общество друзей книги устраивало аукционы. Перед пушкинским аукционом Сергей Иванович особенно волновался.

Сосредоточенный и хмурый, ходил он по залам, где на столах было разложено немало реликвий. Рядом с комплектами «Северных цветов», «Подснежника», «Полярной звезды»

здесь можно было встретить автографы Пушкина, первые поглавные издания «Евгения Онегина», рисунки поэта и оригиналы иллюстраций к его первым изданиям, некогда отпечатанный в десяти экземплярах «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу со слов кн. А. В. Трубецкого», экземпляры «Невского альманаха», «Альбома северных муз» и многое другое.

Республика была еще очень бедна, чтоб скупить все эти редкости. И Лаврентьева тревожила мысль, как бы ничто из реликвий, связанных с памятью великого поэта, не попало в неверные руки.

Незадолго до аукциона друзья рассказали Лаврентьеву, как отыскалось серебряное кольцо с изображением Диониса на сердолике, которое Пушкин ровно сто лет назад подарил своему другу Петру Яковлевичу Чаадаеву. На перстне прочитали надпись: «Суб роза» — «под розой». Роза у древних была символом тайны, и эта надпись означала «в тайне».

Тайной оставалась судьба пушкинского кольца, подаренного поэту графиней Воронцовой. Среди собирателей ходило множество копий, владельцем которых считали Пушкина. Но этот золотой перстень с древней надписью и восьмигранным сердоликом, воспетый поэтом, бесследно пропал. После гибели поэта его хранил Жуковский, потом он перешел к Тургеневу, от него к Полине Виардо. Виардо подарила его пушкинскому лицу для музея поэта. Лицейский сторож, украв кольцо, продал его старьевщику, и оно будто в воду кануло.

Каждый раз, отправляясь на розыски пушкинских реликвий, Лаврентьев тешил себя мечтой: а вдруг именно ему посчастливится найти этот талисман поэта...

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда, спи, желанье,
Храни меня, мой талисман, —

заполнив своим голосом все купе, декламировал гость из Ленинграда.

Полдороги Лаврентьев с литературоведом вспоминали те далекие двадцатые годы. Сосед по купе жадно слушал эти разговоры о первых годах революции, когда его еще на свете не было. И само собой расшифровалось почти все, что насторожило Лялю, услышавшую в парке обрывки фраз.

Наконец открылась и тайна «двадцать третьего номера». Оказывается, Лаврентьев впервые встретился и познакомился с этим пушкинистом на выставке художников Пролеткульта в том же здании бывшего Английского клуба.

На полотнах были силуэты фабричных зданий; портреты изображали лицо как сумму мускулов; на иных картинах авторы пытались красками передать стук машин. В муках поисков, сквозь лес ошибок, на ощупь пробивались ростки нового искусства.

Ошарашенный, стоял Лаврентьев перед полотном, где на фоне снега были нарисованы пушкинские бакенбарды, офицерские эполеты, два пистолета и над всем этим — оловянный глаз Николая. Картина называлась «Дуэль Пушкина».

«Боже мой, кто автор?» — спросил тогда человек, стоявший рядом с профессором Лаврентьевым и оказавшийся молодым пушкинистом, учеником Щеголева.

Профессор и пушкинист стали искать подпись. Они прочли: «Автор номер двадцать три». Фамилии художников на всех выставленных полотнах были заменены номерами...

Анатолий представил себе, как захочет Троян, когда он доложит ему о результатах своей поездки.

Посылая Анатолия, полковник объяснил лейтенанту, что его задача — не только наблюдать, но и охранять Лаврентьева. Не исключено, что вокруг академика враги расставляют свои сети.

Разговоры в купе затянулись за полночь. Наконец старики улеглись.

Анатолий занимал верхнюю полку, откуда ему был хорошо виден спящий Лаврентьев. Но Сергей Иванович не спал.

...Воспоминания тридцатипятилетней давности растревожили его, и теперь, как это все чаще случалось с Лаврентьевым, им снова овладела грусть от сознания, что пошел семидесятый год жизни.

Не о приближении смерти думал Сергей Иванович. Его волновали многие не только незавершенные, но еще даже и не начатые дела.

Говорят о школе Лаврентьева. Да, у него много последователей. Его ученики работают на кафедрах в университетах и институтах, в музеях, руководят экспедициями. Однако в самом Эосе, которому он отдал часть своей жизни, кто примет у него эстафету?

Добрую славу снискали себе его старые и новые работы об Эосе. Но ведь он раскопан меньше чем наполовину. Самое важное и интересное впереди. Кто же продолжит там работу?

Шелех? Он тоже стар, да если б и был помоложе, все равно это ему не по плечу.

За последние годы многого добилась Оксана. Лаврентьев радовался ее успехам. Она пока знает меньше Шелеха, и опыта у нее меньше. Но у человека есть та искра божья, которая обещает разгореться в пламя настоящего творчества. И диссертация у нее, не в пример десяткам других, которые прошли через руки Сергея Ивановича, сделана самостоятельно мыслящим человеком, ищущим новые пути в науке. Это не триста страниц с описанием черепков, строительных остатков, с аналогиями, пусть даже добросовестно подобранными и к месту приведенными. Это страницы живой истории Эоса в начальную пору его существования, прочитанные не просто раскопщиком, а вдумчивым историком.

А ведь сколько ремесленников с ученым видом занимает места тех, кто способен отдать науке всю жизнь. Вскочили на академическую

подножку, уцепились за звание, как за поручни, и едут...

Нахлынувшие мысли не давали ему заснуть. И многое из того, что через два дня академик Лаврентьев произнес в мраморном зале заседаний Академии, родилось в эту ночь в вагоне прямого поезда, который шел из Южноморска в столицу.

Разговор в урочище Ста могил

Спокойная, мягкая и рассудительная Оксана очень понравилась Ляле, и так как в Терновке было скучновато, Тургина подолгу пропадала на участке Сокол. Вот и сейчас, вызвавшись быть добровольной помощницей, вместе со студентом-практикантом она обмеряла металлической рулеткой древнюю мозаику в неглубоком раскопе.

Несколько последних дней, по многу часов не разгибая спины, Оксана с ассистентами сантиметр за сантиметром расчищала остатки мозаичного пола. Скальпелями, ланцетами они осторожно соскабливали грунт с мозаики и кисточками сметали земляной прах. Если мозаика непрочно сидела в своих известковых гнездах, пыль сдували ручным кузнечным мехом. Эта работа требовала осторожности хирурга, точности часового мастера и терпения резчика по кости.

Сегодня, когда удалили последние крупцы грунта, открылся выложенный из разноцветной морской гальки причудливый ковер, в котором сочетались изображения мифических животных с растительным орнаментом.

Оксана сидела на стульчике, держа на коленях чертежный планшет с приколотым листом миллиметровки.

— Сколько? — крикнула она.

— Сто двадцать три, — ответил практикант.

— А от юго-западного угла?

Ляля обошла мозаику и приложила ленту рулетки к деревянному колышку.

— Двести пятнадцать.

— Невозможно чертить, — сказала Оксана, делая накалившимся от зноя циркулем засечку на плане. — Пусть немного сядет солнце.

Ляля со своим напарником мигом выбрались наверх.

— Оксана Васильевна, пойду окунусь, — сказал практикант. — Пропадаю от жары! Одного археолога, погибшего от солнечного удара во время раскопок в Дельфах, уже занесли в историю. Я не хочу быть вторым.

Сокол улыбнулась:

— Саша, знаете его последние слова? «Какие колонны!»

— О боже, какая мозаика! — дурачась, произнес юноша, театральнo выбросив руку в сторону раскопа. Затем он достал из полевой сумки яблоки, угостил девушек и побежал к морю.

Ляля и Оксана легли на траву.

— Вам еще не надоели наши раскопки? — спросила Сокол, надкусывая яблоко.

— Что вы, Оксана, мне так интересно! Вдруг когда-нибудь придется играть женщину-археолога.

— Уверяю вас, не придется... — Оксана по-

молчала. — И сказок о нас не расскажут и песен о нас не споют, — произнесла она после минутного раздумья. — А вы говорите — пьеса...

Ляля села и, обхватив руками колени, наклонилась к Оксане.

— Не выйдет из меня актрисы — пойду в археологи, — вдруг объявила она. — Я уже думала об этом. Вот только терпения мало. Так чертить, как вы, — девушка показала на лежащий рядом планшет, — никогда не смогу.

— Меня эти чертежи уже замучили! — пожаловалась Сокол. — Всю весну над доской просидела. А теперь к докладу Сергея Ивановича о Пилуре опять придется чертить и чертить.

— Другие ведь тоже чертят?

— Конечно, чертят. Без этого археологу нельзя.

— А всё на вас навалили.

— Считают, что у меня лучше получается. С тех пор и пошло: главные чертежи — мне.

— Оксана, честно, вы очень боитесь Сергея Ивановича? Он такой строгий.

— Когда я начала работать в экспедиции, тоже думала — строже его нет на свете. Да разве в этом дело? Иной ученый и обходительный и обаятельный — ведет тебя в науку, как в детский сад, за ручку. Так и привыкаешь к подсказке. Живешь за чужой головой. Даже диссертацию пишешь, будто по шпаргалке решаешь задачу на уроке арифметики...

— Тому, кто хочет легкой жизни в науке, — перебила Ляля, — с таким руководителем, конечно, легко.

— А он, по сути, меньше всего о тебе и думает. С аспирантами работает? Работает. Молодые кадры готовит? Готовит. Диссертации есть? Есть. Значит, все в порядке.

— Ваш Лаврентьев не такой...

— У него иногда хоть и наплачешься, да сама думать научишься. Это счастье — работать с Сергеем Ивановичем!

— И давно вы счастливы? — спросила Ляля, придвигаясь совсем близко к Сокол. — Я вот часто думаю, как человек находит свое призвание?

Как человек находит свое призвание? Почти всегда трудно ответить на этот вопрос, конечно если исключить тот, к сожалению, еще распространенный случай, когда избирают себе профессию потому, что на финансовый или на факультет иностранных языков попасть легче, чем на какой-нибудь другой...

Почему Оксана Сокол стала археологом?

Среди археологов немало выходцев из семей, где все, от деда до внука, занимались историей.

Оксана Васильевна — первый археолог в рабочем роду Соколов. Ее отец, потомственный екатеринославский кузнец, стал к пневматическому молоту в год рождения Оксаны — сверстницы первой пятилетки.

Звеньевая пионерского отряда Оксана Сокол не ходила в первых учениках. Кроме пятерок, в ее табель попадали и четверки. Но в школе не было ученицы, которая бы в свои двенадцать-тринадцать лет так знала и любила историю, географию и прочитала столько книг о прошлом.

В годы войны Оксана с семьей оказалась в большом сибирском городе. Профессор пединститута, приглашенный в школу на собрание кружка историков, радовался, слушая, как восьмиклассница Оксана толкует прочитанные в оригинале летописи, которые потребовались ей для доклада о борьбе Руси с татарским нашествием.

Небогато жил местный музей в военные годы. Но у него были верные юные друзья и помощники. Школьный кружок истории прикрепил Оксану к археологическому отделу. Здесь и началась биография археолога Сокол.

...Сергей Иванович Лаврентьев питал органическую неприязнь к «вундеркиндам». В широком кругу его знакомых знали, что бесполезно соблазнять Лаврентьева рассказами об исключительных способностях юноши или девушки, для которых решающую роль должно сыграть его научное покровительство.

И когда Величко, молодой ассистент академика, принимавший экзамены у поступающих на археологическое отделение столичного университета, захлебываясь, рассказал о необычайных способностях девушки из Днепропетровска, Сергей Иванович только похмыкивал, хитро шурил глаза и наконец спросил:

— А девушка-то, конечно, красивая?

Ассистент покраснел, что-то забормотал, но Сергей Иванович не разобрал, что именно.

Спустя несколько месяцев на кафедру студенческого научного общества поднялась высокая, с длинными косами, красивая девушка и, сначала робко, с трудом овладев своим голосом, стала читать реферат о размещении пле-

мен на карте Скифии, составленной еще Геродотом.

Поначалу Сергей Иванович слушал не очень внимательно. За сорок лет профессорства он уже вдоволь наслушался студенческих рефератов на эту тему, тем более что очень многие из них варьировали его давнюю статью в «Археологических записках». И вдруг сидевший в президиуме Сергей Иванович услышал: «Я позволю себе не согласиться с мнением академика Лаврентьева, правда высказанным почти полвека назад, когда было еще мало археологических материалов о скифах...».

По аудитории прошел и тотчас оборвался легкий шумок. Все увидели, как Лаврентьев, повернувшись вполборота к кафедре, с интересом смотрит на своего оппонента.

Некоторые доводы студентки заставили Сергея Ивановича улыбнуться про себя. Они были наивны. Но в реферате первокурсницы Лаврентьева привлекли свежесть мысли и умение по-своему истолковать и увязать между собой многие археологические находки, сделанные в различных районах древней Скифии.

В перерыве, подозревая ассистента, которого он уже однажды вогнал в краску, Сергей Иванович спросил:

— Вы об этой девушке мне говорили?

— Да.

— Кажется, вы не ошиблись...

Рассказывая Тургиной об этом и вспоминая, как она с первого своего университетского лета стала участницей эосских экспедиций, Оксана умолчала об ассистенте академика Лаврентьева, с которым — Ляля это знала —

у нее в жизни многое связано. Тургина с чисто женским любопытством уже собралась задать несколько осторожных вопросов, но с моря пришел Саша.

Через несколько минут из раскопа несло:

— Сто двадцать восемь...

— Сто пятьдесят от северо-западного угла.

Оксана, достав из широкого кармана своего синего комбинезона прозрачный целлулоидный угольник, склонилась над планшетом.

Мозаичный пол во внутреннем дворике дома знатного эосца Оксана раскрывала в отсутствие академика Лаврентьева. Начальники отрядов усиленно подгоняли работу к возвращению Сергея Ивановича, и Оксана тоже хотела к его приезду подготовить все материалы своей раскопки.

С участка, едва успев выкупаться и поесть, она сразу отправлялась в камеральную.

Однажды, когда она была одна в лаборатории и, тихо напевая, резинкой счищала следы карандаша на ватмане, раздался неуверенный стук в дверь.

— Да, — не поднимая головы, отозвалась Оксана.

В комнату вошел человек среднего роста, в полосатой тенниске. Ему было лет тридцать пять, выглядел он подтянуто, собранно.

По тому, как, войдя, он посмотрел на склонившуюся у чертежного станка Оксану, было ясно: он точно знает, кто перед ним. Она подняла голову, когда вошедший уже стоял посередине комнаты.

— Вы насчет экскурсии? Хранитель заповедника уехал. Вернется завтра.

— Я знаю,— чуть улынувшись, ответил неизвестный.

Оксана удивленно взглянула на него.

— Товарищ Сокол?

— Я.

— Оксана Васильевна?

— Да,— ответила она, еще более удивленная, ожидая, что будет дальше.

Вошедший протянул Оксане узенькую, продолговатую книжечку в красном ледериновом переплете. Оксана раскрыла, посмотрела и, возвращая ее, сказала:

— Слушаю вас, товарищ капитан милиции.

— Мне нужно посмотреть склеп, где произошел несчастный случай.

— Пожалуйста, я провожу вас, но, пока дойдем, будет поздновато. — Оксана показала на окно: солнце закатывалось за далекий курган.

— А мы поедем...

Минут через десять Оксана со своим спутником приехали на место. А когда они выходили из склепа, только отблески заката догорали на горизонте.

— Известно, кто убитый? — спросила Оксана.

— Выясняем, раскапываем,— уклончиво ответил приезжий. — Кстати, — сказал он, достав

из внутреннего кармана фотографию чертежа урочища Ста могил, — Оксана Васильевна, прошу вас проконсультировать... На чертеже крестиком отмечен этот склеп?

Оксана взяла фотографию размером с почтовую открытку, посмотрела с нескрываемым удивлением, растерянно произнесла:

— Этот...

— Что вас так удивило?

— Это мой чертеж, но мы никогда не делали фотокопий.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я закончила чертеж перед самым отъездом академика Лаврентьева.

— Куда?

— В Рим, на конгресс.

— Чертеж был с ним?

— Конечно. Это же иллюстрация к докладу. Оригинал у нас в архиве.

Они сели в машину. Прощаясь с Оксаной у ворот заповедника, майор Анохин — а это был он — сказал:

— Прошу вас, товарищ Сокол, если будут спрашивать, кто приезжал, — я экскурсанта.

Тиха южноморская ночь...

Море будто остановилось. Оно лежит спокойное, неподвижное, устав катить волны и целый день менять цвет воды. Теперь оно кажется выкрашенным одной темно-синей краской и впрямь похоже на то море, которое изображают художники; иллюстрируя сказки.

Через море переброшен мост. Он начинает-

ся у красноватой каменной глыбы на диком эосском пляже и уходит к горизонту и дальше. Луна, проложившая этот серебряный мост, соединила Европу с Азией.

По лунной дорожке к берегу плывут двое. Только тихие всплески нарушают тишину, стоящую над морем... Ляля медленно плывет на боку, положив на воду голову в резиновой шапочке.

— Я очень хотел бы жить в одном городе с вами, — говорит Коля, плывущий рядом.

— И давно появилось у вас это желание? — лукаво отзывается Ляля.

— Не раньше, чем вы сюда приехали.

— А давно ли вы говорили Оксане то же самое? Между прочим, мы с ней землячки.

— Ну и злючка вы! — Коля делает резкий взмах рукой и сразу обгоняет девушку.

— Будь я мужчиной, обязательно влюбилась бы в Оксану! — раздается ему вдогонку.

Коля хочет что-то сказать, но Ляля энергично и быстро бьет по воде рукой, брызгая на него.

Малыгину показалось, что Ляля знает всю прошлогоднюю историю. Лишь теперь он понял, как был смешон, когда, едва ступив на эосскую землю, отправил Оксане злополучное письмо. В свои двадцать лет он искренне считал, что нет ничего трагичней, чем оказаться в смешном положении. Конечно, знай тогда Коля то, что было известно каждому участнику экспедиции, он бы так не поступил.

...В Эосе уже давно привыкли к тому, что в почте экспедиции Лаврентьева всегда есть конверт, надписанный одной и той же рукой,

которая четко и аккуратно вывела каждую букву.

Почти ежедневно Оксана Сокол получает письма. Вначале над этим еще слегка подтрунивали, потом стали завидовать, а теперь даже самые рьяные острословы и скептики не решаются касаться этой темы.

Три года назад Оксана вышла замуж. Мужем ее стал Роман Величко, тот самый ассистент академика Лаврентьева, впервые увидевший ее, когда Сокол сдавала вступительные экзамены.

Кто такой Роман Величко, Оксана по-настоящему поняла, когда столкнулась с ним в первую поездку на раскопки в Эос. Здесь его талант археолога проявлялся еще ярче, чем в схватках на заседаниях кафедры, Ученого совета. Однако разве научные способности Романа были для Оксаны откровением? И, конечно, не они определили ее новое отношение к начальнику отряда Величко, который, между прочим, с практикантки Сокол спрашивал строже, чем с ее подруг.

За месяц совместной работы в экспедиции человека можно узнать лучше, чем за пять лет университетской учебы.

Роману Величко явно везло. Три года подряд Оксана приезжала работать в Эос. Она приехала и в четвертый раскопочный сезон, но теперь Роман был далеко: он получил большую самостоятельную работу — раскапывал древний город на юге Средней Азии.

С того лета бородатый терновский почтальон, усаживаясь на седло дамского велосипеда (по капризу или по ошибке кооператоров в

местное сельпо завозили одни дамские велосипеды), удивленно пожимал плечами, если в его сумке не оказывалось конверта, надписанного рукой, которая четко и аккуратно вывела каждую букву.

Даже Сергей Иванович полагал, что Роман, став мужем Оксаны, умерит свой эпистолярный пыл. Когда-то отправлявшийся в экспедицию приват-доцент Лаврентьев тоже ежедневно писал письма слушательнице Бестужевских курсов Любе Назаровой. Теперь, чего греха таить, Лаврентьев на письма Любови Григорьевны чаще отвечал телеграммами.

«Всему свое время», — не без грусти думал Сергей Иванович, которому не раз приходилось видеть, как Оксана быстро распечатывает письмо.

В таких случаях он обычно вспоминал, что уже с неделю не писал домой, решал сегодня же написать «длиннющее» письмо, но набегали дела, и шофер вез в Южноморск очередную телеграмму.

Археолог, подобно хлебобобу, с нетерпением ждет весны, когда он сможет выйти в поле. Но в семье Величко близость весны означала приближение разлуки.

И начинались письма...

Задним числом Коля понял, как нелепо выглядело его послание. Умная и тонкая Оксана обратила в шутку всю прошлогоднюю историю. Коля был ей благодарен за такт, избавивший его от насмешек. И когда сегодня на пляже Ляля стала подтрунивать над ним, ее ирония вызвала у Коли чувство неловкости, которое, впрочем, быстро прошло.

Море по-прежнему было тихим, и только беспокойный луч маяка скользил по прибрежным скалам.

У подножья каменной глыбы то гасли, то вспыхивали, качаясь на воде, голубоватые искры.

Коля подошел, набрал полную пригоршню светлячков, и в волосах Ляли тотчас засветились маленькие огоньки.

— Вот досада! — воскликнул Коля. Ляля удивленно посмотрела на него. — Будь у меня сейчас магний... Это ведь чудеснейший кадр! Просто на обложку «Советского Союза»! — Он смотрел на Лялю восхищенными глазами.

Девушка безнадежно махнула рукой:

— Вы только и делаете, что щелкаете да обещаете.

Коля уже готов был разыграть обиженного, но, увидев на лице Ляли выражение задора и милого лукавства, улыбнулся и сказал:

— Ловлю вас на слове. Пленки с вашими портретами заняли всю мою фотообитель. Хотите посмотреть?

Малыгин привел Лялю в небольшую, скромно оборудованную лабораторию. На стенах висели снимки памятников, раскопов, увеличенная фотокопия декрета Пилура, фотографии Лаврентьева, Оксаны.

На проволоке, прикрепленные металлическими защепками, сохли пленки. Коля снял одну и, показывая ее на свет, спросил Лялю:

— Узнаёте?

Со всех тридцати шести кадров улыбалась Ляля — плывущая по морю, вышедшая из воды, прислонившаяся к скале...

Малыгин отцепил вторую пленку и медленно стал раскручивать ее перед глазами Ляли.

— А это кто?.. Опять вы! — торжественно объявил Коля. — Этот снимок мне нравится больше всех.

— Но такого не будет, — с лукавинкой в голосе заметила Ляля, показывая на большой портрет Оксаны. Сокол была сфотографирована на фоне чертежей, и на самом большом из них можно было прочесть надпись: «Урочище Ста могил».

— Композиция, честно говоря, заимствована, — признался Малыгин. — Помните лучший портрет Маяковского?

— На фоне плакатов РОСТА?

Коля кивнул головой.

— Когда Сергей Иванович вернулся из Рима, он повторил здесь свой доклад и демонстрировал чертежи Оксаны. Я ее тогда и увековечил.

— Хороший снимок.

— Но ваш будет не хуже. Хотите, напечатаю пробный? — предложил Коля. — Только сбегаю за бумагой. У меня там несколько листов высшего сорта. Один момент!

Когда Коля вышел, Ляля быстро достала из сумки фотоаппарат величиной со спичечную

коробку и, нацелясь на портрет Оксаны, щелкнула раз, другой, третий...

Гроза над Эосом

Это походило на головоломку. В куче красновато-желтых черепков, лежащих на столе перед Шелехом, нужно найти именно тот, который станет на свое место. Остап Петрович терпеливо восстанавливал раздавленную землей и временем амфору.

Нижняя остродонная часть сосуда уже была реставрирована. Наметанным глазом Шелех выбирал черепок, прикладывал его к сосуду и, убедившись, что это нужный, клеем смазывал его рваные края.

Установив на место несколько черепков, он отходил в сторону и, теребя бородку, прищурясь, проверял, не нарушена ли форма сосуда. В эти минуты, в своей синей рабочей блузе со следами глины и клея, он походил на скульптора.

Едва сосуд был доведен до половины, работа застопорилась. Черепки будто сговорились, и ни один не хотел становиться на свое место.

— Фу ты! — Остап Петрович чертыхнулся.

Оксана, работавшая рядом за чертежным станком, подняла голову. Встретившись с ней взглядом, Шелех спросил:

— Оксана Васильевна, а вы почему грустная?.. Даже не поете.

— Устала, Остап Петрович, замучилась с расчисткой мозаики.

— И у меня что-то сегодня не клеится. —

Шелех держал в руке кисть с клеем и черепок, который безуспешно пробовал приладить. Отойдя на несколько шагов, он снова посмотрел на сосуд и с ноткой философичности произнес: — Амфору еще как-нибудь склеишь... С человеком хуже... Ему жизнь не вернешь. — И после короткой паузы добавил: — Помните того, что в склепе задавило?

— По сей день не слышать, кто он? — отозвалась Оксана.

— И зачем он попал в склеп? — в тон Оксане проговорил Шелех.

— Кстати, Остап Петрович, чтобы не забыть: дайте, пожалуйста, планы могильника. Сергей Иванович просил сделать уменьшенные копии.

— Для отчета?

— Для книги.

— Будет новое издание?

— Да, Сергей Иванович в Москве договорился.

Шелех достал из кармана связку ключей на металлическом кольце и, отделив один, передал Оксане. Сокол подошла к шкафу, выбрала рулон и вернула ключи.

Оба продолжали работать.

В камеральной душно. Остап Петрович открыл третье окно, но это не помогло. И за окном не было прохлады.

Приклеенный черепок пришлось оторвать — он искривил тулово амфоры.

— Нет, сегодня у меня ничего не получается! — с досадой произнес Шелех. — И дышать нечем. Не к грозе ли? Пойду отдыхать.

Оставшись одна, Оксана развернула на сто-

ле план урочища Ста могил. Лампу, свисавшую на блоке, она опустила так низко, что чувствовала на лице теплоту раскаленных нитей.

С тех пор как у Сокол побывал капитан милиции, она мысленно нет-нет да возвращалась к происшествию в склепе.

«При чем здесь мой чертеж некрополя? Какое он может иметь отношение ко всей этой истории?» — невольно думала Оксана. И как-то само собой сегодня родилось желание заглянуть в знакомый чертеж, тем более что вернувшийся из Москвы Сергей Иванович действительно поручил ей сделать копии...

Уже был поздний вечер, когда Оксана с рулоном под мышкой пришла к себе домой.

Ее маленькая комнатка имела походный, но уютный вид. Столик, два стула, этажерка, на верхней полке — фотографии Романа. Узкая железная койка застлана пикейным одеялом. На стенке висели укрытые простыней платья на плечиках. В углу топорщился серо-зеленый брезентовый плащ, и под ним блестели резиновые сапоги.

Оксана так была занята своими мыслями, что даже позабыла сменить воду в стеклянной банке, где стояли полевые цветы. Обычно она это делала, как только возвращалась с работы.

Сейчас, едва переступив порог и переодевшись, она склонилась над принесенным чертежом. Два его верхних угла она закрепила книгой и небольшим камнем, на два нижних оперлась руками. Чем дольше Сокол всматривалась в чертеж, тем большее смятение овладевало ею.

Достав из походной сумки лупу, Оксана снова рассматривала надпись на плане. Она медленно водила стеклом, и от буквы к букве передвигалось светлое пятнышко. Отложив лупу, Оксана зашагала по комнате. Четыре шага вперед, четыре назад. Сокол снова подошла к столу и, взяв лист ватмана, рассматривала чертеж на свет электрической лампы. Потом, усталая, легла на койку, заложив руки за голову.

Перед ней, сменяя друг друга, возникали картины недавних событий — случай в склепе, незнакомое лицо убитого, приезд капитана, фотокопия чертежа, которую он ей показал...

На лице Оксаны отразилось мучительное раздумье. Она пыталась восстановить в памяти, как все было с самого начала.

Откапывают убитого... Ведрами носят по дромосу глину... Наверху уже вырос небольшой холмик... И вдруг Оксана вздрогнула.словно поднявшись с самого дна памяти, всплыло лицо Шелеха. Остап Петрович несет ведро. Из глины торчит кусок толстой палки, он царапает ему руку. И у выхода из склепа Шелех отбрасывает его в сторону.

От всего передуманного в этот вечер у Оксаны разболелась голова. Она растирала виски в надежде отогнать боль. Но ни боль, ни беспокойные мысли не уходили.

Оксана повернулась, пытаясь уснуть. Ее взгляд остановился на фотокопии декрета Пилура, которая висит у нее на стене. На уровне глаз Оксаны оказалась высеченная на камне длинная строка: «Я буду служить народу и

никогда не утаю ничего, что может угрожать его благоденствию».

Успнуть Оксане не удалось. За окном сверкнула молния, и тотчас раздался сильный раскат грома. В комнату ворвался ветер. Чертеж упал на пол и свернулся в трубку. Оксана быстро вскочила и выглянула в окно. В один момент набежала штормовая непогода. Стояла такая темень, будто черное небо слилось с морем. Только далекий прожектор чертил свой огненный круг по закипающей воде.

Оксана закрыла окно, дождь уже бил в стекла. Она бросила чертеж на постель, быстро надела резиновые сапоги, брезентовый плащ, подняла капюшон и, выбегая из комнаты, повернула выключатель.

На какие-то мгновения весь Эос заливался ослепительным светом. И тотчас снова погружался во тьму, будто хлещущий ливень гасил молнии одну за другой.

Окно в доме хранителя заповедника светилось. Оксана только собралась постучать в дверь, как Шелех в брезентовом плаще и с лопатой в руках появился на пороге.

— Нужно спасти мозанку, — озабоченно проговорил он. — Я побегу к Сергею Ивановичу.

— Нет, нет, — остановила Шелеха Оксана. — Куда ему в такой ливень! Сами управимся.

Спотыкаясь и скользя в своих резиновых сапогах, которые от налипшей грязи сразу стали пятипудовыми, Оксана и Шелех пробрались на участок. Теперь молнии сверкали почти непрерывно, сливаясь в сплошной ура-

ган огня. При их свете стали видны люди, работавшие в котловане. Двое стояли по грудь в раскопе, а третий — это был Лаврентьев — сверху что-то показывал им рукой. Толем и фанерными щитами накрывали мозаику. Шелех и Оксана присоединились к работающим.

— Щиты получше присыпьте землей, чтобы ветром не сорвало! — кричал сверху Лаврентьев...

Наконец дождь стих. Помогая друг другу, археологи выбрались из раскопа. Первой появилась Оксана. Лаврентьев, заботливо подавая ей руку, заметил с упреком:

— Мы бы сами управились... Еще простудитесь, что я тогда Роману скажу!.. Вам совсем не пужно было бежать сюда.

— А вам?

— Я все-таки начальник экспедиции.

— Но ведь мозаика на моем участке! — парировала Сокол.

Лаврентьев промолчал, думая про себя, что он бы удивился, поступи Оксана иначе.

— Завтра копать не будем... Пусть раскопы просохнут, — сказал Лаврентьев прощаясь.

Кусок палки

Дождь, который снова пошел под утро, только что кончился. По Эосу с шумом неслись к морю бурные потоки.

Обходя лужи, Оксана прошла из заповедника в Терновку. На ней светлый летний костюм и синяя шелковая косынка. В руке она держала продолговатый холщовый саквояж. Очевидно, Сокол собралась в дорогу.

Еще издали она услышала шум работающего мотора. Машина Тургиных с открытым капотом стояла у их дачи. Тургин вытирал руки паклей — видимо, он что-то исправлял.

— Павел Александрович, здравствуйте! Вы не в город собрались? — спросила Оксана.

— В город.

— Можно с вами?

— Пожалуйста, Оксана Васильевна... Вам куда?

— Из-за дождя выходной. Надо хозяйством заняться.

— Прощу вас. — Тургин распахнул дверцу.

В это время из окна высунулась повязанная широкой лентой курчавая головка Ляли. Увидев Оксану рядом с отцом, Ляля затараторила:

— Оксана, я вашему Роману напишу. Пока он там, бедный, копает...

Оксана приветливо замахала рукой.

Почти всю дорогу ехали молча. Лишь иногда Павел Александрович поглядывал на сосредоточенное лицо молодой женщины. Знал бы Тургин, как мысли Оксаны близки к тому, о чем он неотрывно думает вот уже несколько дней!..

Оксана попросила высадить ее у рынка. Она сразу затерялась в шумной толпе. Но едва машина Тургина скрылась из виду, Сокол изменила свой маршрут и направилась на тихую южноромскую улицу.

В тупике, рядом с большим ведомственным зданием, примостился белый одноэтажный домик. Оксана поднялась по ступенькам и открыла дверь, на которой висела стеклянная табличка: «Бюро пропусков».

За окошком сидел человек в милицейской форме. Сокол подала свой паспорт.

— Мне срочно нужен капитан Сердюк из уголовного розыска.

— Вам придется немного подождать, я разыщу его, — ответил дежурный и показал Сокол на скамейку у стены.

...Человек, которого разыскивала Оксана, в это время находился кварталах в пяти от нее, в одной из небольших двухкомнатных квартир ничем не примечательного жилого дома. Он протянул только что вошедшему Павлу Александровичу засургученный конверт:

— Товарищ полковник, для вас пакет из Комитета.

Троян сел за круглый столик, стоявший возле дивана, и распечатал пакет. Пока Павел Александрович читал письмо, Анохин собрал со стола кусочки сургуча.

Прошло несколько минут, и Троян, отдав майору письмо, сказал:

— Известный вам Курт Регль, бывший комендант Южноморска, оказывается, сын знаменитого археолога Регля. Перед войной он работал у Риббентропа. В сороковом году, когда Лаврентьев находился в научной командировке в Берлине, этот Курт Регль в качестве чиновника министерства иностранных дел сопровождал академика.

— Одно к одному, — заметил Анохин. — В сороковом году Лаврентьев общается с сыном Регля, в тринадцатом вместе с его отцом признает фальшивую корону подлинной, получает за это кругленькую сумму...

— А вы не допускаете, что в деле с коро-

ной ученый мог просто ошибиться? — перебил майора Троян. — Еще не было в мире человека, никогда не ошибавшегося. Мы с вами разве не ошибались?

Анохин улыбнулся:

— Английский клуб... перстень... двадцать третий номер, — полупрошептом произнес майор, придав своему голосу таинственность.

— Я не об этом, — поморщился полковник. — Разве то была ошибка? Просто издержки производства...

— Конечно, — согласился майор, — нужно было проверить.

— Иная наша ошибка может стоить жизни человеку. Один мой старый друг говорил: чекист не имеет права ошибаться, как лишен этого права хирург.

— Поэтому, Павел Александрович, я и считаю, что нужно затребовать оригиналы плана урочища Ста могил. — В голосе Анохина прозвучали нотки официальности.

— Для чего? — спокойно спросил Троян. — Вызвать разговоры в экспедиции? Ведь происшествие в склепе воспринято как несчастный случай. Он уже почти забыт. А если тут действует чья-то рука, мы только спугнем...

— Можно посмотреть оригинал в заповеднике или затребовать его через сельхозотдел, отдел культуры, архитектурное управление, — настаивал на своем Анохин.

— Зачем? Не вижу необходимости. Вы показали Сокол фотографию, найденную на убитом? Она подтвердила, что это копия с ее чертежа. Ляля... то-есть, простите, лейтенант Захарова, сделала фото с портрета Сокол. Мы с

вами сличали. Оба фоточертежа несомненно с одного оригинала.

— Но оригинал-то побывал с Лаврентьевым далеко.

— Ну и что же? Тот, кого интересовал план, легко мог сфотографировать его в Риме во время доклада Лаврентьева.

— Павел Александрович, а не пора ли нам поговорить с Лаврентьевым?

— Журналист Тургин разговаривает с Лаврентьевым почти каждый день, и, ей-богу, я уверен, что полковнику Трояну с академиком разговаривать не придется.

— Очень хочу, чтобы это было именно так, но факты... К сожалению, слова и иллюзии гибнут, а факты остаются.

— Это я тоже читал, — отмахнулся полковник. — Но ведь нельзя быть в плену у фактов, как порой нужно изменить правилу, чтоб не сделать ошибки...

Полковник не договорил. На стене зазвонил телефон. Анохин снял трубку.

— Слушаю. Кто хочет видеть? — переспросил он, бросив быстрый взгляд на Трояна. — Сокол Оксана Васильевна? Она спрашивала капитана милиции? Хорошо, я сейчас туда приду.

Анохин и Троян многозначительно посмотрели друг на друга.

— Я вас подожду, — сказал полковник.

...Анохин встретился с Оксаной Васильев-ной в уголовном розыске. Он сидел за канцелярским столом в небольшом кабинете с простыми стульями и диваном, покрытым унылым дерматином в серебристо-черных ромбиках.

— Вот уже несколько дней, — медленно говорила Сокол, — я не нахожу себе места. Вы тогда спрашивали о чертеже. Я потом взяла оригинал. Вот он. — Оксана поднялась со стула, чтоб развернуть на столе чертеж. — Мой чертеж — и в то же время... будто не тот.

— Что же вас, Оксана Васильевна, смущает?

— Бумага та же. И тушь... Чертеж правильный. И все-таки вроде не тот. У меня штрих на буквах всегда чуть потолще, и стрелки я делаю более угловато. — Сокол водила рукой по плану урочища Ста могил. — А тут смотрю, и... такое впечатление, не копия ли?

— Чертеж был готов к отъезду Лаврентьева. Вы ему в руки отдали?

— Нет, материалы для конгресса паковал Шелех, хранитель заповедника.

— Вас волнует только подлинность чертежа?

— Не только. На фотокопии, которую вы мне показывали, помечен склеп, где произошел обвал... Я вспомнила одну деталь. Когда мы откапывали труп, в склепе среди глины оказался кусок палки.

— Что же из этого следует? — удивился Анохин. — Может быть, то палка погибшего.

— Видите ли, она была не на уровне пола, около трупа, а в верхнем стерильном слое обвалившейся глины.

— Как же она там оказалась?

— Вот это меня и смущает. Естественным путем она туда никак не могла попасть.

— Значит, в склепе мог быть еще один человек, с палкой?

— Мог.

— Но в акте ничего не сказано о палке.

— Тогда этому куску палки не придали значения. Просто выбросили.

— Вы выбросили?

— Нет, Шелех.

Анохину принесли фотокопию плана урочища, которую он затребовал, начав беседу с Сокол. Положив снимок на разостланный ватман, майор попросил Оксану сделать сверку.

Прошло минут десять. Наконец Оксана подняла голову и, посмотрев Анохину прямо в глаза, сказала:

— Теперь я уверена. Разница едва уловима. Но это не мой чертеж.

Хранитель заповедника

В экспедиции Остапа Петровича недолюбливали, но уважали, зная о его мужественном поведении во время оккупации.

...Голова Шелеха была тогда оценена в пять тысяч марок. По городу, в заповеднике, в Терновке и других окрестных селах висели напечатанные на желтой афишной бумаге объявления коменданта Южноморска Курта фон Регля о сбежавшем из-под ареста хранителе эосского заповедника Остапе Шелехе...

Однако расскажем все по порядку.

Дней за десять до оккупации Южноморска с Остапом Петровичем приключилась беда. Он сломал ногу. Если бы не этот несчастный случай, — вероятно, самое ценное из богатств эосского заповедника было бы вывезено или, во всяком случае, вовремя надежно упрятано.

Узнав, что немецкие танки уже в Южноморске, Шелех ночью выбрался из своей комнаты и доковылял на костылях до музея. Обливаясь потом и скрежеща зубами от боли, он закопал на усадьбе три ящика древностей, составлявших гордость эосской коллекции. В ту же ночь залам музея был придан такой вид, будто ничья рука не коснулась экспозиций. Из кладовой были вытащены многие второстепенные вещи и водворены на место упрятанных.

Чтобы не вызвать подозрений, кое-что из уникалов Шелех оставил на месте, и в том числе знаменитую терракоту, изображавшую вооруженную мечом всадницу на морском коне с рыбьим хвостом.

Ночная операция дорого обошлась Шелеху — много дней после этого он был прикован к постели.

Когда Остап Петрович наконец впервые вышел из дому, он не узнал заповедника. На всем была печать запустения. Раскопы и дорожки заросли высоким бурьяном и колючим чертополохом. Борта котлованов осыпались, и многие кладки обвалились. В швах между камнями проросла густая трава. В ковшах проржавевших вагонеток стояла гнилая зеленая вода.

Одичало выглядели сразу помрачневшее здание музея и облупившиеся стены домов заповедника. Обнажившаяся желтоватая dranка торчала, будто выпирающие ребра.

Первое время оккупантам было не до Эоса. Музей стоял закрытым. Остап Петрович перебрался поближе к нему, в камеральную, перетащил сюда книги, поставил чугунку и коротал

свои дни. Каждую неделю он приходил в музейные залы, проверял, все ли в порядке, и сам вытирал пыль, осевшую на стекла витрин, на лак сосудов.

Поздней осенью устоявшуюся тишину Эоса нарушил резкий протяжный сигнал автомашины.

В музей вошел молодой лейтенант в огромной фуражке с непомерно высокой тульей и длинным козырьком. Весь его вид говорил, что именно он здесь олицетворяет величие третьего рейха. Офицер велел показать ему музей. Из всех экспонатов немца заинтересовало несколько пикантных женских статуэток. Две из них он бесцеремонно положил себе в карман, заранее предвкушая, какое впечатление они произведут на его друзей.

Шелех сделал вид, что ничего не заметил. Но когда лейтенант, уже собравшийся уходить, снял с подставки лучший в коллекции Эоса чернолаковый скифос, который отныне в походном хозяйстве полкового интенданта должен был заменить пластмассовую стопку для пинапса, Остап Петрович не выдержал. Он бросился вслед за немцем.

— Как вы смеете! — кричал он на всю усадьбу заповедника, пытаясь догнать лейтенанта, который даже не обернулся.

Наконец он настиг его и протянул руку, чтобы отобрать сосуд. Немец рассматривал его, ловя на лаковой поверхности солнечных зайчиков. Лейтенант пнул Шелеха ногой, но тот не отступал. Тогда взбешенный интендант швырнул скифос, и сосуд разлетелся вдребезги.

Потрясенный Шелех присел, чтобы собрать осколки, и вдруг увидел, как под охраной автоматчиков человек двадцать крестьян лопатами, ломami, кирками разбирают остатки каменного дома древнего эосца. Рядом стояли две машины с открытыми бортами.

Остап Петрович подбежал к работающим:
— Что вы делаете!.. Не смейте!..

Шелех бросился к кладке, как бы прикрывая ее собой. Растерявшиеся терновцы расступились. Они видели сцену, только что разыгравшуюся возле музея, и сочувственно глядели на Остапа Петровича. Работа прервалась. Лейтенант сделал небрежный жест рукой, и автоматчики отбросили Шелеха в сторону. Он упал, поднялся и снова подбежал к лейтенанту:

— Вы не смее! Я буду жаловаться!

Лейтенант расхохотался Шелеху в лицо.

Когда груженные каменными квадрами тяжелые грузовики и «пикап» с лейтенантом и автоматчиками отъехали, совершенно подавленный Шелех опустился на камень. Рядом, опираясь на лопаты, кирки, стояли крестьяне.

— Придет время!.. — сквозь зубы сказал Остап Петрович, грозя кулаком в сторону удалявшихся машин.

К Шелеху подошел пожилой бородач в свитке и положил ему руку на плечо:

— Остап Петрович, простынешь, пойдем...

Военные грузовики еще не раз появлялись в заповеднике. Фашистские саперы возводили укрепления вокруг Южноморска, и древние камни Эоса показались им лучшим строительным материалом. Шелех, как мог, пытался по-

мешать этому. Терновские старики, видя, как он убивается из-за разрушения древних памятников, советовали ему не рисковать жизнью.

— Через тот камень голову положишь, — предупреждали они.

Шелех обращался к коменданту Южноморска. Обычно, кроме нескольких военных, в приемной коменданта сидели гражданские люди. По их лицам было видно: у каждого свое горе. Адъютант разговаривал с Шелехом грубо, но вполголоса:

— Подумаешь... Снова разрушили... У господина коменданта есть дела поважнее, чем ваши камни да древние могилы... Ступайте.

— Никуда я не пойду... Доложите коменданту, — требовал Шелех.

Дверь открывалась, и на пороге появлялся сам фон Регль.

— Лейтенант, что за шум? — Окидывая Шелеха холодным, пренебрежительным взглядом, он цедил: — У вас опять жалоба? — и велел следовать за собой.

Через незакрытую дверь было слышно, как уничтожающим тоном он спрашивал Шелеха:

— Ну, говорите, в чем там дело...

Хоть жалобы и не помогали, но Шелех неоднократно ходил к коменданту, и знакомые удивлялись его смелости и настойчивости.

Одиноким, будто всеми забытый, отшельником жил он в лаборатории заповедника.

Обросший, в телогрейке, из которой торчали клочья серой ваты, поздним осенним вечером сорок второго года Шелех сидел у круглой печки и грел озябшие руки. Ветер то и дело выдувал из чугунки клубы дыма. Ка-

ральная пропахла сажей. Трубы шли через всю комнату. Окно лаборатории было разбито и заложено подушкой. Остатки стекла назойливо дребезжали под ветром. Теперь странно было видеть в этой комнате кучи черепков, лежавших на полках, и запыленные чертежи на почерневших стенах.

Услыхав стук в дверь, Шелех встрепенулся. В комнату вошел бородач в свитке — терновский крестьянин, с которым Шелех сошелся после первой стычки с немецким лейтенантом.

— Остап Петрович, тут до тебя один человек пришел.

— Кто таков?

— От лесных людей.

— Ты его знаешь?

— Как самого себя.

И вот они сидят втроем — Остап Петрович, старик — бывший терновский бригадир и незнакомый Шелеху человек лет пятидесяти, чуть сутуловатый, с сединой. На нем полупальто из грубого сукна и сапоги.

Незаметно и тихо, оберегая остатки Эоса, жил хранитель заповедника. Но доброе людское слово о нем пришло и в лес.

— Наши хлопцы придумали, — говорил человек в полупальто: — а что если оружие спрятать где-нибудь в урочище Ста могил? Везти из Южноморска недалеко и хранить надежно.

— Много его будет?

— Ящиков пятнадцать.

Шелех задумался.

— Найдем место. В склепе замуруем.

Воина в эосском некрополе обычно погребали вместе с его оружием. С некоторых пор в одном из склепов, по соседству с захороненными железными мечами и стрелами с бронзовыми наконечниками, стали появляться ящики с автоматами, пистолетами, гранатами.

В течение нескольких месяцев древний некрополь служил надежным складом оружия.

Бедя нагрянула темной осенней ночью. Из лесу приехали за оружием и наткнулись на засаду. В ту же ночь эсэсовцы забрали Шелеха прямо с его железной кровати в камеральной.

«Повесят Остапа Петровича», — сокрушались в Терновке.

Кто знает, что бы случилось, если б Шелеху не удалось бежать. Напечатанные на желтой бумаге афишки Регля обрадовали не только терновцев...

В заповедник Остап Петрович вернулся уже с партизанами. В их отряде он пробыл несколько месяцев.

Музей был разграблен отступавшими гитлеровцами. Но когда полк Советской Армии входил в Терновку, над Эосом уже развевался красный флаг и сделанная рукой Шелеха надпись на воротах заповедника гласила, что эта территория находится под особой охраной как древний памятник.

Академик Лаврентьев очень растрогался, читая письмо о том, как героически вел себя хранитель заповедника Шелех, спасший многое из эосских коллекций...

ОРДЕР НА АРЕСТ

Ученик Дзержинского

Сравнительно не старый человек, полковник Троян был из старой чекистской гвардии, прошедшей школу Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Зимой 1918 года с этажа на этаж большого дома Всероссийской ЧК носился паренек в потертом матросском бушлате чуть ли не до пят и прохудившихся сапогах.

Сын погибшего в бою красногвардейца, хлопец с мягким украинским говором, он полюбился черноморскому матросу, ставшему комендантом ЧК.

Посыльный коменданта однажды едва не сбил с ног высокого, худощавого человека в зеленой гимнастерке и шинели, наброшенной на плечи.

Человек в шинели улыбнулся: паренек с почтовой сумкой летел по коридору так, словно от его расторопности по крайней мере зависели судьбы революции.

Рассыльный остановился и замер, не в силах вымолвить слова.

— Чего молчишь? Давай знакомиться... Дзержинский.

— Троян, — сказал хлопец, стараясь изо всех сил пожать протянутую ему руку.

— Сын римского императора?

Рассыльный зарделся от этой шутки.

— Мой батько был печатник.

— Значит, ты грамотный?

Паренек кивнул головой:

— Читаю хорошо и писать могу.

Эта встреча с председателем ЧК многое определила в судьбе бывшего типографского подмастерья.

Как-то ночью, вручив Дзержинскому толстый пакет, он замешкался у стола, не отрывая взгляда от бледного, заострившегося лица, склоненного над бумагами. Ему хотелось продлить минуты пребывания в этой комнате.

Дзержинский поднял на него глубоко запавшие глаза...

Феликс Эдмундович подумал о пареньке, стоявшем перед ним, о тысячах таких, как он. Сколько ненависти вокруг. Сколько людей брошено друг на друга. Сколько нищеты и сирот. Но ведь победят правда, любовь. И для этого он сидит здесь... Теперь его усталые глаза были совсем другие — лучистые, ласковые. Ему вдруг вспомнилась фраза из письма, когда-то полученного в тюрьме... Асек Дзержинский... Родные писали, как произносит свое имя Ясек, которого он тогда еще и в глаза не видел...

Троян осторожно направился к двери. Феликс Эдмундович вернул его с полдороги.

— Садись... Много сегодня бегал? Ну, рассказывай.

— Феликс Эдмундович, — вдруг выпалил паренек, — возьмите меня в чекисты!

— А ты кто, не чекист?

— Посыльный...

— Знаешь, хлопец, в таком пакете, — Дзержинский взял со стола уже раскрытый конверт, — тысячи жизней...

— Товарищ Дзержинский, дайте мне задание... Я смогу, — упрямо твердил паренек, — я выполняю...

Дзержинский улыбнулся.

— Значит, сможешь? Выполнишь?.. Ты не гляди, — сказал он, — что сегодня среди нас еще не все грамотные. Времени мало... А врагов много... Так вот тебе задание: учись... Чекисту пужно много знать.

С этими словами Дзержинский подошел к шкафу, стал рыться на полке.

— Книги читаешь? — вдруг спросил он.

— Теперь только газеты.

— Возьми, — сказал председатель ВЧК и протянул Трояну книгу в картонной обложке, на которой было написано: «Максим Горький. В людях»...

Эту книгу полковник Троян хранит по сей день. И каждый раз, когда он, человек совсем не сентиментальный, берет ее в руки, невольно вспоминается ему собственная школа жизни. Рабфак осенью 1919 года... Вечерний юридический факультет... Курсы иностранных языков... И тридцать пять лет непрерывной чекистской работы.

За эти годы Трояну много раз доводилось слышать символические слова — «меч революции». Для Трояна это не просто крылатая фраза. Он отлично знал, как нужен этот меч, когда дело идет об истинных врагах...

Ученик Дзержинского, которому Феликс Эдмундович доверял серьезную оперативную работу и кого сам рекомендовал в партию, талантливый разведчик Троян с некоторых пор выполнял третьестепенные задания.

Его первый доклад высокому начальнику — человеку в пенсне, с быстрым взглядом больших выпуклых темных глаз — был его последним докладом. Подполковник Троян, сообщая о результатах проверки одного дела, позволил себе высмеять шпиономанию некоторых незадачливых работников, готовых видеть вражеский умысел даже в какой-нибудь мелкой ошибке человека.

Потребовалось много лет и много событий, чтоб стало ясно, в чем тут дело...

В последние годы полковнику Трояну предлагали высокие посты. Он отказывался от них, потому что его увлекала живая, оперативная работа разведчика.

Когда донесение из Южноморска легло на стол генерала из Комитета государственной безопасности, вопрос о том, кому поручить это дело, решили сразу...

После четырех недель, в течение которых полковник Троян занимался эосским делом, многое прояснилось, хоть ни один из узлов до конца еще не был распутан.

У майора Анохина был свой взгляд на это дело. Поначалу он даже уверовал в виновность Лаврентьева. Теперь он, хоть и колебался, но все еще не мог оторваться от фактов, говорящих против академика. А в сложном деле всегда важно, опираясь на факты, уметь подняться над ними. Тогда лучше видишь их связь и диалектику. Точно так, когда стоишь близко перед большим полотном, сразу схватываешь лишь отдельные детали, видишь их хоть и крупным планом, но раздельно. Чтоб охватить всю картину в целом,

нужно отойти на несколько шагов, и все детали сразу займут свое место в общей композиции.

Анохин рассматривал эосское дело узко, как сумму фактов за или против академика Лаврентьева. Все его мысли вращались вокруг Южноморска, Эоса и Лаврентьева.

Троян, размышляя о том же, видел это дело, как звено в большой цепи явлений, происходящих во всем мире. Да, во всем мире. Он рассматривал его на широком фоне событий и, подобно тому как капля может отразить небо, видел в этом деле отражение острой борьбы сил, наполняющей каждый нынешний день нашей жизни.

Тут, конечно, сказывался и размах Трояна, и масштабность его мышления, и большой чекистский опыт. Кроме того, у Трояна было то преимущество, что он видел дело не только в свете документов и фактов, но имел возможность непосредственно общаться с членами эосской экспедиции, с самим Лаврентьевым, чей внутренний мир перед ним предстával все полней и полней.

Майор был энергичен, точен, исполнительен, и эти его качества полковник сразу оценил. Но для Анохина, разведчика сравнительно еще молодого, это было первое крупное дело.

Иногда Троян сердился на майора за его упрямство. Но сам себя останавливал, вспоминая, как терпеливо учил его Дзержинский и каким он сам был пленцом, когда впервые присутствовал на активе чекистов, где Феликс Эдмундович разбирал операцию по раскрытию контрреволюционного заговора...

— Значит, вы, майор, склоняетесь к тому, что скоро нужен будет ордер на арест академика Лаврентьева? — спросил Троян через несколько дней после прихода Оксаны в угрозыск. На этот раз они встретились в кабинете Анохина.

— Нет, Павел Александрович, я предлагаю вызвать Лаврентьева.

— Какие же у вас, майор, соображения?

— Запутанную историю с короной и распиской мы разобрали по косточкам. Корона фальшивая. Но почему же у агента, который явился за гестаповской картотекой, оказалась подлинная расписка Лаврентьева? Не за новые ли услуги академику возвращают свидетельство того, что он получил пять тысяч марок, признав подделку подлинником?

— Я повторяю: ученый, как и всякий смертный, может ошибаться.

— Но ведь новые услуги, несомненно, были. Агент явился за картотекой, имея фотокопию плана могильника. А с оригиналом ехал за границу сам Лаврентьев...

— Кстати, паковал его Шелех, — вставил полковник.

— Но вернулся к нам почему-то не этот чертеж, а другой, кем-то скопированный, — продолжал майор.

— Чертеж могли подменить.

— Товарищ полковник, а вы не допускаете, что на том чертеже могло быть что-то записано?

— Допускаю... Но согласитесь, все это пока еще не доказательства, а цепь подозрений. Могу ее усилить. С тех пор как Куцый показал,

что он ждет человека с белой бабочкой, мы все время ищем эту бабочку. Вот она. — Троян достал из своей кожаной папки фотокопию газетной полосы. — В архиве сохранился комплект белогвардейской газеты 1918 года.

— «Человек с белой бабочкой продан красным», — вслух прочитал Анохин название статьи.

— Обратите внимание — красным. Это о Лаврентьеве. Оказывается, профессор закалывает в галстук булавку с белой костяной бабочкой — память о первой раскопке.

— Позвольте, товарищ полковник, у нас есть последнее тассовское фото — Лаврентьев на конгрессе в Риме. — Анохин вынул из ящика стола фотографию, взял лупу и спустя минуту сказал: — Очевидно, пятно на галстуке и есть эта бабочка.

— И тем не менее я продолжаю верить, что Лаврентьев к этому делу не причастен.

Троян сел поглубже в кресло, откинулся на спинку и, долгим взглядом посмотрев на Анохина, продолжал:

— Товарищ майор, а у вас не возникла мысль о провокации? Тем более, если мы установим, что в склепе произошло убийство, а не несчастный случай.

— Тогда эпизод с палкой, которую выбросил Шелех, может оказаться решающим для следствия.

Троян кивнул головой:

— Чем больше я занимаюсь этим делом, тем больше начинаю подозревать — не очень ли старается кто-то убедить нас, что Лаврентьев враг?

Полковник встал, подошел к окну. Его взгляд остановился на газетном киоске.

— Вы представляете себе, какой резонанс имела бы дискредитация Лаврентьева? Как бы заплясали желтые и черные газетки! — Троян помахал поднятой рукой и, подражая голосу уличных газетчиков, произнес: — «Новые аресты в Москве!», «ГПУ схватило академика Лаврентьева!» На все это нам наплевать. Даже для врага не эта шумиха самое главное. Мина, подложенная под честное советское сердце, им теперь, пожалуй, не менее важна, чем взорванный завод или линкор... Лаврентьев — очень большая величина, мирового значения. И вдруг... Вы понимаете, майор, они ведь спят и видят, как бы это у нас посеять недоверие к людям. В атмосфере всеобщей подозрительности поймать настоящего врага в сто раз труднее.

Полковник отошел от окна и снова сел в кресло.

— Сколько вам, Анохин, было лет в тридцать седьмом году? — вдруг спросил Троян. — Шестнадцать?

— Семнадцать, — будто извиняясь, ответил майор.

— А я тридцать седьмой хорошо помню...

— Павел Александрович, неужели у вас сложилось такое мнение, будто за каждым промахом я вижу руку вредителя и готов хватать людей по малейшему подозрению и даже без него?

— Зачем вы так утрируете, Федор Ильич! — с обидой произнес Троян. — Я о другом вам толкую. У чекистов большие заслуги в за-

щите Родины от врагов. Мы гордимся своим старым званием. Сам народ назвал нас мечом революции. Но разве мы с вами, майор Анохин, имеем право забывать, что враги, носившие нашу с вами форму и погоны повыше, чем у нас, кое в чем преуспели, пытаюсь запачкать доброе чекистское имя. Эти годы нас многому научили. И в том числе настоящей бдительности. — Полковник поднялся и решительно сказал: — Нет, майор, никаких вызовов академика Лаврентьева. Через несколько дней у нас будут точные данные, что последнее время делал в секретной службе Курт Регль, а мы пока будем продолжать заниматься Шелехом.

— Личное дело Шелеха выглядит безупречно, — проговорил Анохин.

— Анкета — это еще не человек.

— Но у этого человека отличная биография... Сын бедняков. С восьмого года учился во Львовс. В революцию бежал к нам. Тридцать лет в заповеднике. В войну партизанил, спас музей... Бежал из-под ареста во время оккупации. Всё точка в точку.

— Одна точка мне кажется заковыкой. Есть старый запрос Академии, — заметил Троян. — У Шелеха не было оригинала диплома.

— Ведь он бежал в 1918 году. Тогда ему было не до диплома.

— Это, конечно, мелочь, — согласился полковник. — Хотя иногда самое сложное начинается с самого простого.... Ну что ж, моя «дочь» получит приглашение от подруги из Ялты...

— И поедет во Львов?

— Да, там должны быть какие-то следы Шелеха, — подтвердил Троян.

...Следующее утро застало полковника Трояна в Южноморском музее, в зале, у входа в который висит табличка: «Южноморск в дни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Павел Александрович остановился перед большим стендом. В углу его, за стеклом, выставлено объявление с портретом Шелеха в центре. На желтой афишной бумаге черными буквами набрано: «Пять тысяч марок тому, кто обнаружит бежавшего двенадцатого ноября сего года из-под ареста врага нового порядка Остапа Шелеха».

Направляясь к выходу через анфиладу музейных залов, Троян повторял про себя:

— Двенадцатого ноября...

— Товарищ полковник, все дела южноморской комендатуры за ноябрь сорок третьего года просмотрены, — докладывал Анохин через несколько дней Трояну.

— И никаких подробностей побега?

— Ничего.

— А то, что я просил, разыскали?

— Есть корешки путевок шоферам немецкой комендатуры. Несколько нарядов на утро и полдень двенадцатого ноября.

— Это не то. Ведь, по рассказам Шелеха, его везли на расстрел вечером.

— Вечером из гаража уходила только одна машина.

— Какая?

— «Пикап».

— Известна фамилия шофера? — Троян с надеждой посмотрел на Анохина.

— Гофман.

— Гофман? — переспросил Троян. — Если память мне не изменяет, — сказал он минуту спустя, — какой-то Гофман значится в личном составе комендатуры Регля.

— Вряд ли гауптман Гофман служил шофером... Но был еще один Гофман. Он упоминается в приказе о резервистах, прикомандированных к южноморской комендатуре... «Роберт Гофман... Место рождения — Берлин... 1893 год... Гражданская специальность — шофер». Может быть, это тот, кто нам нужен?

— Допустим, — согласился Троян. — Но жив ли он?

— Даже по теории вероятности есть по крайней мере десять шансов из ста...

— Если этот Гофман — гражданин ГДР и честный человек... А впрочем, я думаю, наши немецкие друзья сами решат, как нам помочь.

Сегодня у нас гости...

У них не требовали отпечатков пальцев. И не брали никаких подписок.

За ними не ездили и не слонялись молодцеватые парни в широких пиджаках и низко надвинутых шляпах, вид которых ясно говорит, для чего они тенью следуют за гостем.

К ним не подсылали провокаторов, чтоб предложить кучу денег за измену родине.

Репортеры не задавали им глупых и каверзных вопросов, не вызывали на инциденты и не печатали о них скандальной хроники.

Они ездили и ходили всюду, где хотели, и смотрели все, что хотели.

И тот, кто честен, видел то, что есть, и не видел того, чего нет.

Летом 1955 года толпы туристов бродили по улицам советских городов.

— Я объездил всю вашу страну в поисках железного занавеса и нашел... противопожарный занавес из железа на сцене южноморского оперного театра, — шутил профессор права из Сан-Франциско.

Приезжавшие в Южноморск зарубежные гости старались обязательно посмотреть раскопки древнего Эоса...

Сегодня экспедиция Лаврентьева принимает гостей из Германской Демократической Республики.

Показав гостям древний город, археологи пригласили их к столу. Он накрыт под тентом, недалеко от кургана, на котором уже спущен флаг. Стоят небольшие амфоры с вином, блюда с закусками, гидрии с холодным медком, который в Терновке умеют делать как нигде в округе. На белой скатерти еще резче выделяется иссиня-черная блестящая лакировка киликов, канфаров и скифосов, заменивших бокалы, чашки и стаканы.

После первых тостов поднялся немолодой худощавый немец в светлом пиджаке и квадратных роговых очках, сидевший рядом с Сергеем Ивановичем.

— Геноссе Лаврентьев, дорогие друзья! За этим необычным столом, — немец взглянул на канфар, который он держал в руке, — были сказаны добрые слова в адрес моего народа,

нашей Демократической Республики. Спасибо за них. Мы, немцы, глубоко уважаем нашего любезного хозяина профессора Лаврентьева. Хочу присоединиться к замечательным словам, которые геноссе Лаврентьев недавно произнес на конгрессе мира: «Пусть на нашей планете никогда больше не будет руин, кроме тех, — гость сделал жест в сторону раскопок, — которые открывают археологи — люди самой мирной профессии». Разрешите, геноссе, из этого древнего бокала выпить за человека, за мир, за цивилизацию, которую человечество рождало в тяжких муках не для того, чтобы еще в более страшных муках похоронить ее плоды.

Все заплодировали. Оратор обменялся с Лаврентьевым долгим рукопожатием. Обед продолжался в шумной и непринужденной обстановке...

К Лаврентьеву подошел его шофер и что-то сказал. Сергей Иванович какую-то секунду подумал и тотчас глазами показал на Тургина.

— Павел Александрович, — шофер склонился к уху Тургина, — выручайте. Тут неувязка с машиной получилась. Одну из тех, что гостей привезли, отпустили, а у меня, как назло, мотор отказал.

— Ладно, Фомич, не волнуйся, на своей поведу.

— Вы уж тут малость не допейте, — шутил шофер, — на шоссе вреднящий автоинспектор, не посмотрит, что гостей везете.

Но Тургину было не до шуток. Его внимание привлек другой разговор. Всматриваясь в лицо Шелеха, его сосед-немец неуверенно произнес:

— Геноссе, смотрю на вас, и мне кажется — знакомое лицо.

— К сожалению, я еще в Германии не был.

— А я, к сожалению, в России уже бывал... В войну вам тут не приходилось жить?

— В войну всякое бывало, — уклончиво ответил Шелех.

— А в Южноморске жили?

Шелех как бы не расслышал. Прошла секунда-другая, и, выбрав момент, он поднялся и, теребя бородку, произнес свой тост:

— Говорят, археологи народ неразговорчивый. Разрешите мне быть совсем кратким. *Non multa, sed multum...* Немного, но многое. Друзья, за нашу дружбу!

И Шелех заплодировал вместе со всеми.

Ни одного слова из этого разговора не пропустил Тургин, который, казалось, теперь был целиком поглощен беседой со своим соседом — машинистом из Дрезденского депо.

Обед кончился засветло. У ворот заповедника, над которыми висело полотнище с надписью на русском и немецком языках: «Добро пожаловать», уже ждало несколько «Побед».

Хозяева прощались с гостями. Последние рукопожатия, обмен адресами. Лаврентьев что-то записывал в блокнот. Тургин разговаривал с немцем, который был соседом Шелеха, и тоже записывал в книжку адрес своего нового знакомого: «Роберт Гофман. Берлин. Улица Розы Люксембург». Когда стали рассаживаться по машинам, он пригласил своего собеседника сесть рядом с собой.

Еще две-три минуты, и колонна отправилась в путь.

Тургин вел машину молча, сосредоточив все внимание на дороге. Молчал и сидящий рядом немец. Он пристально смотрел в боковое стекло.

Когда вдали показался лес, Тургин нарушил молчание:

— Вы так смотрите, словно узнаете знакомые места.

— Да, знакомый лес.

— Это не тот лес, что был на пути из Южноморска, — заметил Тургин, — мы ведь едем по другой дороге.

— Я вижу.

Неожиданно откуда-то слева, почти перед самым радиатором, ухарски въехал на шоссе паренек на велосипеде. Павел Александрович резко направил машину в объезд велосипедиста. Одновременно с Тургиным его сосед инстинктивно сделал движение, как бы желая взяться за руль. Это не ускользнуло от Тургина.

— Вы водите машину?

Немец улыбнулся:

— Геноссе, я тридцать лет вожу машину.

Стала видна лесная опушка. Теперь немец глядел в окно с каким-то напряжением. Машина поравнялась с огромным раскидистым дубом.

— Красив старик. Он, конечно, старше нас с вами. — Тургин показал на дерево.

— А я его видел и без листьев...

— Вы здесь не впервые?

Немец вздохнул:

— Когда служил в гараже южноморской комендатуры, не думал, что приеду сюда почет-

ным гостем... Не хочется вспоминать те страшные годы...

Спутники снова замолчали.

На протяжении многих километров шоссе шло через густой лес и казалось широкой бесконечной асфальтированной просекой.

— Мне этот лес хорошо запомнился, — вдруг задумчиво произнес немец.

— Почему же? — поинтересовался Тургин.

— *Das ist eine alte Geschichte...*¹ Вез я однажды из Южноморска арестованного русского. Машина открытая, по бокам два автоматчика. Они еще ругались, чтобы потише ехать: дорога тогда была плохая. И вот, как поравнялись с тем деревом, арестованный соскочил — и бежать. Возле дуба споткнулся, поднялся — и в лес. А наши автоматчики даже машину не остановили. Постреляли по сторонам — и всё...

— А что это был за человек?

— Не знаю. Только сегодня мне вдруг показалось, будто вижу похожего на него. Конечно, обознался.

— А у вас память завидная.

— Как же было не запомнить, если это случилось в день моей серебряной свадьбы. Только собрался было жене написать, а тут звонят из комендатуры — машину требуют.

— Я уверен, золотую свадьбу вы лучше отметите. Когда смогу вас поздравить?

— Двенадцатого ноября 1968 года...

Когда Тургин на обратном пути проезжал мимо Южноморского музея, он невольно чуть

---

¹ Это старая история.

притормозил. Был уже поздний вечер, и снятые с курганов каменные бабы стояли у музейных стен и на дорожках, будто застывшие сторожа.

Житие Якова Стасюка

Среди двух миллиардов людей, населявших землю в бурные двадцатые годы двадцатого века, затерялся где-то на планете человек по имени Яков Стасюк.

Восьми лет его, круглого сироту, отдали в монастырь, и в Добромиле среди монахов-василиан появился новый послушник.

Если бы не случай, тщедушный послушник с лицом цвета восковой свечи, которую он держал во время богослужения, скоротал бы, вероятно, всю свою жизнь за стенами монастыря. Но как-то раз в Добромиле пожаловал сам митрополит Андрей.

Хитрый дипломат, который, надев рясу, из кавалерийского офицера и светского льва венских салонов превратился в князя униатской церкви, любил слыть филантропом.

Серые пристальные глаза шестидесятилетнего митрополита остановились на усталом, печальном, не по-детски серьезном лице маленького послушника, прислуживавшего игумену. Когда кончилась служба, судьба послушника, на которого пал взор пастыря всех униатов, была определена.

Испуганный, стоял он перед митрополитом, окруженным многочисленным клиром в парчовых ризах, и слушал высочайшую волю.

У графа Андрея была цепкая память. Когда через четыре года Яков Стасюк окончил

духовное училище, он был послан не дьячком в сельскую парафию, а на обучение к каноникам униатской семинарии. Она находилась по соседству с дворцом графа Андрея, и молились семинаристы в одной церкви с митрополитом.

Греховная зависть снедала сердца семинаристов, не раз бывавших свидетелями того, как сам пастырь благосклонно снисходил до разговора со Стасюком.

Митрополит не ошибся в своем выборе. Обратив внимание на сироту-послушника с единственной целью лишний раз продемонстрировать свое великодушие, он вскоре убедился, что может иметь надежного служку. За десять лет монахи-василиане — родные братья иезуитов — и униатские пастыри сделали из Якова послушного исполнителя воли господина, чьими наместниками на земле они назвались.

Митрополит оценил в Стасюке не только его преданность догматам католической церкви. Квелый, тихий и замкнутый семинарист был силен в книжной науке и знал несколько языков.

Это и привело его из пропахших потом, лампадным маслом и воском семинарских дортуаров во дворец митрополита, стоявший рядом, на горе святого Юра.

Молодой служка из митрополичьего клира смотрел на мир сквозь толстые оконные стекла огромного зала, почти сплошь уставленного шкапами с сочинениями и проповедями отцов церкви. В свои восемнадцать лет он искренне верил, что его церковь призвана исправить суетный и несовершенный людской мир, в кото-

ром он и сам хлебнул сиротского горя. Только она — посредник между богом и человеком, получившим жизнь из рук всевышнего, — способна наставить людей на путь истины.

В сознании молодого Стасюка митрополит Андрей был окружен ореолом святости и чудодейственной силы. Каноники из клира любили повторять историю о том, как в далеком заокеанском Йонкерсе еретики стреляли в приехавшего с проповедью митрополита Андрея и как пули отскакивали от него. Правда, теперь, когда святого пастыря всех униатов, будто простого смертного, паралич лишил ног, к этим рассказам возвращались все реже и реже.

В сутане, с золотым крестом на бархате, неподвижно сидел он в черном лакированном кресле. Служки в этом кресле-коляске везли его в церковь. С кресла говорил он проповедь, и, казалось, в этом немощном теле живет один только голос.

Но Яков, с некоторых пор перешедший из библиотечного зала в покои митрополита, для которого он стал и писцом, и служкой, и чтецом, знал, сколько дел вершит еще твердая рука митрополита, как ясен его ум и насколько сильна его память.

Среди отцов римской курии граф был важной персоной. Слуга небес, он всегда хотел быть и в числе тех, кто вершит политику на бренной земле.

Мирские дела на востоке Европы занимали его не меньше, чем обязанности главы униатской церкви.

Сановники и магнаты, генералы и дипломаты, герои кровавой фашистской санации и гла-

вари оуновцев входили в покои митрополита и усаживались в кресла рядом с его черной коляской. В этих покоях молодому Стасюку открылось, как дела папской церкви сплетены с мирскими делами.

С детства Яков привык к мысли, что где-то недалеко, за Саном и Збручем, будто бельмо на глазу у самого господа бога, лежит земля безбожников и еретиков. Ее ненавидели и проклинали все, кто окружал Стасюка в Добромиле, униатском училище, в семинарии. Но во дворце на Святой горе меньше всего занимались преданием ее анафеме.

— Сын мой, нет выше блага, чем благо святой церкви нашей, — говорил митрополит своему канонику. И, диктуя отчет отцам римской курии о людях, посланных за Збруч, он повторял: «Вера без дел мертва есть».

В покоях митрополита идея крестового похода против Советов получала свое материальное выражение в планах шпионажа и провокаций.

Когда граф Андрей в первый раз поручил своему службе встретить человека «с той стороны», смятение крылом своим коснулось сердца Стасюка. Старческая рука, осенившая его, отогнала эти сомнения. Потом они уже не тревожили Якова. Он верил, что все исходящее из покоев митрополита делается во имя святой церкви. Так было легче.

Дворец митрополита Андрея был одной из опорных точек оси Рим — Берлин — Токио, вокруг которой, наполняя мир гусеничным лязгом, солдатским топотом, ревом моторов, вращалась фашистская машина «нового порядка».

Но стрелки на часах истории вращались в другую сторону. И в сентябрьский полдень 1939 года мертвенно бледный, без кровинки в лице, сидел митрополит в своей коляске, которую служба подкатил к окну. А за окном трудовой Львов встречал свою мечту, ставшую явью.

Сперва светское платье стесняло Стасюка, но за двадцать советских месяцев ему часто приходилось снимать рясу. В одежде простого крестьянина отправлялся он в дальние парфин, осененный все той же старческой рукой и запомнив на память все, порученное митрополитом.

В этих поездках в Якове постепенно умирал правоверный каноник и быстро созрел преданный крестоносец папского воинства. И уже ничто не дрогнуло в его сердце, когда под покровом летней ночи 1941 года он проводил во дворец митрополита человека, в кармане которого был составленный с немецкой аккуратностью длинный список.

Еще лежали в зеленых ящиках снаряды, предназначенные для обстрела Брестской крепости, еще подходили к границе последние цистерны с бензином для «Мессершмиттов» и «Хейнкелей», еще не были вручены фельдъегерям абсолютно секретные пакеты, подлежащие вскрытию ни на минуту раньше или позже двух часов двадцать второго июня, а зажатый в худой руке митрополита Андрея остро отточенный карандаш уже бегал от адреса к адресу, от фамилии к фамилии. Вскинув свои лохматые седые брови, митрополит сосредоточенно читал списки людей, еще живых, думающих,

смеющихся, ничего не подозревающих, но уже приговоренных к смерти.

Исполнение этого приговора совпало с пышным молебном. Его правили в Святоюрском соборе в честь победы германского оружия. Лучшая улица Львова в тот день была названа именем фюрера.

Спустя ровно два года по этой улице в закрытом автомобиле проехал человек с бледным аскетическим лицом. Тоскливо смотрел он на мелькавшие за боковым стеклом знакомые дома, будто прощался с ними. Человек в самом деле отправлялся в дальнюю и по тем временам совсем не легкую дорогу.

Одряхлевший митрополит неохотно расстался с молчаливым и исполнительным каноником Яковом, к которому успел привыкнуть. Но недавно приехавший прелат вежливо, однако трижды, подчеркнул, какой именно человек нужен святой конгрегации по делам восточной церкви.

В былые годы мечты часто уносили семинариста Стасюка в Вечный город на берегу Тибра, на Ватиканский холм, под своды собора Святого Петра, в зал Консистории, где кардиналы и прелаты окружают престол папы. Но эта поездка в Рим тревожила Стасюка своей неизвестностью.

Прелат, приезжавший во Львов, представил его кардиналу — главе конгрегации. После этого целых три года Яков прожил в доме на улице Карло Альберто, где у слушателей «Коллегиума руссикум» меныне всего было времени для богословских занятий. Здесь многое из того, о чем полупонамеками говорили в резиденции

униатского митрополита, называлось своими именами.

За стенами ватиканского коллегиума ликовал Рим, ставший столицей республики. Над миром гремели очистительные грозы. С боями прошли по Европе и Азии освободительные армии. Поднимались народы. Рушились диктатуры и монархии. А в доме на улице Карло Альберто, над воротами которого высечен девиз «*Ad maiorem Dei gloriam*»¹, седые и благообразные наставники учили Стасюка, как должен меч помочь кресту.

«Иного выхода нет», — убеждал себя вторично осиротевший Яков. Граф Андрей, сорок пять лет стоявший во главе униатской церкви, преставился. А на церковном соборе во Львове была расторгнута уния с католической церковью.

Между тем католический мир сотрясали еще более серьезные события. Ватикан, крестом папы освятивший гитлеризм, тяжело переживал его разгром и рождение новой Восточной Европы. Еще никогда у святой конгрегации по делам восточной церкви не было такой горячей поры.

Знаток славянских языков, каноник Стасюк, взятый из коллегиума в святую конгрегацию, был по горло завален работой.

Шли годы, и Стасюк теперь уже сам не знал — кто же он? Что, кроме рясы, причисляет его к слугам бога? — спрашивал себя Стасюк. Но с некоторых пор он не рисковал задавать себе этот вопрос.

---

¹ «К вящей славе божьей» — девиз иезуитов.

Все происходившее в строгих, без лишней мебели, похожих на кельи комнатах святой конгрегации и за дверью обители кардинала было окружено глубокой тайной. Здесь не вели никаких лишних разговоров и не задавали вопросов.

Не задавал их и каноник Яков, обративший внимание на то, что уже несколько раз он слышит фамилию некоего господина Регля, а в бумагах конгрегации все чаще фигурирует название маленького городка, затерявшегося на карте Западной Германии.

Когда каноник впервые подумал об этом, он еще, конечно, не мог знать, чем станет для него этот городок и какую решающую роль в его жизни сыграет неизвестный господин по имени Курт Регль.

Заговор против сердца

...В одиночной палате маленькой больницы на острове Хонсю умирала хиросимская телефонистка Счастливая Кими. Так ее прозвали десять лет назад.

В ту из восьмидесяти шести тысяч секунд августовского дня 1945 года, когда над утренней Хиросимой на высоте двух тысяч футов блеснул огромный огненный шар, в котором словно сплелись миллионы оранжево-зеленых молний, Кими входила в подвальный склад телефонной станции.

Когда ее откопали, с неба падал черный пепел. Два человека в брезентовых плащах с масками на лицах несли ее сквозь густой, удушливый дым.

Из двухсот телефонисток хиросимской станции, кроме Кими, в живых тогда осталось четверо. У одной из них клочьями сходила кожа на местах ожогов, и она умерла через несколько дней. Спустя три года умерли еще трое...

А Кими жила, и ее пазывали Счастливой.

Но на восьмой год она почувствовала боль в суставах, начала худеть, потеряла аппетит, сон и за одну весну постарела и поседела.

В августовское утро 1945 года счастливый случай спас ее от наружного облучения. Но радиоактивная пыль проникла в ее тело, и лучевая болезнь, несколько лет не дававшая о себе знать, пошла в наступление. Десять лет молодой организм Кими боролся с ионизирующей радиацией. И был побежден.

Теперь в ее теле, которое беспомощно лежало на больничной койке, шел губительный процесс разрушения белых кровяных телец — этих клеток крови, помогающих организму в непрерывной борьбе с микробами.

Количество лейкоцитов в крови катастрофически падало. Через каждые четыре дня Кими делали переливание крови...

А в это время на другом берегу Тихого океана, в штате Невада, близ Лас-Вегаса, каждый четвертый февральский и мартовский день 1955 года испытывали новое атомное оружие.

Сообщения об этом печатались во многих газетах. Но глаза миллионов читателей, разворачивавших свежий газетный лист, искали другое. В Московском Кремле Верховный Совет обсуждал международное положение и внеш-

нюю политику правительства СССР. И каждое слово о мире, запрещении ядерного оружия, разоружении, которое раздавалось с трибуны Большого Кремлевского дворца, эхом облетало все пять частей света.

Борьба за мир разгоралась с новой силой.

У мистера Томаса, ведавшего иностранными делами большой заокеанской державы, в эти дни февраля и марта 1955 года было плохое настроение.

Последние три недели он провел в кабине самолета, облетевшего многие страны Азии и Европы. За одну поездку государственный министр покрыл почти двадцать тысяч километров.

Все сооружение Атлантического блока основательно шаталось. И мистер Томас в своих поездках был занят тем, чтобы укрепить его боковые подпорки в виде багдадского пакта и договора для Юго-Восточной Азии.

Газеты на родине мистера Томаса с удивлением писали, как он неутомим в свои шестьдесят восемь лет. Но мистер Томас удивлялся другому. Как это ни печально, но самому себе приходилось сознаваться, что и Азия и Европа совсем не те, какими бы их хотел видеть государственный министр.

Самолет мистера Томаса от аэродрома к аэродрому метался над пробужденной Азией, и его рация принимала с земли неутешительные вести.

В Японии, на которую мистер Томас возлагал особые надежды, не радуются его предстоящему приезду. И те, кто собирается привести в Хиросиму «поезд мира», взявшись за ру-

ки, на улицах Токио и Хиросимы дружно скандируют:

«Хейва банзай! Да здравствует мир! Трижды долой атомную бомбу!»

...Молодые японцы тихо шли мимо маленькой больнички, где в одиночной палате умирала Счастливая Кими.

Пятые сутки сиделки не отходили от ее постели. Кими металась в бреду, и слабый, бледноватый свет электрической лампы представлялся ей горящим солнцем. Кими казалось, что не только всё вокруг, но и сама она горит в огне.

Новокаиновая блокада, переливание крови, экстракт женьшеня — ничто не помогало.

Количество лейкоцитов упало до 1500.

За все пять суток одно только слово шептали бескровные губы Кими: «Пить! Пить!..»

А на воду и землю продолжали падать радиоактивные дожди и снега. На полигонах снимали чехлы с атомных пушек, и физики военных лабораторий вычисляли радиус действия новой водородной бомбы.

Мистеру Уинстону Черчиллю, за полвека державшему в своих руках портфели министров торговли, внутренних дел, военного снабжения, морского, авиационного, военного, колоний, финансов и премьер-министра, в эту зиму пошел восемьдесят первый год. Февральским утром 1955 года многоопытный политик и дипломат сказал своим коллегам — премьер-министрам стран Британской империи: «Если вселенной суждено стать миром водородной бомбы, то я счастлив, что мне осталось уже недолго жить».

Но на столе господина Черчилля рядом с версткой нового тома его мемуаров лежала «Белая книга» о военных расходах на новый финансовый год...

В эту зиму Советская держава и страны Восточной Европы одна за другой объявляли о прекращении состояния войны с Германией. А в Бонне престарелый западногерманский канцлер Конрад Аденауэр склонял свою седую голову над проектом декрета о всеобщей воинской повинности, над планами нового вермахта и с тоской думал о том, что его республика еще не имеет ни атомной, ни водородной бомбы.

Курт фон Регль был значительно моложе восьмидесятилетнего канцлера. Но в мечтах он уже видел себя во главе нового германского соединения, одного из тех, что пока лежали в ящике письменного стола боннского канцлера. Пока же Реглю приходилось довольствоваться совсем другим. Его отдел находился в том самом ничем не примечательном западногерманском городке — назовем его условно Эн, — куда несколько лет назад в светском платье прибыл из Рима бледный каноник с печальными глазами, отныне именовавшийся не Яковом Стасюком, а человеком «номер Б-17».

Появлению Стасюка в городке Эн предшествовали тайные переговоры, которые вел с высокопоставленными государственными чиновниками папский нунций, аккредитованный при одной заокеанской державе. На помощь ее политикам, дипломатам и разведчикам, терпевшим в Варшаве, Праге, Будапеште, Софии,

Бухаресте поражение за поражением, спешили отцы святой римской курии.

Из городка Эн человек «номер Б-17» в рясе и без рясы уже не раз совершал дальние рейсы на восток Европы, и не только в резиденции католических епископов и кардиналов.

У каноника Якова теперь не оставалось никаких иллюзий. Он понимал всю трагедию своего положения, но не в силах был порвать цепи, не столько оковавшие, сколько опутавшие его. Во всем этом большом и страшном мире он чувствовал себя одиноким. Было тяжело, горько от сознания того, что никому на свете — ни богу, ни людям — до него нет дела.

У Стасюка было такое ощущение, что на земле он нужен одному только очкастому вежливому господину Реглю, в чьем распоряжении он находился в городке Эн.

Разгром гитлеровского государства не помешал карьере и благополучию бывшего коменданта Южноморска. Еще в 1944 году, после отступления из России, в жизни Регля произошли важные изменения. Его перевели в имперское управление секретной службы и поставили во главе одного из «русских отделов», при котором состоял архив важнейших документов.

Этот архив и сыграл решающую роль в судьбе Курта фон Регля. Оберст Регль вовремя вывез его в западную зону Германии и передал в руки новых хозяев, что было оценено за морем, в центральном разведывательном управлении.

Когда с течением времени, срачивая кости, зализывая раны, меняя кожу, старая германская секретная служба понемногу начала приходить

в себя, оберст Курт фон Регль, считавшийся знатоком по русским вопросам, стал одним из тех людей, которые осуществляли оперативный контакт германской службы с заокеанской, чьи гнезда укрывались во многих западногерманских городках, вроде Эи.

Пока за морем, в глубокой тайне, за дверьми, которые охраняли часовые, за занавешенными окнами и за железом сейфов с секретными замками составляли и хранили документы генштаба о «Целях страны и ее союзников в войне», в городке Эи подчиненные Курта Регля печатали листовки, которыми начиняли воздушные шары, инструктировали провокаторов, готовили фальшивые паспорта и примеряли скафандры, в которых по дну пограничных рек лазутчики должны перейти на другую сторону.

За последнее время репутация Регля в секретной службе пошатнулась. Многие из операций, осуществленных его отделом, не дали того эффекта, который Регль обещал своим шефам. И оберст мучительно думал над тем, что могло бы укрепить его положение на служебной лестнице.

В этих поисках сын знаменитого археолога Якоба Регля вдруг остановил свой взор на знакомой ему высокой фигуре русского академика Лаврентьева.

На конгрессах сторонников мира к голосу этого старого ученого прислушивались с особым вниманием. Поколение Лаврентьева пережило несколько войн, но он, историк и археолог, говорил как свидетель последствий сотен и тысяч войн, потрясавших цивилизацию.

За стенами залов, на трибуны которых он поднимался, лежали руины Вроцлава и Варшавы, красовался чудом уцелевший в огне военного пожара Пражский град, высились стройные кварталы не знавшего уличных боев Стокгольма. И Лаврентьев говорил о судьбах городов, завещанных нам прошлыми поколениями для того, чтобы сделать их еще краше и богаче. Он говорил о трагедии века, породившего величайшее изобретение людского гения, которое все еще держит человечество в трепете, между тем как оно способно растопить льды на полюсе, оросить Сахару очищенными от соли водами Средиземного моря, превратить всю планету в цветущий сад.

И Лаврентьев поднимал свой голос против войны, ядерного оружия, за то, чтобы Хиросима никогда больше не повторилась.

...«Пить! Пить!» — шептала японка Кими, из тела которой вместе с разрушающимися лейкоцитами уходила жизнь.

Столбик ртути неизменно показывал 40,5°, а количество лейкоцитов упало до 900. Потом Кими перестала ощущать и жажду. Потухшими глазами смотрела она в окно, за которым разгорался новый мирный день...

Из Токио в Пекин ехала молодежная делегация. Еще стояли февральские морозы, но цветоводы в розариумах Европы уже готовили кусты для международного сада роз, который предстояло заложить в возрожденной Лидице. Тридцать три страны посылали своих пианистов в Варшаву на конкурс имени Фредерика Шопена. В Дели подписывали соглашение, по которому СССР обязался соорудить в Индии

металлургический завод. В Лейпциге открыли международную ярмарку.

В Париже советский академик Лаврентьев гулял со своим французским коллегой по улице Комартэн. Молча постояли они у высокого дома номер 8, думая о том, что здесь, в квартире на пятом этаже, Стендаль написал их любимую книгу...

Курт фон Регль с раздражением читал отчеты о поездках и выступлениях Лаврентьева. Через руки оберста Регля уже не раз проходили материалы о встречах советского ученого со своими зарубежными коллегами, для которых слово Лаврентьева немало значило.

В последнее время шеф Регля не выбирал выражений, высказывая оберсту недовольство работой его отдела.

Курт до боли в голове напрягал свою мысль в поисках выхода. Он перебрал десятки вариантов и сам их отбросил. И вдруг ему вспомнилось газетное сообщение о предстоящем весной международном конгрессе историков, в котором примет участие советский академик Лаврентьев.

Память Регля, словно ткацкий челнок, сразу связала воедино целый клубок фактов: давний рассказ отца о короне Пилура; расписку Лаврентьева, участвовавшего в экспертизе, которая, должно быть, хранится где-то в архиве; его, Курта, встречу с Лаврентьевым в сороковом году; досье южноморского негодянта Ганса Иугоффа, с которым будущий комендант Южноморска еще весной 1941 года ознакомился в архиве секретной службы; историю убийства Хомяка и фамилию Куцего в списке

агентов, завербованных южноморской комендатурой...

Так у Курта фон Регля родился план.

Когда оберст стал излагать его шефу,

тот отнесся к плану Регля весьма скептически: «Стоит ли затевать такую сложную операцию ради какого-то ученого-археолога? Если б ваш профессор был крупным атомщиком или, скажем, авиаконструктором... Это другое дело».

Однако шефу пришлось изменить свое мнение. Он был обескуражен, когда мистер Джордж, с которым обычно координировала свои действия служба разведки, ухватился за план Регля.

В ответ на сомнения своего германского коллеги мистер Джордж, никогда не отличавшийся тонкостью обращения, выпалил:

— Вы узко мыслите! Это мелкий практицизм. Взрыв, произведенный делом Лаврентьева, может быть не менее полезен, чем взрыв какого-нибудь объекта.

Справедливости ради следует заметить, что генерал Джордж в данном случае повторил чужие слова.

Вскоре после того как мистер Томас вернулся из своего полета в Европу и Азию, на двадцатом этаже отеля «Океан» собралось восемь человек, которым принадлежало далеко не последнее место в руководстве «холодной войны». Мистер Томас, проводивший это совещание, высказался весьма определенно:

— Надо шире мыслить. Взорвать завод или линкор — это полдела. Можно отстроить. Теперь, может быть, самое главное — взрывать в человеке его веру, сеять страх и неверие.

После этого план Курта Регля предстал перед его шефом в другом свете.

«Действуйте!» — И генерал Джордж подружески хлопнул по плечу своего германского собрата.

«Выполняйте!» — велел шеф оберсту Реглю и впервые за последние месяцы улыбнулся ему.

«Это будет последнее задание», — протирая очки, мягко сказал Курт фон Регль стоявшему перед ним агенту «Б-17».

Каноник Яков Стасюк уже не раз просил от суетных мирских дел вернуть его в лоно церкви. Регль обещал, что это будет сделано. Впрочем, теперь он мог обещать Стасюку все что угодно...

...А жизнь Счастливой Кими уже не висела на волоске. Ее тело покрыли белой простыней, и сестра, несколько суток не покидавшая палату, впервые вышла на улицу.

Над Хиросимой был поздний вечер. Увидев огоньки свечей у каменного шатра над захороненными списками жертв Хиросимы, маленькая японка подумала, что это памятник не только мертвым, погибшим шестого августа 1945 года, но и живым, которые еще борются с лучевой болезнью, как боролась с ней Кими. И запекшиеся губы маленькой японки шептали страшные проклятия всем, кто служит идолу новой войны...

Загробная жизнь Остапа Шелеха

Самолет из Львова прилетел в полдень. Но Ляля появилась в Эесе только под вечер, после прибытия теплохода из Ялты.

До поздней ночи в комнате Тургиных не гас свет...

А на следующее утро майор Анохин вызвал к себе хранителя эосского заповедника.

Спокойный, исполненный достоинства, опираясь руками на край маленького стола, сидит Остап Шелех перед майором. В кабинете их двое.

— Товарищ Шелех, я пригласил вас, чтобы выяснить некоторые обстоятельства... Вы учились во Львовском университете?

— Да.

— В какие годы?

— С 1908 по 1913 год.

— Вы его закончили?

— Да... историко-филологический факультет.

— Конечно, прошло уже много лет, но кое-кого из своих однокурсников вы еще помните?

— Разумеется.

— Кого?

— Юлиана Радзиковского, Андрея Стафийчука, Менделя Хусида, Вацлава Бжеского, Казика, то есть Казимижа... ну, как его фамилия... вылетит же из головы... Ну да, Гжибовского.

— Это все ваш курс?

Шелех кивает головой.

— Скажите, а фамилия Дупей вам не помнится?..

— Дупей... Дупей, — вспоминает Шелех. — Кажется, был у нас такой студент.

— Кстати, Остап Петрович, почему вас нет в списке выпускников 1913 года?

Шелех пожимает плечами:

— Какая-нибудь ошибка писарей канцелярии.

Анохин берет из папки на столе несколько листов.

— Студент Остап Шелех значится в списках третьего, четвертого и пятого курса...

— Значит, явное недоразумение. *Lapsus calami*, как говорят юристы, — ошибка пера.

— А может быть, это ошибка памяти? — Анохин неожиданно поворачивает разговор. — Не потому ли студента Остапа Шелеха нет среди выпускников, что он трагически погиб за два месяца до выпускных экзаменов?

Шелех молчит.

Майор достает из среднего ящика стола большую групповую фотографию.

— А вот студент Юрий Дупей числится во всех списках, есть на фотографии выпускников и почему-то поразительно похож на вас.

Шелех будто потерял дар речи.

— Так кто же вы такой? Шелех или Дупей?

В это время открылась дверь, и вошел Троян. Майор встал. Шелех удивленно посмотрел на Трояна и, начиная понимать все происходящее, тоже привстал.

Троян садится в кресло, поворачивается так, чтобы хорошо видеть лицо Шелеха, и повторяет вопрос:

— Ну, так кто же вы: Остап Петрович, — Шелех или Дупей?

Шелех продолжает молчать.

— Номер двадцать три, полицейский комиссариат города Львова ничего не говорит бывшему студенту Дупею?

Шелех молчит.

— А фамилия господина Штрассера из департамента полиции в Вене?

— Это все прошлое...—медленно, растягивая слова, заговорил наконец Шелех. — Студент Дупей виноват перед совестью и законом. Но имени Шелеха я не запятнал. Стыдно было... От старого не хотел оставить даже фамилию... Бежал сюда, чтобы начать новую жизнь.

— Бежали, но по дороге завернули к галицийским националистам в их республику ЗУНР, а потом к господину Коновальцу в ОУН?

— Я же от всего этого уходил. Уходил, в кровь разбив ноги. И тем, что было потом, я разве не искупил грех молодости?

— Это вы о чем? Тридцать лет хранителем? Спасение заповедника? Бегство к партизанам?... Между прочим, расскажите нам о своем побеге из-под ареста. Это когда было?

— Осенью 1943 года.

— Точнее, — вступает в разговор Анохин.

— Двенадцатого ноября.

— При каких обстоятельствах? — снова спрашивает Анохин.

— Вечером повезли за город на расстрел...

— Одного?

— Да.

— Дальше, — говорит Троян.

— Дорога возле леса была плохая, машина пошла совсем медленно. Я выпрыгнул, автоматчики погнались, открыли стрельбу. В том лесу я и спасся.

— Сколько было автоматчиков?

— Трое.

— Это с шофером? — спрашивает Анохин.

— Нет.

— Долго гнались?

— Долго. Но далеко в лес побоялись идти

— Все у вас сходится... Только вот что странно, — говорит Троян: — почему это автоматчики — между прочим, их было двое — не поймали бежавшего, когда он упал, зацепившись, вероятно, за корни старого дуба?

— Счастливая случайность. — Шелех еще владеет собой.

— А то, что машина, с которой вы спрыгнули, даже не остановилась, — тоже счастливая случайность? Не слишком ли много случайностей, гражданин Шелех? Вы ведь летом 1941 года остались здесь тоже благодаря случайности?

— Со сломанной ногой далеко не уйдешь.

— А когда у вас, Шелех, случился перелом ноги?

— Дней за десять до эвакуации заповедника. Ящик на ногу упал.

— Кто-нибудь был при этом? — интересуется Анохин.

— А как же, моя помощница, Мария Петровна.

— Она теперь в заповеднике не работает? — продолжает Анохин.

— Еще в войну погибла от бомбежки.

— Впрочем, есть самый верный свидетель, — говорит Троян, поднимаясь с кресла. — Товарищ майор, надо пригласить из госпиталя рентгенолога с передвижным аппаратом. Если нога была сломана — на кости остался рубец.

Анохин протягивает руку, чтобы снять трубку. Шелех порывисто останавливает его:

— Не утруждайте себя, гражданин следователь. Дайте мне, пожалуйста, бумагу, я все напишу.

Анохин передает ему стопку бумаги.

— Вы только не забудьте о событиях нынешнего лета. Склеп. Палка. Чертеж... Словом, «белая бабочка», — говорит полковник Троян.

В ночь на 15 марта 1910 года студент второго курса университета Остап Шелех был доставлен в полицейский комиссариат города Львова. За две недели до этого у Шелеха, уроженца небольшого села под местечком Снятин, умерла мать. Он остался одиноким. Отец и брат Остапа, следом за всеми родичами, давно подались за океан. Теперь они были далеко — в канадской Альберте.

После долгих странствий Шелехи забрели в горняцкую долину. И там на шахте Гилькрист, возле Бельвю, отец с сыном добывали уголь. Чуть свет, взяв с собой взрывчатку, вооружившись ломом и лопатой, они спускались в штреки, где малейшая неосторожность могла стоить жизни.

Остап знал, на какие тяжелые, добытые в муках деньги он обучался в Снятинской гимназии, а теперь в университете. И когда его взяла полиция, он не столько мучился ожиданием своей участи, сколько от сознания, какой горькой будет для отца весть об исключении Остапа из университета. Эта мера нередко применялась в отношении студентов-украинцев, которых вообще в университете было не так уж много, а на курсе Шелеха в особенности.

Все преступление Остапа заключалось в том, что на сходке студентов-украинцев, собравшихся отметить годовщину со дня смерти Тараса Шевченко, Шелех, прочитав «Заповит», сказал:

— Недалеко то время, когда сбудутся мечты нашего великого Кобзаря.

Вероятно, на первый раз полицейский комиссариат ограничился бы взятием студента Шелеха под наблюдение. Но как раз в те дни из Вены поступила депеша, требовавшая суровых мер против всяких выступлений «украинских элементов». И, желая показать начальству свое усердие, львовская полиция в связи со сходкой произвела ряд арестов среди украинского студенчества.

Чиновники комиссариата, однако, просчитались. Репрессии вызвали брожение в университете, протест многих польских студентов. Требовали освобождения арестованных.

Первым был выпущен сокурсник Остапа Юрко Дупей. Он состоял в комитете, собиравшем шевченковскую сходку, но на самом вечере отсутствовал из-за болезни. Этим объяснили его освобождение. Однако причина тут была другая.

Дупей приходился приемным сыном этнографу доктору Цыбульскому, одному из деятелей львовской «Просвиты» и редакторов газеты «Дело». Своих родителей Юрко даже не помнил. Отец еще в конце прошлого века польстился на даровой проезд в Бразилию и пропал где-то в пущах Параны, а мать вскоре умерла. Далекий родич матери, бездетный Цыбульский, взял пятилетнего Юрка к себе.

Идеалом хозяина дома, на чем свет стоит ругавшего социалистов и радикалов, была галицкая украинская держава под высокой эгидой «всемогущего цисаря» — австро-венгерского монарха.

Как ученый Цыбульский больше всего гордился благосклонно встреченным в Берлине и Вене пухлым томом, в котором он доказывал родство украинской культуры с германской и описывал, как германский дух издавна окрылял его предков. Совершенно закономерно другая монография суетливого доктора была исполнена усилий показать, что культура украинцев Галиции не имеет ничего общего с «москалями».

Казалось, сам воздух в доме Цыбульского пропитан политическим торгашеством и мелким интриганством, цинизмом и ханжеством. В этой атмосфере рос гимназист старших классов, а потом студент Юрко Дупей. Положение приемного сына Цыбульского делало Дупея заметным среди товарищей по университету. И, подражая кое-кому из тех, кого Юрий видел в гостиной отца, он с удовольствием входил в роль «деятеля землячества»...

Чиновник полицейского комиссариата недолго возился с Дупеем, арестованным по делу о студенческой сходке. Он образно нарисовал молодому честолюбцу картину крушения всех его жизненных планов, и этого оказалось достаточным, чтобы получить его согласие и подпись.

Из подъезда львовского полицейского комиссариата студент Юрий Дупей вышел осведомителем.

Регулярно, через день, он носил передачу своему сокурснику. Освобожденный последним, Остап Шелех горячо благодарил товарища, еще не зная, как трагически свяжутся их судьбы.

Жизненная тропа Юрия Дупея, поздним мартовским вечером 1910 года завернув в темный переулок за углом полицейского комиссариата, вскоре вывела его на дорогу, где приемному сыну профессора Цыбульского уже виделось министерское кресло.

Скромная должность историографа местного научного общества и сотрудничество в газетах не соответствовали тщеславным помыслам недавнего выпускника университета. Возня местных националистических партий стала его стихией. И голос Юрия все уверенней звучал в гостиной доктора Цыбульского.

В то лето 1914 года в мире назревали большие события, и верноподданное перо Дупея все чаще выводило имена Франца-Иосифа и Вильгельма. Как и доктор Цыбульский, молодой Дупей надеялся, что из этих рук может быть получен скипетр державы галицийских украинцев.

На третий год войны Дупей женился. Его избранница была некрасива, неумна и суетной жизни, так обидевшей ее, предпочла юдоль католицизма. В пастве митрополита Андрея трудно было сыскать более рьяную униатку.

Дупея меньше всего интересовала его будущая жена. Он имел в виду тестя, профессора истории, которого такие, как Цыбульский, провозгласили своим отцом и наставником. Брачные расчеты Дупея поначалу оправдались. Че-

рез каких-нибудь пять лет после окончания университета двадцатисемилетний Юрко важно восседал в секретариате премьер-министра Запаточноукраинской республики.

Дупею трудно было разобраться в событиях, лавиной навалившихся на него. Революция в России 1917 года все перевернула. Рухнули империи Франца-Иосифа и Вильгельма. Но была галицийская держава, и Дупею казалось, что пришла пора, которая вознесет его на высокой волне.

Будто в хмельном угаре, промелькнули несколько месяцев 1918 года, и Дупей почувствовал, что зыбки не только его мечты о министерском кресле. Колебалась вся почва под его ногами.

Противоречивые чувства раздирали Юрия, когда сам глава государственного секретариата ЗУНРа господин Петрушевич, отдавая пакет, пожелал Дупею удачи в его миссии.

Секретный пакет, с которым Дупей отправился из Львова, привел его в Киев.

Но адресат выбыл. Точнее сказать, его изгнали из Киева части комдива Николая Щорса. Пока в поисках осколков Центральной Рады Юрий Дупей плутал по Украине, не стало ни республики галицких сепаратистов, ни правительства господина Петрушевича, посланцем которого Дупей был.

Он попытался вернуться во Львов. Это не удалось. Еще раз рисковать Дупей побоялся, да его туда и не очень тянуло. Тесть сидит, вероятно, у разбитого корыта, а при одном воспоминании о постылой жене ему хотелось бежать без оглядки.

На всякий случай Дупей закопал послание бывшего премьера ЗУНРа и после нескольких дней тяжелых раздумий пришел к выводу, что самое верное — переждать, пока водоворот событий не войдет в какое-нибудь русло.

Два самых бурных года гражданской войны Дупей, ставший уже Шелехом (пригодился заготовленный про запас документ на имя умершего от тифа сокурсника), тихо пересидел в лесной волости, лежавшей вдали от фронтовых дорог. Местная власть была небогата грамотеями, и в 1921 году Остап Петрович Шелех уже ведал школой.

В глубине души он посылал сто тысяч проклятий утопавшей в грязи волости, где застрял, своей школе, занимавшей хату на курьих ножках, и замурзанным, голодным ребятишкам в отцовских обносках.

Первое время Дупей надеялся, что Советы вот-вот лопнут. Однако шел пятый советский год, и Дупей задумался, как бы вылезти из этой дыры. Нужно было устраиваться поосновательней.

Выручил случай.

Губернский наробраз искал человека, способного привести в порядок свезенные из поместий библиотеки и коллекции. Выбор пал на Шелеха. Но он недолго задержался в губернском музее, в то время скорее напоминавшем лавку древностей.

Историк по образованию, человек, хорошо знающий классические языки, Остап Петрович оказался весьма подходящим для должности хранителя недавно объявленного заповедником Эоса. Так Шелех в 1923 году впервые появился

в районе Южноморска. Осмотревшись, он обосновался, решив, что эта тихая обитель будто для него создана.

Раскопки Эоса еще не возобновились, но Шелех времени не терял. Понимая, что ему здесь придется пересидеть не один год, Остап Петрович серьезно занялся археологией. Все дни он проводил дома за книгами, в южноморских музеях и среди эосских памятников.

Камни Эоса будто висели у него на шее. Еще со времени пребывания в доме профессора Цыбульского Дупей считал себя предназначенным для политической карьеры, министерских кабинетов, речей и интервью, для светских салонов и банкетов. Вместо всего этого приходилось рыться в черепках и книгах, хранить развалины и мучительно ждать, когда все это кончится.

По вечерам, оставаясь наедине с самим собой, Шелех воображал, будто он товарищ министра, и мысленно отдавал десятки распоряжений, отправлялся на заседания кабинета, ездил в составе дипломатических миссий в Берлин, Париж и Лондон...

Каждое утро возвращало Шелеха к действительности.

Молодая страна жадно рвалась к науке и знаниям. В экспедицию вместе с Лаврентьевым и его учеными помощниками приезжали вчерашние солдаты и рабфаковки — рабочие паренки и крестьянские девушки. С утра до вечера в заповеднике толпились любопытные экскурсанты, задававшие бесчисленное количество вопросов, словно они имели какое-то личное отношение к судьбе древнего Эоса.

Шелех ненавидел их и улыбался, делая вид, что его радует пытливость молодежи. Ненавидеть и улыбаться, хранить то, что ненавидишь, мечтать увидеть в руинах все окружающее и бережно ставить на место выпавший камень из древней кладки, в мечтах подкладывать бочки с порохом под все новое и стараться хорошо работать — так жил Юрий Дупей.

Раздавленная амфора теперь напоминала Дупею его мечты о карьере. С ними приходилось расставаться.

Тень надежды мелькнула у Дупея в самом начале тридцатых годов. В Терновке и всюду вокруг Южноморска плуг коллективизации по-новому вспахивал степь. Волновалось крестьянское море. А кулачье засело будто на островках, среди камышей, в плавнях и вело огонь из обрезов, целясь в бедняка-активиста, в рабочего-двадцатипятилетнего, в селькора, в райкомовского уполномоченного.

В эти дни впервые за двенадцать лет прошлое напомнило о себе Юрию Дупею. Темной декабрьской ночью оно явилось в образе человека в крестьянском кожухе, тихо постучавшего в дверь.

С первых же слов ночной гость дал понять товарищу Шелеху, что кое-кто из старых знакомых за Збручем и Саном помнит его настоящую фамилию. Две недели Шелех укрывал незнакомца.

Сперва в нем боролись два чувства — страх и надежда. Может быть, этот приход в самом деле связан с началом больших событий, которые разыграются по всей Украине. Но как только Шелех понял, что все дело кончится

несколькими поджогами и убийствами, надежды покинули его. Ночной гость исчез, и остался один только страх. Он гнул Шелеха в дугу. Непрерывно борясь с ним, Остап Петрович лез из кожи вон, чтобы прослыть хорошим работником.

Археология, раскопки, камни и черепки служили Дупею реквизитом в его нелегкой игре. Они помогали ему носить маску.

С того сентября, когда над Львовским университетом поднялся красный флаг, Шелех жил в постоянной тревоге, что в любую минуту с него могут сорвать эту маску. Пошли самые страшные двадцать месяцев его жизни. И гитлеровское вторжение на советскую землю он воспринял, как спасительный якорь, брошенный ему судьбой, должно быть, наконец, сжалившейся над всеми его муками и страхами.

Теперь его беспокоило, не забыли ли о нем люди, которые знали его как Юрия Дупея.

Симулировавший перелом ноги хранитель эосского заповедника мог не волноваться.

Будущий комендант Южноморска Курт фон Регль еще в Берлине выписал его фамилию из списка резерва, представленного господами Андреем Мельником и Степаном Бандерой.

Первая встреча Остапа Петровича с фон Реглем происходила без свидетелей.

Навстречу Шелеху из-за огромного стола вышел красивый, с худощавым, вытянутым лицом светловолосый человек в очках. Ему было лет тридцать пять. Мундир хорошо сидел на высокой, стройной фигуре, но во всем облике Регля была не столько подчеркнута выправка, сколько изысканные манеры аристократа.

— Господин фон Регль, вы пожелали меня видеть? — спокойно произнес Шелех.

— Прошу вас, садитесь. — И Регль указал на кожаные кресла у круглого стола в углу кабинета. — На мне теперь мундир солдата, но здесь, — он приложил руку к груди, — бьется сердце ученого, филолога. Искренне рад видеть у себя хранителя знаменитого эосского заповедника. Вы, конечно, слышали о моем покойном отце?

— Какой же археолог не знает работ достопочтенного профессора Якоба Регля, — ответил Шелех.

— Мы с вами, герр доктор, живем в такое время, когда, к сожалению, приходится изменять науке. Германия делает новую историю. — Регль посмотрел на карту с флажками, висевшую сзади. — Войска фюрера вычерчивают новую карту мира! — Он торжественно помолчал. — Перед отъездом в Южноморск я встречался с представителем штаба Бандеры. Там помнят господина Дупея. Надеюсь, в качестве коменданта Южноморска могу рассчитывать на вашу помощь.

— В меру моих скромных сил. — Шелех учтиво поклонился.

— Я ожидал встретить здесь коллегу моего отца, академика Лаврентьева, но... — Регль развел руками.

— О ком вы говорите? — Шелех не мог да и не хотел сдерживать злость. — Еще в 1918 году в газетах писали: «Человек с белой бабочкой продан красным». Как видите, факт.

— Это о Лаврентьеве? А что за бабочка?

— Дешевое оригинальничание, кокетство! — пренебрежительно произнес Шелех. — Красный академик носит в галстук белую костяную бабочку...

— Ну, бог с ним. — Регль махнул рукой и задумался. — О чем это я, герр доктор, хотел вас расспросить?.. Ах да!.. Трофим Куцый... Вы знаете такого кладонискателя?

— Ворюга... Всех продаст.

— И убьет, — добавил Регль. — В Берлине в нашем архиве мне попались документы о негоднате Ннгоффе. Без вестн пропавшего кладонискателя Хомяка, конечно, убил Куцый.

— Не слыхал... Я в заповеднике с 1923 года.

— Это так, — уверенно произнес Регль, вставая. — Ну что ж, герр Шелех, я рад нашему знакомству. Думаю, мы найдем общий язык. Беспокоить вас по мелочам не будем. Наоборот, мы очень заинтересованы в вашей репутации человека, неложального к новому порядку. И в этом мы вам поможем.

В следующие разы хранитель заповедника появлялся в приемной коменданта уже в качестве жалобннка, возмущенного тем, что немецкие солдаты разрушают Эос. Но едва за Шелехом закрывалась дверь кабинета Регля и они оставались с глазу на глаз, их лица принимали совсем другое выражение.

Последний разговор Шелеха с Реглем происходил за несколько месяцев до отступления оккупантов из Южноморска. Регль по-прежнему был подчеркнуто вежлив, но Шелех сразу уловил в голосе коменданта нотки беспокойства и растерянности.

— За оружием придут в среду ночью, — сообщил Шелех коменданту.

— Дорогой доктор, с вашим арсеналом пора кончать... Обстановка изменилась. На среду назначаю операцию. Вас арестуют вместе со всеми. Потом организуем побег. Вам придется уйти. Вы поняли? — спросил Регль.

— К партизанам?

Вместо ответа Регль сказал:

— Не исключено, что мы можем с вами некоторое время не видеться.

Шелех нервно затеребил бородку.

— В Берлине высоко ценят ваши заслуги, — продолжал комендант.

— Я весьма польщен этим, но надеюсь, что буду полезнее райху как археолог.

По лицу Регля скользнула улыбка:

— Как сказал Экклезиаст, время собирать камни и время их бросать.

Оба помолчали.

— Прошу вас на всякий случай иметь в виду Трофима Куцего, — сказал немец. — Хотя он и дрянь человек, мало на что способен, но пригодиться может. О вас, как и никто в Южноморске, он ничего не знает. А мы о нем — многое... И не только старую историю с Хомяком. Кстати, я велел дать ему кое-что из музейных вещей, которые мы не отправили.

Поручение коменданта выбило Шелеха из колеи. Остап Петрович уже не раз говорил Реглю о своем желании уехать из этих мест, с тем чтобы где-нибудь в Германии или, на крайность, во Львове вознаградить себя за все эти тяжелые годы. Вежливый Регль обнадеживал Остапа Петровича.

Позже, вспоминая обо всем этом, Шелех думал, что фортуна не так уж плохо обошлась с ним. Прощаясь с комендантом Южноморска, Шелех еще не знал, что он вернется в советский Эос героем.

Со временем убедившись, что ни в Терповке, ни в Южноморске никто не знает правды о последних годах его жизни, Остап Петрович немного успокоился. Ему, слывшему спасителем Эоса, стало легче носить маску. Но по-прежнему он чувствовал себя смертельно уставшим. Вечно играть роль. Спать вполглаза. Иметь два лица и два выражения на лице. Не перепутать их, не ошибиться. Не выдать себя словом, жестом...

Остап Петрович, когда-то мечтавший блистать в женском обществе, уже много лет вынужден был изображать закоренелого и убежденного холостяка. Еще перед войной Шелех собрался было жениться. Но, подумав, что ему придется продолжать игру и в четырех стенах жилища, которое было единственным убежищем Юрия Дупея, Остап Петрович остался бо-былем. Самыми горькими у Шелеха были те минуты, когда приходилось самому себе признаваться, как прожита жизнь.

Ему не удалась министерская карьера. Может быть, повезет на поприще науки? Но чем больше Шелех работал с Лаврентьевым, тем острее чувствовал, что он только ремесленник. Теперь уже не страх, а зависть сжигала душу Шелеха.

Лаврентьева он ненавидел каждой клеточкой своего естества. В длинные ночи, лежа на своей узкой железной койке, он строил против

Лаврентьева козни, придумывал тысячи мелких и крупных пакостей и задыхался от бессилия что-нибудь сделать.

Эти мысли мучили его и в ночь под первое воскресенье мая 1955 года...

Нарядно выглядел эосский заповедник в воскресный майский день. Все вокруг рано зазеленело. Вдоль дорожек, посыпанных гравием, выстроились молодые деревья, готовые вот-вот вспыхнуть мягким зеленым пламенем.

В этот день у ворот заповедника собралось много машин. По территории древнего города от раскопа к раскопу ходили люди. Многие, успев основательно устать, устраивались под тентами, доставали из портфелей и чемоданов провизию.

У древнего дома с мозаичным полом Шелех что-то рассказывал группе экскурсантов. Чуть в стороне стоял человек, просто одетый, лет сорока, с портфелем. Он слушал рассказ экскурсовода, и лицо его выражало живейший интерес.

Когда Шелех кончил объяснения и экскурсанты стали расходиться, человек с портфелем, выждав, пока Шелех остался один, подошел к нему.

— Товарищ Шелех?

— Я, — устало ответил Остап Петрович.

Человек с портфелем, бросив быстрый взгляд вокруг, тихо произнес:

— Господин Регль, — при этих словах Шелех чуть вздрогнул: одиннадцать лет ему не называли этого имени, — передает привет господину Дупею. Где я могу с вами поговорить?

— Идемте со мной.

И они пошли к морю. По дороге Шелех усиленно жестикулировал, показывая памятники. На берегу нависали над

водой остатки высоких оборонительных стен. По камням, плитам Шелех и человек с портфелем поднялись на гребень стены. Теперь они были одни, здесь никто не мог их подслушать.

— Значит, это рассчитано на дискредитацию Лаврентьева? — продолжая разговор, спросил Шелех.

— На арест его. — Человек с портфелем, немного помолчав, добавил: — Начальником экспедиции, разумеется, станете вы. Это вполне устроит и вас и господина Регля.

— Что от меня требуется?

— Не так уж много. Я привез с собой консервную коробку. Там учетные карточки тех, кто уже давно в руках госбезопасности, и нескольких изменивших слову, понадеявшихся тихо пересидеть. — Он многозначительно посмотрел на Шелеха, который выдержал этот взгляд. — Ими решено пожертвовать. Там есть карточка известного вам Куцего с поэтической пометкой «Белая бабочка». Сегодня я увижу его и передам четыре слова от господина Регля: «Ждите человека с белой бабочкой». Когда найдут картотеку, Куций немедленно будет арестован.

— Это наведет на след Лаврентьева?

— Да. Месяца через полтора к вам придет человек. Его должны найти с картотекой, но мертвым.

Шелех передернул плечами.

— Господин Регль не учитывает, что я уже стар для такого дела.

— Другого выхода нет! — резко произнес неизвестный, но, тут же сбавляя тон, вкрадчиво продолжал: — Ваша безопасность и репутация обеспечены.

— Даже не представляю себе, как это сделать... — растерянно сказал Шелех. — Я смогу с вами встретиться, чтобы посоветоваться?

— Господин Регль вам во всем доверяет. Через десять-двенадцать дней Лаврентьев едет в Рим на конгресс. У него доклад?

— Да. Раскопки эосского некрополя.

— Старик, очевидно, будет показывать какой-нибудь план этого... — Подыскивая нужное слово, человек с портфелем показал рукой

на невысокую гряду курганов, уходящую к горизонту.

— Урочища Ста могил, — закончил Шелех.

— На этом чертеже вы сообщите господину Реглю свой план операции.—Незнакомец достал из кармана и передал Шелеху маленький пузырек. Наши люди в Риме сумеют достать оригинал чертежа и подменить его копией.

Положив на камень портфель, в котором были хлеб, колбаса, сыр, «экскурсант» извлек консервную коробку без этикетки и передал ее Шелеху.

Остап Петрович спрятал коробку в карман...

И вот минуло полтора месяца.

Темная ночь. Свет луны едва пробивается сквозь тучи. По территории урочища Ста могил к кургану, который чернеет вблизи, движется по земле какое-то светлое пятно. Это луч карманного фонаря, которым двое приближающихся к склепу светят себе под ноги. Они подошли к кургану. Шелех опирается на простую деревянную палку. В другой руке у него фонарь. Рядом с ним небольшого роста человек в парусиновом костюме и желтых парусиновых туфлях. Они спустились по коридору ко входу в склеп. Слегка постукивая палкой, Шелех говорит спутнику:

— Осторожно, здесь могут быть змеи.

Согнувшись, они входят в склеп. Это земляная камера почти квадратной формы, с круглым глиняным сводом.

Впереди идет Шелех. Он шарит лучом фонарика по земляному полу и останавливает его

на небольшом камне. Палкой показывает на этот камень.

— Здесь.

Неизвестный опускается на корточки, достает большой охотничий нож с деревянным черенком, отодвигает камень и начинает рыть землю. Шелех стоит спиной к выходу и светит ему фонарем.

По мере того, как углубляется ямка, Шелех медленно и незаметно, словно стараясь лучше светить, пятится к выходу.

Нож стукнул о жель. Неизвестный отложил его в сторону, лег на пол и, руками разгребая землю, достает консервную коробку.

В это время Шелех выскакивает на площадку перед входом. На секунду луч фонарика

скользнул по глиняному своду и осветил глубокую трещину. Шелех мгновенным и сильным движением втыкает палку в трещину потолка. Раздается глухой звук падения многих пудов грунта...

Шелех стоит перед входом в склеп, у него в руке обломок палки. Он прячет фонарь в карман. И если бы кто-нибудь сейчас взглянул на Шелеха, то при свете

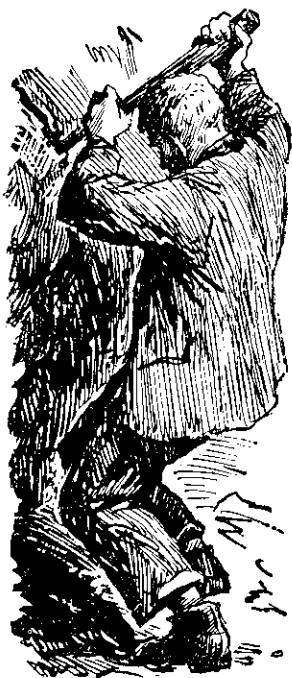
луны, которая про-
рвалась сквозь тучи,
лицо, усеянное кап-
лями пота.

... Шелех достал
платок и вытер ли-
цо. Он сидел у сто-
лика и дописывал по-
следнюю страницу
показаний.

Перед Трояном и
Анохиным лежали
уже прочитанные ли-
сты.

Шелех дописал
страницу, на какую-
то секунду задумал-
ся и, выведя подпись
«Ю. Дупей», отложил
ручку.

— Всё, — безраз-
лично и устало про-
изнес он.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

В КОТОРОЙ ПОЛКОВНИК ТРОЯН И ЖУРНАЛИСТ ТУРГИН ПРОЩАЮТСЯ С ДРУЗЬЯМИ

Шелеха увели. Анохин стоял у окна впол-
оборота к полковнику Трояну.

— Ну что же, *finita la comedia*, как изрек
бы наш друг Лаврентьев... Когда-нибудь он
скажет нам спасибо за то, что мы стояли на
страже его доброго имени, берегли его честное
сердце.

— И за то, — улыбаясь, добавил Анохин, — что открыли тайну короны Пилура. Наследники мистера Пирпонта Дюрана еще не подозревают, что они в эти дни потеряли добрый миллион долларов.

— Что ж, каждый археолог — разведчик прошлого, но, как видите, иногда и разведчику приходится стать археологом.

— Павел Александрович, а вы меня многому научили на этом деле, — сказал Анохин. — Всегда радостно убедиться, что ты был прав в своей вере в человека, а не в своих подозрениях.

— Знаете, дорогой Федор Ильич, Дзержинский нам частенько говорил: если ты не слышишь в своей душе любви к человеку, из тебя не будет настоящего чекиста.

— Интересно, как чувствует себя теперь автор операции «Белая бабочка»? — засмеялся Троян. — Хотел бы я сейчас посмотреть на Регля и его шефов...

Вечером того же дня журналист Тургин и Ляля прощались с Сергеем Ивановичем, Оксаной и сразу загрустившим Колей.

За ужином на веранде дачи Лаврентьева многое было сказано о жизни, работе, о последних событиях в заповеднике, о настоящих друзьях и о враге, которого не всегда легко распознать.

Отодвинув стол, молодежь на прощанье фотографировалась.

— Ну, девушки, последние кадры, — пробовал шутить Коля.

— А разве вы уже не хотите быть нашим земляком? — лукаво спросила Ляля.

— Надеюсь, — вздохнул Коля.

— Интересно, в какой город ты захочешь поехать в будущем году? — серьезно, ничем не выдавая иронии, сказала Оксана.

Девушки рассмеялись, и Коля, используя момент, зажег магний.

...Тургин с Лаврентьевым сидели в комнате, доигрывая прощальную партию.

Заметив лежащую на тахте книжку с коричневой вертикальной полосой около корешка, Тургин с удивлением спросил:

— Сергей Иванович, и вы увлекаетесь детективами?

Лаврентьев скосил глаза на книгу и хохотнул:

— Водится такой грешок... Но в жизни, наверно, все совсем не так, как в этих книгах.

В глазах Тургина заплясали озорные искорки...

За окном на веранде снова вспыхнул магний, и Тургин, посмеиваясь, сказал:

— Моя дочь увозит целый чемодан фотографий.

— А вы не запаслись иллюстрациями для очерка?

— Материалов теперь у меня много. Вот только когда напишу? Приедешь домой — заведишься. Новые дела навалятся.

— Если, друг мой, нужна будет консультация — вы без церемоний, прямо ко мне в Академию или домой.

— Спасибо, Сергей Иванович. Разрешите тут же воспользоваться вашей любезностью. Покажите мне, пожалуйста, вашу белую бабочку.

— Вы только, бога ради, не вздумайте об этом написать! — замахал рукой Лаврентьев. — У каждого свои причуды. А показать — покажу.

Лаврентьев подошел к письменному столу, достал из ящика маленькую коробочку, вынул древнюю белую костяную бабочку с приделанной к ней булавкой и протянул Тургину.

Тургин положил бабочку на ладонь, посмотрел на нее и сказал:

— Когда-нибудь, Сергей Иванович, я расскажу вам любопытную историю...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава первая, которой следовало быть эпилогом	3
---	---

Глава вторая. Две находки

Тридцать два куска мрамора	9
В заброшенном склепе	17
Донесение майора Анохина	21
На «диком» пляже	24
Интервью академика Лаврентьева	27

Глава третья. Корона, проданная с молотка

Огоньки на курганах	34
Петербург, 1913 год	49
Профессор Регль спорит с гостем	52
Заметка в старой газете	56

Глава четвертая. Кладонискатель из Терновки

Подземный музей гражданина Куцего	65
Точка зрения	72
Первый допрос	83
Голова Захара Хомяка	87
Дочь золотых дел мастера	95

Глава пятая. Следствие продолжается

Концерт Рахманинова	100
Трое в одном купе	107
Разговор в урочище Ста могил	114
Тиха южноморская ночь...	122
Гроза над Эосом	128
Кусок палки	133
Хранитель заповедника	139

Глава шестая. Ордер на арест

Ученик Дзержинского	146
Сегодня у нас гости...	156
Житие Якова Стасюка	162
Заговор против сердца	169
Загробная жизнь Остала Шелеха	180

Глава последняя, в которой полковник Троян и журналист Тургин прощаются с друзьями	203
--	-----

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
Центр, Хохловский пер., 7.
Трудрезервиздат*

Художник И. Пахолков

*Авторы Борис Михайлович Рабичкин
и Исаак Григорьевич Тельман*

*Редактор Б. Ф. Третьяченко
Техн. ред. Н. Л. Матусевич*

•

А03663. Сдано в наб. 9/III—57 г.

Подп. к печ. 10/V—57 г. Бум. 70×92¹/₃₂—7,6 п. л.

В 1 п. л. 39.300 зн. Уч.-изд. л. 7,46.

Уч. № 62/3671. Тираж 90 000 экз. (1 завод 1—45 000)

Цена 3 р. 25 к.

•

Типография Трудрезервиздата.
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 366.